

Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Кафедра истории Нового и Новейшего времени Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
Русская христианская гуманитарная академия

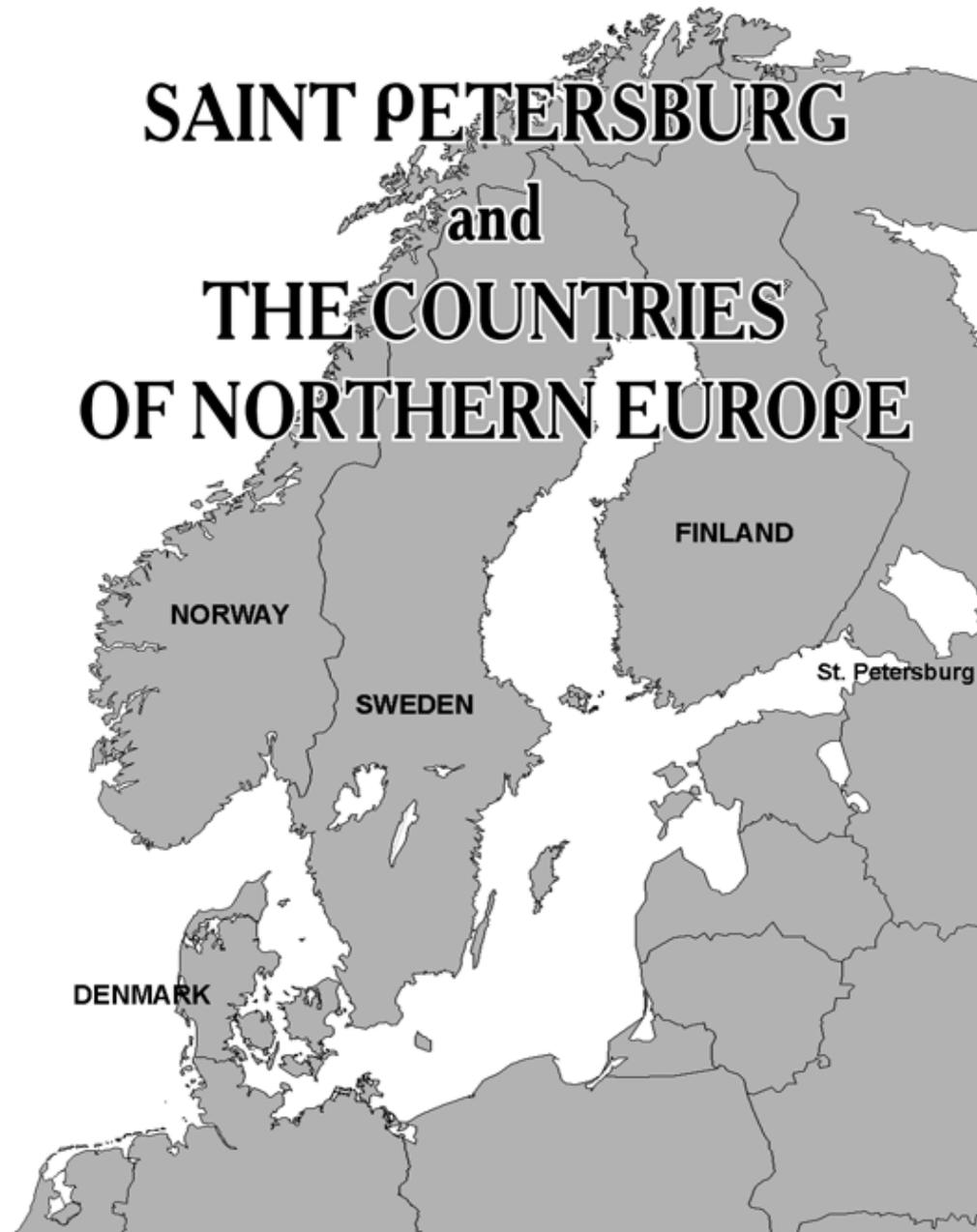
*Материалы шестнадцатой ежегодной
международной научной конференции*

Санкт-Петербург
2015

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE

***Proceedings of the 16th Annual International
Conference***

**Saint-Petersburg
2015**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),
д-р ист. наук, профессор В. Е. Возгрин,
Т. Н. Гордецкая,
д-р ист. наук, профессор П. А. Кротов
(зам. ответственного редактора),
канд. пед. наук, доцент Н. В. Белкина,
д-р филос. наук, профессор Д. В. Шмонин

Рецензенты:

канд. ист. наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская национальная библиотека);
канд. ист. наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции (2–3 апреля 2014 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2015.— 295 с.

ISBN 978-5-88812-536-6

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов шестнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы, и является приложением к журналу «Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN ISBN 978-5-88812-536-6

- © В. Н. Барышников, П. А. Кротов, составление, 2015
- © Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2015

The Editorial Board:

PhD in History, professor *V. N. Baryshnikov* (managing editor),
PhD in History, professor *V. E. Vozgrin, T. N. Gordezkaya*,
PhD in History, professor *P. A. Krotov* (assistant editor),
Assistant professor *N. V. Belkina*,
PhD Doctor in Philosophy, professor *D. V. Shmonin*

Reviewers:

Candidate of Historical science *A. V. Likhomanov*
(The Russian National library);
Candidate of Historical science *A. I. Teryukov*
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the sixteenth annual scientific conference (2–3 of April 2014). Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. SPb. RCHGA, 2015.

The collection consists of scientific articles based on the materials of the reports of the sixteenth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”.

The book is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries and is a supplement to the journal “The works of Modern and Contemporary history department” (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

© V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, edited 2015
© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов шестнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой Истории Нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 2–3 апреля 2014 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые исторического факультета, факультета международных отношений СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов*.

* http://novist.history.spbu.ru/event_68.html

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2014 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скандинавскими странами и Финляндией. Также часть выступлений, включенных в сборник, была выполнена в рамках III международной научной конференции «Россия и страны Северной Европы: от национальных государств к единой Европе — проблемы европейской интеграции в Новое и Новейшее время», которая прошла 7–9 апреля 2014 г. в Российском центре науки и культуры в Хельсинки*, и международной научной конференции «Россия и Финляндия. История взаимоотношений и противостояния. к 70-летию выхода Финляндии из Второй мировой войны», которая прошла 27 сентября 2014 г. в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала»**.

Одновременно особое внимание при составлении материалов сборника было обращено на научные статьи, выполненные на основе докладов, касающиеся раскрытия научно-исследовательского проекта «*От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.*». Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»***. Все материалы

* http://novist.history.spbu.ru/event_69.html

** http://novist.history.spbu.ru/fotos_107.html

*** Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конферен-

конференций размещены на сайте — <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

ции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2012; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2013; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2014.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the fifteenth annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries».

The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 2–3 of April 2014. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it*. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2014. Some of the reports were also made on the third international scientific conference: «Russia and the Northern European countries: from the national states to a unified Europe — problems of European integration in the modern and contemporary history», that was held on

* http://novist.history.spbu.ru/event_68.html

7–9 of April 2014 in Russian center of science and culture in Helsinki and international scientific conference «Russia and Finland. The history of the cooperation and confrontation. On the 70th Anniversary of Finland withdrawal from the Second World War», which was held on September, 27. 2014 in the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala»*.

While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference, devoted to revelation of scientific-research project «From national states to united Europe: problems of European integration in XIX–XXI centuries». The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»**. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

* http://novist.history.spbu.ru/fotos_107.html

** Petersburg and North European countries// Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb., 2007; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the ninth annual Scientific Conference. SPb., 2008; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb., 2009; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb., 2010; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb., 2011; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the thirteenth annual Scientific Conference. SPb., 2012; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2013; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2014.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

Т. А. Базарова

**«ЗА КИВИКОВОЮ СТАНИЦЕЮ ЛЕСАМИ
И БОЛОТАМИ...»: ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КОМЕНДАНТ
ВЫБОРГА Г. П. ЧЕРНЫШЕВ И БОРЬБА С «КИВИКАМИ»**

13 июня 1710 г. после почти четырехмесячной осады шведский гарнизон Выборга сдался, и в крепость вошли русские войска¹. Первым русским комендантом крепости по указу Петра I стал участвовавший в военных действиях бригадир Григорий Петрович Чернышев (1672–1745). Через несколько лет он написал в своих мемуарах: «И по его императорскаго величества указу определен я комендантом, и оставлено со мною 6-ть полков, и из разных полков больных и раненых 1800 человек»².

Завоеванный русскими войсками Выборг вошел в состав Санкт-Петербургской губернии и попал под юрисдикцию ее губернатора А. Д. Меншикова. В хранящейся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН походной канцелярии светлейшего князя (ф. 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова») содержатся несколько десятков писем первого выборгского коменданта за 1710 г., которые тот регулярно отправлял с отчетами, реестрами и табелями в Санкт-Петербург. Нельзя сказать, что этот комплекс материалов совсем не известен историкам. Часть писем из походной канцелярии А. Д. Меншикова исследовал и опубликовал А. З. Мышлаевский³, продолжают обращаться к ним и современные историки.

Сохранившиеся в походной канцелярии А. Д. Меншикова документы показывают круг обязанностей Г. П. Чернышева в качестве выборгского коменданта в первые месяцы после завоевания Выборга. Спустя несколько дней после взятия крепо-

сти, 22 июня Петр I указал, «что делать в сей короткой час для укрепления города Выборга»⁴. Инструкция о том, как восстанавливать разоренные и возводить новые бастионы, а также сооружать брустверы, прилагалась к чертежу (по-видимому, не сохранившемуся). Имя адресата в ней не указано⁵. Можно предположить, что царский указ предназначался оставшемуся на время в завоеванной крепости Ф. М. Апраксину.

Непосредственное руководство строительством осуществлял первый выборгский комендант. Вначале земляные работы велись силами гарнизонных полков⁶. Затем в помощь к ним из Санкт-Петербурга прислали работных людей. 6 августа 1710 г. комендант докладывал А. Д. Меншикову, что в Выборге здоровых и больных работников 1181 человек (в том числе 749 татар), а также «каторжных на работе 183»⁷.

К концу лета 1710 г. число полков в крепости увеличилось до 13 или 15 (Гренадерский, Апраксин, Троицкий, Смоленский, Азовский, Зотов, Юрлов, Шкетов, Неклюдов, Козодавлев, Желтухин, Батулин, Драгунский и Пермский)⁸. Поэтому первоочередной задачей коменданта стало обеспечение продовольствием солдат, работных людей и выборгских обывателей. В основном продукты доставляли из Санкт-Петербурга (а затем и из Кексгольма), однако запасы пополнялись и путем изъятия продуктов у местных крестьян. Организация сбора продовольствия в окрестных деревнях, уже разоренных как шведскими, так и русскими войсками, была нелегким делом. В начале декабря Г. П. Чернышев доносил А. Д. Меншикову: «Чюхны в хлебе и в сене имеют нужду»⁹. Окрестные крестьяне не намеревались отдавать последнее продовольствие и фураж для нужд русской армии и скрывали свои запасы.

Выборгский комендант пристально следил за передвижением неприятельской армии и флота, чтобы не допустить внезапного появления близ Выборга, а также противостоял набегам неприятельских отрядов, которые генерал-майор Г. Любеккер регулярно отправлял для разведки, захвата языков и сбора провианта на контролируемую русскими войсками территорию. В свою очередь, партии из драгун и казаков с аналогичными заданиями посылал и сам Г. П. Чернышев. Так, например, 26 сентября он направил в Выборгский уезд в сторону Або (Турку) и к Вильманстранду (Лаппенранте) «для охранения,

чтоб не пришел к нам безвестно неприятель» подполковника Окунева, «при котором драгун, салдат и казаков 600 человек; и велено ему стоять в удобном месте и непрестанно проведывать и иметь опасение от неприятеля и збирать и высылать в Выборх правиант немедленно»¹⁰.

Важное место в деятельности коменданта занимала организация борьбы с партизанским движением — «кивиками». Эти отряды создавались по распоряжению шведского военного командования и пользовались поддержкой местного населения, что влияло на взаимоотношения русских военных и местных жителей. Особенно «кивики» активизировались весной в 1710 г. во время осады Выборга и не прекратили нападать на небольшие отряды, курьеров и обозы после взятия крепости русскими войсками.

Так кто же они, «кивики»? Сложно сказать, когда впервые стало употребляться это слово. Тем не менее 7 сентября 1708 г. (т. е., за два года до взятия Выборга) Ф. М. Апраксин докладывал Петру I: «...вчерашняго дня поймали из капорских чухон 4 человека да из кивиковой станицы одного шпионов, которых я велел повесить по дорогам въ разных местах»¹¹. Отметим, что Ф. М. Апраксин в своем донесении отделил оказывавших сопротивление русской армии местных жителей Копорского уезда («чухна», «шиши») от «кивики» (надо полагать, пришедших из-под Выборга).

Большинство историков полагает, что название произошло от имени собственного: Кивика или Кивикеса. Однако до сих пор остается загадкой, кем был этот Кивик. В историографии существуют различные точки зрения. М. М. Бородкин считал, что Кивикес был ингерманландским крестьянином¹². Б. Адамович полагал, что Кивик — это шведский офицер. Он написал: «На пути между Петербургом и Выборгом, по которому ходила почта между царем и Апраксиным, лежала прославившаяся во время войны, станица “Кивиков”. Русские их называли попросту разбойниками, но есть, однако, основание верить и шведским указаниям, что это было гнездо отважного партизана Кивика, бывшего прежде офицером»¹³.

Заметим, что в донесениях, письмах и указах встречаются многочисленные упоминания о «кивикской станице». Однако во всех случаях речь идет отнюдь не о населенном пункте. Слово

«станция» употреблялось в своем первоначальном значении — отряд конной разведки.

Другой исследователь, М. Васильев, обратил внимание на факт поимки 2 апреля 1710 г. отряда «кивиков» из 30 человек. Возглавлявший отряд «воровский поручик» Кивик впоследствии был сослан на каторгу в Азов¹⁴. Данный эпизод с поимкой Кивика приводят в своих исследованиях и современные историки¹⁵.

В подробностях вышеупомянутая акция 2 апреля 1710 г. описана в донесении Ф. М. Апраксина Петру I¹⁶. Посланный с командой лыжников гренадерский поручик И. И. Найдинский обнаружил и разбил конный отряд «кивиков», захватив в плен 17 рейтар, в числе которых действительно был некий «воровской поручик». Особо отметим, что его имени в донесении не указано. Через десять лет, в 1720 г., эпизод с захватом вражеских рейтар вспоминал и сам И. И. Найдинский. В своей «сказке» 1720 г. он указал, что «ходил в партию» с Г. П. Чернышевым («...и во оной партии был я посылан на лыжах и взял сам-третей шведских рейтар чрез то дело 17 человек») ¹⁷.

Таким образом, до утверждения М. Васильева акция по захвату вражеской партии с поимкой шведского поручика Кивика никем не связывалась. Добавим, что И. И. Найдинский был опытным офицером-разведчиком. Он указал, что в 1705–1708 гг. Ф. М. Апраксин и Р. В. Брюс для разорения неприятеля, а также «поиска» языков и вражеских партий посылали его «в разных месяцах и числах особливою командою в партии к Выборгу и к Кексголму зимою на лыжах, а летом сухим путем... а сколько раз ходил в оные годы — того написать не упомяну, понеже много раз посылан я был»¹⁸.

Между тем, судя по донесениям Г. П. Чернышева А. Д. Меншикову, действия неуловимого отряда офицера Кивика, добравшегося до русских постов лесами и болотами, являлись острой головной болью первого выборгского коменданта летом, осенью и зимой 1710 г.

Уже 16 августа 1710 гг. П. Чернышев распространил следующий указ: «Объявляю сим Выборгского уезду мызником и всяким обывателем: ежели кто услышит про неприятельских или про воров кивиковой станицы людей, чтоб в Выборге или которые будут отправлены в партию, тотчас объявляли; за что ко оным будет государева милость, а именно денежное жало-

ванье»¹⁹. За недонесение о прибытии в мызы и деревни Кивика грозило наказание — «такие мызы и деревни будут позжены, а жители все без остатку перевешены». Выразавшим желание служить государю местным жителям («дабы оные проводывали про неприятелских, также про вора кивиковой станицы людей») обещали щедрую награду. За известие «про вора кивиковой станицы людей, где бывають пристанища» русское командование было готово платить 10–20 руб., за поимку и привод неприятеля в Выборг — 100 руб.²⁰

По-видимому, для организации борьбы с «кивиками» даже ввели специальную статью расходов. На подкуп местных жителей привозили деньги из Санкт-Петербурга. В начале сентября 1710 г. в Выборг доставили «на дачю солдатам и шпионам и прочие расходы — 1000 руб.»²¹. Крупные денежные награды привлекали жителей разоренного Выборга и его окрестностей. В сентябре Г. П. Чернышев сообщил А. Д. Меншикову, что «выборския обыватели из мещан 2 человека хотят иттить шпионами в неприятельския полки и в Абов»²². По ним взяли поручные письма и отправили на шведскую сторону. Мещане вернулись в Выборг и доставили сведения о численности и расположении войск Г. Любекера.

1 сентября из Выборга послали в три разных места «в партию» 600 человек. Тогда «за кивиковую станицею лесами и болотами» ходили майоры Юшков и Путилов²³.

Вскоре Юшков сообщил коменданту, что Кивик с отрядом из 300 человек приплыл на судах по озеру и высадился на берег близ Вильманстранда. Неприятель скрытно прошел в двух верстах от русского отряда и направился к дороге на Санкт-Петербург. Майор обнаружил лишь лодки, на которых приплыл Кивик, и велел их спрятать «в такие места, что скоро сыскать не может». После этого Юшков устремился в погоню. На Санкт-Петербургской дороге Кивика уже караулил майор Путилов с 200 чел.²⁴ Однако маневры русских офицеров оказались напрасными. «Кивик ушел к своим чрез пороги и лесами от наших в малом разстоянии, которые возвратились в Выборх сентября в 11 день да во 12 день»²⁵.

Уже 18 сентября в Выборге вновь получили ведомость, что Кивик, «прошед Лаперанду и перешед Воксу и идет к дорогам, которыми ездят от Санктпитебургха в Выборх и в Корелу,

а людей при нем с 250 человек. Для которого того ж 18 числа отправлено от нас в два места в партии в лотках и лесами маеор с офицеры, при которых салдат 350 человек..»²⁶. 24 сентября «онье ничево не получа, пришли в Выборх. По ведомости Кивик отшел к своим и ныне обретається при Либекере».

В походной канцелярии А. Д. Меншикова сохранились материалы, дающие новые сведения, которые могут помочь установить личность Кивика. Так, 11 августа 1710 г. П. Чернышев послал майора Дмитриева в партию за реку Вуокса и в другие места, «где получить ведомость о неприятеле, которые ходят в сторону царского величества». Майор захватил в плен некоего шведа Лована Пущина, который дал такие показания: «...а как стояло государево войско под Выборхом и в то время Кивик отогнал от государева войска табун лошадей, а что числом не знает, и за то ево, Кивика, генерал Либикер пожаловал ево, Кивика, в мазоры».

В ноябре подполковник Окунев сообщил в Выборг, о приходе в Вильманstrand сухим путем неприятельской партии шведов из 60 драгун, 300 пехоты да водою пехоты 300, над которыми имели команду 2 майора да Данила Мокрой, которого называют Кивиком²⁷.

Другие факты содержит опубликованный А. З. Мышлаевским экстракт из писем петербургского обер-коменданта Р. В. Брюса, который относится 1711 г. 12 августа близ Выборга на русский обоз («пропустя нашу конницу и пехоту») из леса напала партия из 300 человек во главе с неким Пивиком. Нападение успешно отбили. Отправленный в погоню русский отряд догнал неприятеля «от обозу в 20 верстах» и «учинил с ним бой», во время которого было убито тридцать шведских драгун и солдат. Пивик («который объявил патент за рукою Ниротовою на чин свой майорский»), капитан и 5 драгун попали в плен²⁸. В допросе майор сообщил, что новый главнокомандующий армией К. Г. Нирот приказал ему направиться по Санкт-Петербургской дороге и вдоль Невы и добыть «знатного» языка. В команде Пивика было 230 человек, а у присоединившегося к нему капитана 100 солдат²⁹.

Об одном ли лице идет речь или нет, пока можно только предполагать. Но уже точно можно утверждать, что Кивик не был легендарной личностью. И конечно, он был не крестьянином, а шведским офицером, который с 1710 г. имел чин майора.

По мнению М. Е. Проскуряковой, в дальнейшем присоединение Карелии к России в целом не вызвало ожесточенного противостояния местного населения российской власти, которая стремилась поддерживать хорошие отношения с местным населением. Тем не менее «кивики» продолжали активно действовать даже после подписания Ништадтского мирного договора в 1721 г.³⁰ Однако, как показала М. Е. Проскурякова, в те годы в ряды партизан на территории Выборгского и Нейшлотского уездов зачастую вступали не только местные жители, но и люди, искавшие легкий заработок и не гнушавшиеся разбоем³¹.

¹ Подробнее см.: *Бородкин М. М.* Двухсотлетие взятия Выборга. СПб., 1910; *Адамович Б.* Осада Выборга 1710 г. // Военный сборник. 1903. № 9. С. 25–49; *Васильев М.* Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953; *Мошник Ю. И.* Выборг в 1710 году // Страницы Выборгской истории. СПб., 2004. Т. 2. С. 207–221 и др.

² Записки графа Г. П. Чернышева / Сообщ. Ф. К. Опочинин // Русская старина. 1872. Т. V. Июнь. № 6. С. 795.

³ *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 г.: (Документы Государственного архива). СПб., 1893 (Сборник ВИМ. Вып. V). С. VI.

⁴ ПиБ. Т. X. М., 1956. № 3835. С. 206.

⁵ Там же.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 3758. Л. 1–3.

⁷ Там же. Д. 3738. Л. 1 об.

⁸ *Славнитский Н. Р.* Укрепления Выборга в годы Северной войны // Северная война: Взгляд из Выборгского замка. Выборг, 2010. С. 18.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 7. Л. 55 об.

¹⁰ Там же. Л. 71.

¹¹ *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... № 24. С. 23.

¹² *Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. С. 188.

¹³ *Адамович Б.* Осада Выборга: 1710 год // Военный сборник. 1903. № 9. С. 33.

¹⁴ *Васильев М.* Осада и взятие Выборга русскими войсками и флотом в 1710 г. М., 1953. С. 54.

¹⁵ Напр.: *Мельнов А. В.* Действия русских войск на подступах к Выборгу в 1710 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: Исследования и источники. 2012. Т. I. С. 471.

¹⁶ *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... № 80. С. 90.

¹⁷ *Адамович Б. А.* Сборник военно-исторических материалов Лейб-гвардии Кексгольмского Императора Австрийского полка. СПб., 1910. Т. I. Ч. I. СПб., 1910. С. 65.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ф. 83. Оп. 2. Кн. 7. Л. 43.

²⁰ Там же. Л. 43 об.–44.

²¹ Там же. Л. 72.

²² Там же. Л. 71 об.

²³ Там же. Л. 73 об.

²⁴ Там же. Оп. 1. № 3813.

²⁵ Там же. Оп. 2. Кн. 7. Л. 61.

²⁶ Там же. Л. 61–61 об.

²⁷ Там же. Л. 67.

²⁸ *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах... № 128. С. 168.

²⁹ Там же.

³⁰ *Бородкин М. М.* История Финляндии: Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 189.

³¹ Моя глубокая благодарность М. Е. Проскуряковой, предоставившей эти данные из своей еще не опубликованной монографии.

Г. М. Коваленко

СВЕН БЭЛЬТЕР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. 1744–1745

Пожалуй, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно, как Россия, описана западноевропейскими наблюдателями. Важное место в европейской «Россике» занимают шведские травелоги. Шведский исследователь Магнус фон Платен отметил, что «за последние 250 лет в Швеции вышло более 100 изданий с описаниями путешествий по России. Шведам всегда была интересна Россия и особенно расположенный вблизи ее границ всемирно известный Петербург»¹.

Шведская «Россика» XVIII в. достаточно хорошо известна исследователям и введена в научный оборот. Неопубликованных травелогов сравнительно немного. К их числу относится дневник священника Свена Бэльтера — члена шведского посольства Хермана Сёдеркрейца 1744–1745 гг., целью которого было возобновление дипломатических отношений после Русско-шведской войны 1741–1743 гг.

Свен Бэльтер (1713–1760) родился в Сёдерхамне в купеческой семье, в 1730–1735 гг. изучал богословие в Упсальском университете, в 1738 г. был рукоположен в пасторский сан, в 1740 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1739 г. стал помощником настоятеля кафедрального собора в Упсале Улофа Цельсия, в 1744 г. был назначен придворным проповедником и в том же году был прикомандирован к посольству Сёдеркрейца².

Посольство отправилось из Стокгольма 19 июня и 30 июня прибыло в Петербург, знакомство с которым для Бэльтера на-

чалось с его окрестностей, которые он наблюдал с борта яхты «Фреден».

«Недалеко от Петербурга находятся провиантские склады галерной эскадры, а также Галерный двор, где стоит много галер. Слева красивые поостройки, дома факверковые. На правой стороне расположен Екатерингоф, не особенно красивый. Дальше, на той же стороне находятся мыза Стрельна, Петергоф и Ораниенбаум, все — царские или загородные дворцы. По обеим сторонам реки Невы, от Екатерингофа и Галерного двора тянется красивый берег, слева поросший лиственным лесом, а справа — смешанным лесом, за которым виднелись двухэтажные каменные казармы Измайловского полка.

Далее открывается вид на город: по левую сторону лежит Васильевский остров, который покрыт лиственным лесом и довольно красив. Там, где начинается город, по левой стороне построены двухэтажные каменные дома. На правой стороне можно увидеть 9 ветхих мельниц»³.

Первую ночь члены посольства провели на своих судах, а на следующий день их разместили во дворце князя Куракина, где 1 июля Бэльтер прочитал для них проповедь.

2 июля он посетил Адмиралтейство, Зимний и Летний дворцы. При посещении последнего он обратил особое внимание на окружающий дворец сад, в котором росли растения из разных стран, в том числе и яблони из Швеции, скульптурный декор, технически изощренные фонтаны и большой трехстворчатый грот, стены которого были украшены узорами из морских раковин. Он осмотрел также дворец Румянцева и побывал на рынке⁴.

Перед отъездом Бэльтер получил поручения от профессора астрономии Андерса Цельсия и от известного натуралиста Карла Линнея. Цельсий рассказал ему, что астроном и картограф Жозеф Делиль, работавший в Академии наук, ведет неупорядоченный образ жизни, в связи с чем возникла опасность, что его бесценные заметки об астрономических наблюдениях, сделанных им в Китае, Африке и Европе, будут утеряны. Цельсий просил Бэльтера предпринять какие-то меры, чтобы сохранить коллекцию де Лиля⁵.

Бэльтер поспешил выполнить поручение Цельсия и 4 июля побывал у Делиля в астрономической обсерватории. Делиль показал Бэльтеру 2 телескопа Tubum Gregorianum и Tubum

Neutronium (Ньютоновская труба) и пожаловался, что у него нет тех приборов, которые ему необходимы⁶.

6 июля Делиль посетил Бэльтера и рассказал ему, что он подал прошение об отставке, а потому его астрономические собрания могут у него забрать. Поэтому он предложил Бэльтеру принять их у него и распорядиться ими по собственному усмотрению. Бэльтер принял их, упаковал в два больших сундука и отправил в Швецию, откуда они потом были переправлены во Францию. В благодарность Делиль стал его гидом по Петербургу и дал ему подробные разъяснения о состоянии литературы в России. 11 июля Бэльтер побывал у Делиля и осмотрел его замечательную библиотеку.

16 июля Делиль сопровождал Бэльтера к известному немецкому ботанику, директору Ботанического сада Иоганну Сигисбеку, которого его просил посетить Линней, и осмотрел Ботанический сад, в котором было представлено более 1000 видов растений. Их беседа началась с желчных высказываний Сигисбека в адрес Линнея, система классификации растительного и животного мира которого, по мнению ботанического иерарха, была несостоятельной и безнравственной⁷. Подобной оценки он удостоил и труды Андерса Цельсия. Бэльтер был огорошен таким приемом и сказал, что профессору лучше воздержаться от критики в адрес Цельсия до выхода его трудов, что же касается Линнея, то его система признана большинством европейских ученых. После чего он распрощался с нелюбезным и надутым профессором и более не досаждал его своими визитами.

В сопровождении Делиля он посетил профессора ботаники Иоганна Гмелина, который принял его совсем не так, как Сигисбек. Гмелин показал ему свои сибирские коллекции и подарил ему три экземпляра «Flora Sibirica» (для самого Бэльтера Цельсия и Линнея). Он дал ему также семена сибирских растений и несколько живых растений в горшках для Линнея⁸. Гмелин рассказал ему, как работы Линнея помогли ему классифицировать неизвестные виды растений, обнаруженные им в Сибири. Благодаря Бэльтеру Гмелин вступил в переписку с Линнеем, которая продолжалась много лет⁹.

Важным событием во время пребывания Бэльтера в Петербурге стала его встреча с бывшим доцентом из Упсалы Арвидом Градиным, которого он знал со студенческих лет. В Петербурге

он был миссионером Цицендорфа¹⁰. Для Бэльтера было важно познакомиться с учением Цицендорфа (гернгутизмом) через такого его знатока, каким был Градин. Градин в Петербурге находился под арестом по наущению священников лютеранской церкви. Но Градин был отпущен на поруки и несколько раз посетил Бэльтера и по его предложению проповедовал в резиденции посольства. По этому поводу немецкие пасторы заявили протест, на что Бэльтер ответил, что он не усмотрел в его проповеди ничего крамольного. Сам же Бэльтер извлек из общения с Градином большую пользу, поскольку тот разъяснил ему, в чем заключаются узловые моменты разногласий между лютеранами и гернгутианцами¹¹.

20 июля Бэльтер отправился в Петергоф, по пути он также осмотрел дворец Федора Алексеевича Головина. Он кратко описал Петергоф и три небольших дворца в его окрестностях, отличавшиеся изысканным убранством: Эрмитаж, Монбизу и Монплезир.

«С балкона дворца открывается вид на прекрасные каскады и на канал, соединяющий с заливом. По обеим сторонам канала посажены ели и сооружены фонтаны, что делает вид еще более приятным и восхитительным. Ниже дворца разбит великолепный парк с многочисленными аллеями, беседками и фонтанами. <...> Рядом с дамбами лежат киты, из которых бьют мощные струи воды. Мы видели уток и собаку, сидящих на большом металлическом кругу. Когда фонтан работает, они движутся друг за другом и издают естественные звуки. В двух мраморных бассейнах в окружении фонтанов стоят статуи Адама и Евы. Повсюду видны бронзовые позолоченные статуи»¹².

29 июля Бэльтер прочитал для членов посольства проповедь о фарисее и мытаре, на которой присутствовал Градин, и посольство отбыло в Москву.

После четырехмесячного пребывания в Москве Бэльтер возвратился в Петербург 25 декабря и продолжил знакомство с городом. Уже на следующий день он посетил зоологический сад:

«Видел 14 слонов, 4 из которых были самки. Это были ужасно большие существа, но тем не менее персы, ухаживающие за ними, весьма легко заставляли вставать их на колени и, странно нагибаясь, изображать благодарность и почтение. Я даже видел, как один слон поднял человека своим хоботом и посадил его се-

бе на спину. Они были привязаны железными цепями. Сначала, когда они были привезены в страну, на каждого выплачивались генеральские суточные. Еще я видел двух белых медведей, льва, волка, бурую лисицу, обезьян и птиц разных видов»¹³.

9 апреля на Неве начался ледоход, и Бэльтер записал в своем дневнике: «Нева начала вскрываться, и в тот же вечер река большей частью освободилась ото льда, после чего после трех пушечных выстрелов из крепости был открыт проезд для лодок и других судов. Когда ожидали освобождения реки ото льда, по берегам была расставлена охрана, которая должна была удерживать народ от опасного перехода реки по льду. Но тому, кто давал стражникам две копейки, разрешалось попробовать выйти на лед».

«14 апреля в Петербурге отмечали Пасху. Утром палили из пушек с крепости и Адмиралтейства. Дарили друг другу крашеные яйца. С самого утра, как только русские проснулись, они начали есть мясо»¹⁴.

Бэльтер пишет о том, что императорский двор тратит 11 000 рублей в месяц на чай, кофе и шоколад, в то время как Академия наук в Петербурге получает в год 25 000 рублей, хотя для того, чтобы безбедно существовать, на нее необходимо выделять 50 000, что вряд ли когда-нибудь произойдет. Русские мало занимаются наукой. Единственные дисциплины, которые их интересуют, — это география и языки.

Бэльтер отметил также плохое состояние судопроизводства в стране и повсеместное взяточничество: «В России плохое состояние судопроизводства. Если дать несколько рублей секретарю в прокуратуре, то можно провести любое незаконное дело»¹⁵.

В сентябре 1745 г. Бэльтер вернулся в Швецию, где служил настоятелем кафедрального собора в Векшё и писал работы по теологии, в том числе по гомилетике¹⁶. В 1762 г. был опубликован его фундаментальный труд по истории шведского церковного церемониала¹⁷.

В епархиальной библиотеке Векшё хранился его дневник, который впоследствии был передан в городскую библиотеку. Дневник представляет собой рукопись объемом 87 листов в кожаном переплете. Записи сделаны главным образом на шведском языке. Есть также вставки на французском, латинском, итальянском и немецком языках, а также цитаты из Библии на греческом и шведском языках. В дневнике представлены рисунки автора.

Дневник Свена Бэльтера представляет собой ценный исторический источник, тем не менее до сих пор он остается практически вне поля зрения исследователей. Краткий обзор его содержания дал в 1958 г. известный шведский археолог Туре Арне¹⁸, резюме которого изложил Магнус фон Платен в своей статье о шведских путешественниках в Петербурге¹⁹.

¹ Платен М. Санкт-Петербург глазами шведских путешественников 18 века // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 77.

² Lizzel G. Baelter Sven // Svenskt Biografiskt Lexikon. B. 2. Stockholm, 1920. S. 551–555.

В том же году в Россию отправилось также датское посольство, к которому в качестве пастора был прикомандирован теолог Педер фон Хавен, автор записок «Путешествие в Россию» (1743, 1747).

³ Sven Baelters dagbok. Växjö stiftsbibliotek. Ms 8:17. 29 июня (пагинация в дневнике отсутствует).

⁴ Ibidem. 2 июля.

⁵ Dellner J. Sven Bälter. En homiletisk studie. Akademisk avhandling. Uppsala, 1916. S. 45.

⁶ Sven Baelters dagbok. 4 июля.

⁷ Впоследствии Линней назвал полученное им из Сибири невзрачное полу-сорное растение Сигезбекией восточной (*Siegesbeckia orientalis*).

⁸ Потом Бэльтер передал их в университетский ботанический сад в Упсале.

⁹ Dellner J. Sven Bälter. S. 46.

¹⁰ Граф Николай Людвиг фон Цинцендорф (1700–1760) — один из видных богословов XVIII в., епископ и реформатор Моравской церкви, основоположник экуменического движения в недрах протестантизма. В 1722 г. он создал основанное на коммунальном принципе поселение Гернгут, ставшее центром духовного обновления, социально-религиозной реформы и миссионерской жизни.

¹¹ Dellner J. Sven Bälter. S. 47–48.

¹² Sven Baelters dagbok. 20 июля.

¹³ Ibidem. 26 декабря.

¹⁴ Ibidem. 9, 14 апреля (1745).

¹⁵ Ibidem. 3 мая.

¹⁶ Гомилетика — наука о христианской церковной проповеди.

¹⁷ Historiska anmärkningar om kyrko-ceremonierna, så wall wid den offentliga gudstjensten som andra tilfällen hos de första christna och I Swea rike; i synnerhet efter reformationen til närwarande tid. Stockholm, 1762.

¹⁸ Arne T. J. Sven Bälters rysslandsresa // Svio-Estonica. V. XIV. Lund, 1958. S. 172–180.

Ю. Д. Балащенко

**ИНТЕГРАЦИЯ И. Е. РЕПИНА И ЕГО СЕМЬИ
В ОБЩЕСТВО ФИНЛЯНДИИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА
И ПОПЫТКИ «ВЕРНУТЬ» ХУДОЖНИКА В СССР**

Знаменитый русский художник Илья Ефимович Репин (1844–1930) стал постоянным жителем сначала Великого княжества Финляндского, а впоследствии независимой Финляндии с момента приобретения в 1899 г. небольшого имения на Карельском перешейке в деревне Куоккала (ныне поселок Репино). Усадьба получила необычное для тех мест название «Пенаты» в честь древнеримских богов — хранителей домашнего очага. Она была куплена на имя Н. Б. Нордман (1863–1914), постоянной спутницы Репина в те годы. Жизнь Натальи Борисовны, писательницы и журналистки, писавшей под литературным псевдонимом Северова, также была непосредственно связана с Финляндией. Она родилась в Хельсинки в семье моряка, имевшего шведские корни и дослужившегося на русской службе до чина адмирала. Сделка, совершенная на деньги Репина, держалась в секрете до момента ухода Натальи Борисовны из жизни. Считалось, что Репин живет на ее даче.

В «Пенатах» жили не только сам Илья Ефимович и Наталья Борисовна, но и его сын Юрий. Дочери — Вера, Надежда и Татьяна, да и другие родственники со стороны жены Репина — Веры Алексеевны (1855–1918) «Пенаты» практически не посещали при жизни Нордман.

После женитьбы в 1905 г. на Прасковье Андреевне (в девичестве Андреевой) Юрию Ильичу было выделено 0,37 гектара территории усадьбы для строительства дома. «Вигвам» — так назвал свой дом Юрий, был построен ближе к заливу. Там же

жили и его два сына Гай (Георгий) и Дий (Дмитрий), родившиеся соответственно в 1906 г. и в 1907 г. Старший — Гай, в середине 20-х гг. отправился учиться в Прагу. Младший, Дий — стал моряком. Илья Ефимович с гордостью писал о внуках Д. И. Яворницкому 26 апреля 1925 г.: «Гай поступил в Пражский университет (огромный детина), Дий едет юнгой в кругосветное путешествие»¹. О дальнейшей судьбе внуков Репин сообщал Елене Павловне Тархановой-Антакольской в письме от 29 октября 1929 г.: «У нас объявился Дий, Юрин сын, моряк, приплыл из Африки... Рассказов, рассказов... Я так рад за Юру; ведь он, бедный, был совсем одинок, после похорон Паши, своей жены, матери сыновей. Третьего дня они ездили в монастырь — Ментуля, где Паша похоронена. Теперь Дий живет с отцом. Другой сын Юрия — Гай — в Праге, в университете...»² Возможно, Репин имел в виду Линтуловский монастырь, ныне уничтоженный. Каких-либо достоверных сведений о том, что Гай приезжал в Финляндию после отъезда в Чехословакию, нет. Поэтому нет смысла говорить о какой-либо его интеграции в финское общество.

Что касается Дия, то он, вернувшись к отцу и деду в «Пенаты», особо ничем не занимался, если не считать охоты. «Юра с Дием ушли на охоту — могут притащить по зайцу»³, — писал Илья Ефимович. После смерти деда Дий связался с антисоветскими организациями и по их заданию в 1935 г. нелегально перешел границу с СССР. Там он был «арестован и приговорен 10 июня 1935 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа по статьям 58–8 и 84 УК РСФСР к расстрелу», — отметила Т. П. Бородина в статье, посвященной надзору финской полицией за семьей Репина⁴. Трагедия, произошедшая с внуком Репина, вполне объяснима, если учитывать политическую обстановку в Финляндии в то время. Как указывал историк Э. П. Лайденен: «В 1920-е годы в стране находилось свыше 20 белоэмигрантских организаций, обществ и их филиалов, боровшихся с советской властью»⁵. Вряд ли в 1930-е гг. организаций, планировавших террористическую деятельность на территории СССР, стало меньше. Все они были связаны с финскими спецслужбами и, борясь за источники финансирования, конкурировали между собой. Вполне вероятно, что одни дали Дию задание, а другие предоставили информацию советским чекистам. В этом плане

показательна судьба английского разведчика С. Рейли, который 25 сентября 1925 г. перешел советско-финскую границу, а уже 3 ноября того же года был расстрелян.

После смерти Натальи Борисовны Нордман в 1914 г. и до Октябрьской революции в России в жизни Ильи Ефимовича мало что изменилось. Кардинальные перемены наступили, когда в декабре 1917 г. Великое княжество Финляндское стало независимой Республикой Финляндия. Граница между Советской Россией и новым суверенным государством прошла по реке Сестре в 6 километрах южнее Куоккалы. Эти судьбоносные события застали Репина в «Пенатах». Таким образом, Репин, никуда не уезжая из своего дома, оказался в эмиграции.

Время после революции 1917 г. явилось тяжелым испытанием не только для двух стран, но и для уже не молодого художника и его семьи. Илья Ефимович после закрытия в 1918 г. границы между Россией и Финляндией остался практически без средств к существованию. Все деньги художника, хранившиеся в русских банках, были национализированы новыми советскими властями. Тем не менее «репинские среды» продолжали существовать. Многие владельцы дач на Карельском перешейке, так же как и Репин, остались в Финляндии. Они продолжали посещать гостеприимный дом Репина. Илья Ефимович «встречал всех радушно, в особенности детей, милых барышень, юношей и, видимо, отчасти находил и черпал нужные ему впечатления... Для них репинские среды были праздником, местом обновления», — писал один из таких знакомых, Василий Филиппович Леви (1878–1953)⁶. Он познакомился с Ильей Ефимовичем после революции и за короткое время стал не только его ближайшим другом, но и помощником. Леви с семьей жил в Терийоках (ныне город Зеленогорск). В прошлом он был адвокатом, но, увлекаясь искусством еще с гимназических времен, он, переехав на Карельский перешеек, бросил адвокатскую практику и всецело занялся живописью. В 1918 г. он по совету И. И. Бродского привез Репину свои работы. Илья Ефимович высоко оценил картины художника-любителя. С этого времени началось их тесное сотрудничество, продолжавшееся вплоть до кончины Репина.

И. Е. Репин, став жителем независимой Финляндии, не стал ходатайствовать о получении финского гражданства. Но это не помешало ему участвовать в общественной жизни молодого

государства. В марте 1920 г. маститый русский художник преподнес 30 живописных полотен из своего собрания Финскому художественному обществу (Suomen Taideyhdistys). Коллекция включала семь картин, написанных им самим и двадцать три полотна других знаменитых русских художников. Как отметил сотрудник Финской национальной галереи Тимо Хууско в статье, посвященной работам Репина, которые находятся в музее Ате-неум в Хельсинки: «Ценность этого дара заключалась и в том, что ранее в собрании Художественного Общества было крайне мало произведений русских художников, несмотря на то, что Финляндия входила в состав Российской Империи...»⁷

Это событие послужило началом активной интеграции Ильи Ефимовича Репина в культурное сообщество нового государства. Известный русский художник с этого времени стал постоянным участником художественных выставок, проходивших в Финляндии. Это же относилось и к Юрию Ильичу. Он участвовал в тех же выставках-продажах, что и отец. Как отмечал Леви: — «Все выставки имели большой успех, большое посещение и много продаж»⁸.

Члены Финского художественного общества, приняв репинский подарок, избрали знаменитого живописца своим почетным членом. Вице-председатель этого Общества Вайно Бломштедт (1871–1947) в своем письме к Репину писал, что «пожертвование свидетельствует о драгоценном для нас чувстве симпатии к нашей стране, где Вы столько лет проживали»⁹.

Илья Ефимович в том году отметил двадцатилетний юбилей проживания в стране Суоми. Так что высказывание В. Бломштедта было абсолютно правомерно. Многие финны, как тогда, так и теперь считают художника не только русским, но и своим живописцем. Еще в большей степени такое отношение жителей Финляндии справедливо к Юрию Репину, чья творческая жизнь практически вся прошла на земле северного соседа России. И это неудивительно, так как Илья Ефимович и Юрий Ильич любили народ и страну, где прожили значительную часть жизни.

«Всемирно известный художник Илья Репин, — писал о нем финский писатель и совладелец салона Стринберга в Хельсинки Арвид Людеке (1884–1960) — со своим веселым, жизнерадостным, милым характером находил друзей всюду, где бы ни появлялся. В последние годы своей жизни он организовал

в Хельсинках несколько выставок, явившихся знаменательными событиями художественной жизни страны. Финские деятели искусства получили возможность ближе познакомиться со старым мастером, приглашая его на свои вечера»¹⁰.

Кульминационным моментом признания заслуг И. Е. Репина перед молодым государством и его интеграции в финское общество явилось награждение великого русского художника орденом Белой розы 2-й степени. Орден был учрежден в 1919 г., и Илья Ефимович наравне с бароном К. Г. Маннергеймом стал одним из первых обладателей высшего знака отличия страны. Указ о награждении был подписан в 1920 г. первым президентом Финляндии Каарло Юхо Столбергом (1865–1952). В конце июня того же года Вера Ильинична писала отцу, что знаменитый русский оперный певец и его друг Федор Иванович Шаляпин (1873–1938), находясь в Москве, поздравлял Илью Ефимовича с получением ордена¹¹.

Илья Ефимович гордился признанием его заслуг государством, в котором он многие годы жил и творил. 31 мая 1920 г. он поделился с В. Ф. Леви, что «от финляндского Правительства ему пожертвовали Орден командора 2-й степени Белой розы. Но при этом Репин сожалел, что «у него до сих пор нет удостоверения личности, и он даже не может проехать в Терийоки»¹². Для любой поездки за пределы Куоккалы требовалось специальное разрешение полиции. Необходимое удостоверение личности на финском языке с фотографией, выданное официальными властями, И. Е. Репин получил только 14 апреля 1921 г.¹³

Еще одним свидетельством начавшейся активной интеграции прославленного художника в финское общество служат многочисленные материалы, посвященные русскому живописцу, появившиеся в столичной прессе. В мае 1920 г. в центральном музее Хельсинки Атенеуме были выставлены картины, подаренные Репиным. Т. П. Бородин в статье, посвященной освещению этих событий, писала, что «выставка получила широкую рекламу и имела резонанс в прессе. Все центральные финские газеты Хельсинки комментировали акт передачи картин...». В этой же статье она привела слова корреспондента газеты «Хельсингин Саномат» Эдварда Рихтера, который расценил подарок Репина «как выражение его преданности Финляндии»¹⁴.

В сентябре того же года Финское художественное общество, пригласив И. Е. Репина в Хельсинки, решило отметить заслуги

своего новоизбранного почетного члена. В его честь был запланирован торжественный ужин. Приехав в Хельсинки, Илья Ефимович пробыл там практически неделю с 14 по 21 сентября 1920 г. Дни, проведенные в столице, были использованы художником в полной мере. 19 сентября Репин написал блестящий портрет знаменитого финского живописца А. Галлен-Каллела (1865–1931). О визите финского художника Репин впоследствии вспоминал, что «Галлен приходил ко мне позировать с большим штофом коньяку в кармане»¹⁵. Портрет, написанный всего за один сеанс, был подарен музею Атенеум.

Банкет, организованный в честь И. Е. Репина, как писал Тимо Хууско, прошел в «Доме благородного собрания» (Seurahuone). «Стол был накрыт на 35 человек, и в процессе празднества к его участникам присоединился генерал Маннергейм, который в то время был, несомненно, самым уважаемым человеком среди финской интеллигенции»¹⁶. Практически вся творческая элита Финляндии собралась за праздничным столом. Среди приглашенных на ужин лиц были художники, скульпторы, поэты, писатели, музыканты, композиторы и общественные деятели страны. Живописцы — А. Галлен-Каллела и П. Халлонен (1865–1933), скульпторы — В. Валлгрэн (1855–1940) и барон Э. Седеркройтц (1879–1949), архитектор Э. Сааринен (1873–1950), поэт Э. Лейно (1878–1926) и композитор Я. Сибелиус (1865–1957). Вот далеко не полный список людей, принявших участие в торжестве. Кроме вышеперечисленных было еще много других выдающихся представителей финского творческого сообщества.

Вице председатель Художественного общества Вайно Бломштедт и знаменитый финский скульптор Вилли Валлгрэн автор «Хавис Аманды» — скульптуры, олицетворяющей Хельсинки, выступили с приветственными речами. Поэт Эйно Лейно прочитал специально написанное к этому случаю стихотворение. В нем говорилось, что «Репин — ты наша любовь, как для России — Волга»¹⁷.

В ответной речи, обращенной к собравшимся выдающимся людям страны, Илья Ефимович отметил значительные перемены, произошедшие в Финляндии с момента получения независимости. Он призвал деятелей культуры приложить максимум усилий для сохранения памяти о том, что происходило на их глазах в недавно созданном государстве. Вспоминая свою

речь, Репин писал, что, «обращаясь к друзьям-художникам, я говорил, что на их обязанности лежит увековечить в картинах и портретах их теперешний великий момент национальной жизни»¹⁸. Призыв Репина, надо полагать, упал на благодатную почву. В дальнейшем художники и скульпторы создали множество произведений, которые теперь украшают музеи и города Финляндии.

Ответом на эти знаки внимания явилась картина «Финские знаменитости». Замысел ее родился у Ильи Ефимовича при возвращении поездом домой в Куоккалу. Художник решил запечатлеть на полотне банкет, устроенный в его честь. Вероятно, он чувствовал, что вряд ли еще когда-нибудь повторится такой момент, когда вместе собрались люди, бывшие гордостью страны. Такая картина стала бы не только еще одним показателем интеграции художника в общество молодого независимого государства, но и историческим документом для будущих поколений.

Работа над картиной «Финские знаменитости» продвигалась достаточно быстро, и к концу 1922 г. она была практически завершена. Многофигурная композиция поражает своими размерами — 152 × 281,5 см. И это несмотря на то, что полотно было написано художником на закате жизни. В ноябре того же года полотно было выставлено в галерее «Льеорхаммер» (Ljorhammer).

Это была первая большая выставка-продажа репинских работ в финской столице. По случаю открытия выставки был устроен прием, на котором президент К. Ю. Столберг общался с Репиным. Позднее художник вспоминал в разговоре с Чуковским, что, «когда я был с выставкой, я получил приглашение посетить Президента... Выглядим мы оба радушно — но ни слова не говорим. Он говорит только по-немецки. Но тут мне был представлен полковник, он был в русской службе. Очень обходительный. Показал мне весь дворец — столы большие из приемного зала. Множество угощений — кофе, чай, закуски — от 3-х до 4-х часов трапеза. Я там очень хорошо провел время...»¹⁹. После окончания выставки «Леви возил картину по Финляндии... Потом вернулась через 2 года... я начал кое-какую переделку»²⁰. Знакомство широких слоев финского общества в разных уголках страны с творчеством Репина, надо полагать, способствовало лучшему пониманию жителями Финляндии его творчества и тем самым лучшей интеграции самого художника в это общество. Позже

Илья Ефимович вплоть до 1927 г. неоднократно вновь обращался к картине. Пытаясь довести ее до совершенства, он многое в ней изменил. Но тем не менее полотно осталось незавершенным. Картина все последние годы жизни художника находилась в «Пенатах». Об этом свидетельствуют многочисленные фотографии мастерской И. Е. Репина. «В своем завещании, подписанном 20 августа 1927 г., — указывал Тимо Хууско, — художник отказал картину финскому правительству с условием, что оно позволит похоронить его дома, на территории “Пенатов” в Куоккала. В завещании художник также отмечает незавершенность картины»²¹.

Картина по разным причинам не была оценена по достоинству современниками. Это касается как советской России, так и, что более удивительно, Финляндии. И только сейчас, почти через сто лет после написания, ее художественная и историческая ценность получила заслуженную высокую оценку зрителей и специалистов.

Замалчивание и неприятие картины в СССР вполне оправдано. На ней изображены люди, которые внесли значительный вклад в художественное и интеллектуальное развитие молодого государства. Но они же, в той или иной степени, участвовали в гражданской войне в Финляндии. Причем они отстаивали свободу и независимость страны отнюдь не на стороне «красных». Все они попадали под определение — «белофинны», которым пользовались в литературе, изданной в СССР.

Что же касается финских искусствоведов того времени, то они также отнеслись прохладно к картине, что вызывает удивление. Вероятно, их смущало то, что картина осталась незавершенной. У простых же финнов работа Репина вызывала неподдельный интерес. Отмечая его, Илья Ефимович писал, что «частенько и финны заглядываются у меня на своих знаменитых земляков. Особенно им нравится Сааринен, знаменитый архитектор, премированный в Париже за проект вокзала в Гельсингфорсе. Маннергейм также имеет успех»²². Эти воспоминания Репина особенно ценны, так как указывают на то, что художник пользовался заслуженной популярностью не только среди образованной публики, но и у простого люда, что лишний раз подчеркивает его достаточно широкую интеграцию в разные слои общества Финляндии.

К 1922 г. относится окончательный переезд к отцу старшей дочери Ильи Ефимовича из Петрограда. До этого Вера Ильична приезжала к отцу периодически. С этого времени она стала фактической хозяйкой «Пенат». Вера помогала отцу вести домашнее хозяйство и устраивать, совместно с Леви, выставки-продажи картин отца и сына Репиных как в Финляндии, так и за ее пределами.

Необходимо отметить, что, в то время как Репин постепенно и вполне успешно интегрировался в общество Финляндии, власти, да и художественная общественность СССР, за исключением близких друзей художника, особого интереса к нему и его жизни в Финляндии не проявляли. Ситуация изменилась в 1924 г. в преддверии 80-летнего юбилея знаменитого живописца. О нем вспомнили в СССР на самом высоком правительственном уровне. В Москве, Ленинграде и других городах было решено провести выставки картин Ильи Ефимовича, а на заседании Политбюро в мае 1924 гг. Е. Зиновьев поставил вопрос «о возвращении Репина в СССР». Формулировка сама по себе странная, так как Репин ни в СССР, ни в РСФСР никогда не жил. Как отмечала библиограф художника Е. В. Кириллина, «Репин из СССР не уезжал и не просил о возвращении»²³. В пропагандистских целях было решено попытаться уговорить Илью Ефимовича переехать из Финляндии в СССР. Руководство Советского государства не без основания считало, что добровольное переселение Репина явилось бы в глазах европейского общественного мнения признанием авторитета пролетарского государства.

Сначала действовали через друзей художника — писателя К. И. Чуковского, скульптора И. Я. Гинцбурга и некоторых других. Эта активность со стороны визитеров из Страны Советов была отмечена финской сыскной полицией. Так, Илья Гинцбург, вспоминая о своей поездке к Илье Ефимовичу в конце зимы 1925 г., писал, что когда он «очутился в финском вагоне в соседстве единственного пассажира — коменданта дороги Штальберга... комендант рассказал мне об Илье Ефимовиче... и, как я понял, комендант внимательно следил за Ильей Ефимовичем»²⁴.

«Самое большое количество отчетов по надзору — установила Т. П. Бородина, ссылаясь на архивы полиции, — поступило в сыскную полицию Терийоки после пребывания у Репина

в 1926 г. делегации советских деятелей культуры»²⁵. Летом 1926 г. к Илье Ефимовичу из СССР приехала представительная делегация художников во главе с бывшим учеником живописца И. И. Бродским, который в то время был одним из самых известных и востребованных живописцев Советского Союза. Он писал портреты лидеров страны, в первую очередь В. И. Ленина и И. В. Сталина. Кроме него в состав делегации входили А. В. Григорьев, Е. А. Кацман и П. А. Радимов. Все они были не только живописцами, но и партийными функционерами партии большевиков.

Официально считалось, что делегация была послана «правительством с целью приобретения у художника работ для государственных музеев»²⁶. На самом же деле основной целью приезда делегации было убедить Репина в необходимости переезда в СССР.

И. Е. Репин напрямую переселяться в СССР не отказывался, но ничего и не предпринимал для смены местожительства. Художник был прекрасно информирован о том, что делалось в СССР, и не горел желанием туда переехать. В своей переписке Илья Ефимович был весьма откровенен. «Кто-то распространил слух, — писал он в феврале 1927 г. своему другу К. И. Чуковскому, — что я, к весне, переезжаю в СССР. И ко мне на разные лады — многочисленные запросы... Конечно вздор...!»²⁷ Об этой же газетной «утке» Репин писал и своему другу, жившему в Эстонии, Виктору Ивановичу Базилевскому: «И я не могу себе представить — кому это понадобилось, даже в газетах печатать такой нелепый вздор»²⁸. Кроме того, нельзя забывать о более чем почтенном возрасте живописца и многочисленных недомоганиях, которые сопутствовали его годам. Да и, что тоже весьма существенно — к этому времени прославленный художник был вполне интегрирован в финское художественное сообщество.

Результаты приезда делегации были более чем скромные. В августе 1926 г. Юрий Ильич приезжал в Ленинград, где его прекрасно принимали. Его визит в СССР был обусловлен намечавшимся заказом советского правительства написать по эскизам И. Е. Репина картину «Конец самодержавия». Впоследствии официальные власти Финляндии припомнили ему эту поездку. Когда Юрий запросил в 1929 г. финское гражданство, ему было отказано. Замысел же с картиной не воплотился в жизнь.

Еще одним положительным итогом визита советской делегации можно считать то, что Татьяне Ильиничне вместе с многочисленной семьей власти СССР позволили покинуть страну и переселиться к отцу в Финляндию. Переезд младшей дочери Репина состоялся весной 1930 г. после продолжительной волокиты. Но она недолго задержалась в Куоккале. После смерти отца Татьяна, вероятно памятуя о том, что ей пришлось пережить в государстве рабочих и крестьян, эмигрировала во Францию, как можно дальше от границ Советского Союза.

В августе 1929 г. И. Е. Репину исполнилось 85 лет. Юбилей прославленного живописца был отмечен не только его близкими и друзьями, но и официальными властями страны. «У финнов, — сообщал Репин Чуковскому, — я сподобился, мне показалось, чего-то вроде национального торжества! — И далее — Телеграммы — сам себе завидую — от Президента Реляндера, от генерала Бората Менерима и др [угих] много...»²⁹ Интересно отметить, что первый президент страны наградил художника высшим орденом, а второй — Л. К. Рландер (1883–1942) поздравил с юбилеем. Проявленное к русскому художнику внимание высшими должностными лицами государства лишней раз указывало на положение и значимость Репина в финском творческом сообществе. По поводу юбилея Илья Ефимович писал Д. И. Яворницкому 10 октября 1929 г.: «Как добры, как милы люди! Из-за одного этого 85-летия надо благовейно жить на свете и боготворить человечество!»³⁰

Празднование 85-летнего юбилея И. Е. Репина, которое широко отмечалось в 1929 г. в Финляндии особенно в Куоккале, явилось еще одним подтверждением вхождения маститого художника в общество страны, в которой он прожил треть своей жизни.

Что же до детей Репина — Веры и Юрия, то они не слишком вписались в финское общество. Хотя надо отметить, что они постоянно ездили на разные художественные выставки. Юрий выставлял свои картины, а Вера зачастую была вместе с Леви организатором этих выставок. Что касается Надежды Репиной, то она была больна и не покидала пределы усадьбы.

В завершение надо отметить, что сам И. Е. Репин, в отличие от других членов семьи, вполне вписался в художественное сообщество Финляндии в первое десятилетие независимого

существования государства. Его интеграцию подтверждает и награждение орденом Белой розы, и чествование в Хельсинки. Об этом же свидетельствует и празднование двух юбилеев художника, когда ему исполнилось 80 и 85 лет. Эти даты праздновались не только родными и близкими художника, но и официальными лицами страны. Ответом же живописца на все знаки внимания со стороны финской общественности явилась картина «Финские знаменитости». Несмотря на то что полотно осталось незавершенным, оно подчеркнуло как взаимодействие культур России и Финляндии, так и интеграцию русского художника в близкое ему по духу сообщество творческих людей молодой Республики. В современном мире картина стала значительным этапом в развитии добрососедских отношений между двумя соседними странами.

¹ Репин И. Е. Избранные письма в двух томах. 1867–1930. Т. 2. М., 1969. С. 360.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 406.

⁴ Бородина Т. П. Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиными его семьей // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 44.

⁵ Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 346.

⁶ Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы революции. Репин. Художественное наследство. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 312.

⁷ Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум // Каталог выставки «Репин» в Кадриоргском художественном музее. Таллинн, 2013. С. 74–75.

⁸ Леви В. Ф. И. Е. Репин в годы революции. Репин. Художественное наследство. С. 314.

⁹ Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (далее — НБА РАХ). Ф. 25. Оп. 2. Д. 99. Л. 6.

¹⁰ Людекен А. Воспоминания о И. Е. Репине // Художник РСФСР. Л., 1969. С. 310.

¹¹ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2. Д. 423. Л. 4, 5.

¹² Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 790. Оп. 1. Д. 2. Л. 21. 21 об.

¹³ НБА РАХ. Ф. 25. Оп. 2 Д. 10. Л. 1.

¹⁴ Бородина Т. П. И. Е. Репин в Финляндской прессе 1918–1930 // «В Пенатах было наше счастье». Художественный музей Южной Карелии, Сайменский Университет прикладных наук. Лаппеенранта, 2009. С. 86.

¹⁵ Чуковский К. И. Дневник 1922–1935. М., 2012. С. 205.

¹⁶ Хууско Т. Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум // Каталог выставки «Репин». Кадриоргский художественный музей. Таллинн, 2013. С. 76.

- ¹⁷ *Сойни Е.* Илья Репин в Финляндии // В Пенатах было наше счастье. С. 127.
- ¹⁸ *Репин И. Е.* Избранные письма в 2-х томах. 1867–1930. С. 331.
- ¹⁹ *Чуковский К. И.* Дневник 1922–1935. М., 2012. С. 204.
- ²⁰ Там же. С. 205.
- ²¹ *Хууско Т.* Произведения Ильи Репина в Художественном музее Атенеум. С. 76.
- ²² *Грабарь И. Э.* Репин. Журнально-газетное объединение. М., 1933. С. 237.
- ²³ *Горяева Т. М., Кириллина Е. В.* Илья Ефимович Репин: 1920-е годы // Илья Ефимович Репин, Виктор Иванович Базилевский: Переписка (1818–1929 годы). СПб.; М., 2012. С. 320.
- ²⁴ *Гинцбург И. Я.* Воспоминания, статьи, письма. Художник РСФСР. Л., 1964. С. 119.
- ²⁵ *Бородина Т. П.* Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей. С. 36.
- ²⁶ *Бродский И. А., Меламуд Ш. Н.* Репин в «Пенатах» // Искусство. М.; Л., 1940. С. 13.
- ²⁷ *Илья Репин – Корней Чуковский.* Переписка 1906–1929. Новое литературное обозрение. М., 2006. С. 256.
- ²⁸ *Илья Ефимович Репин – Виктор Иванович Базилевский.* Переписка 1918–1929. СПб, М., 2012. С. 214.
- ²⁹ *Илья Репин – Корней Чуковский.* С. 287–288.
- ³⁰ *Репин И. Е.* Избранные письма в двух томах. 1867–1930. С. 404.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Н. Р. Славнитский

**РАЗВЕДКА В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: МЕРОПРИЯТИЯ
ПО СБОРУ СВЕДЕНИЙ О ПРОТИВНИКЕ
В ПЕРИОД ОБОРОНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ РУБЕЖЕЙ
РОССИИ В 1708 г.**

Главным источником сведений о противнике в годы Северной войны стала информация, полученная от «языков», а также от перебежчиков (такие появлялись, может быть, не так часто, но бывали), причем и российские, и шведские войска использовали одинаковую тактику, которая на северо-западном театре была отработана в 1704–1705 гг.¹

В основном для этого использовали конные разъезды, а также небольшие партии, которые должны были захватывать пленных. Параллельно с этим конные (в том числе казачьи) разъезды занимались патрулированием (дабы предупредить о приближении неприятеля), в таких случаях взятие «языков» для них не являлось главной задачей, но при возможном случае они брали их.

К началу 1708 г. российские войска и администрация уже прочно закрепились в Ингерманландии, поэтому появилась возможность осуществлять более масштабные операции, разведывательного характера в первую очередь, на территории Финляндии. Теперь туда отправляли довольно крупные партии, в задачу которых входило разорение поселений, разгром небольших шведских отрядов (в том числе и разведывательных партий) и взятие языков. Причем такие операции осуществляла уже не только кавалерия, но и крупные пехотные подразделения, а также флот. Опорной базой для разведки стал остров Котлин, где к тому времени уже появились фортификационные

укрепления (включая форт Кроншлот), артиллерийские батареи и гавани. Для разведки использовали солдат гарнизонных полков Ф. С. Толбухина и П. И. Островского.

Полковник Ф. С. Толбухин в апреле был послан «по неприятелскому берегу до Выборга для разорения их неприятельских жилищ», 13 мая 1708 г. вернулся из «поиска» и привел с собой 4 пленных: солдат Нилса Коркина (командиром его полка являлся полковник Стиканс), Симона Коура (из полка полковника Стинссонса), рейтар Яган Улов (его полком командовал Арнфельт).

Первый из них сообщил, что в Выборге находились в то время 7 полков (4 саксонских и 3 «чухонских»), «да в Выборгском уезде и на Березовых островах в разных местах стоят чухонских 4 полка... во всяком полке по 8 рот, в роте по 150 человек, да в Выборгском уезде близ Абова стоят на станциях конных рейтарских и драгунских 5 полков...» (в том числе полк под командованием Тизенгаузена, который в прошлом году был разбит, а ныне пополнен саксонцами)².

Из расспроса второго выходило, что «в Выборге полков ныне 4 старых чухонских, да 4 саксонских новых, а в Выборгском полку, в котором он был, солдат было 10 рот, а ныне 5 рот, во всякой роте 150 человек... а которые были в прошлом году рейтары и драгуны в Выборге, те разосланы в абовский уезд на станции». По показаниям третьего получалось, что в Выборге в тот момент располагались 2 «чухонских» полка, да 4 новых саксонских и еще 4 «чухонских» полка «кругом Выборга в разных местах, да конных рейтарских 3 полка да драгунский Виланова полк стоят в Абовском уезде в разных местах»³. В то же время он отметил, что «в поход ити им ведомости никакой нет, разве в то время, когда прислан будет к ним генерал, а ныне у них генерала нет».

То есть в показаниях пленных имелись расхождения, которые главным образом касались количества полков, находившихся в Выборге. При этом все указывали, что саксонских полков имелось 4, а вот численность финских частей называли разную, но по всем данным получалось, что в Выборге и окрестностях располагалось 7–8 таких полков (то есть всего 11–12 пехотных полков), и все указывали, что конница находилась возле Або.

Саксонские полки — это части, которые поступили под командование шведского короля Карла XII после того, как он

принудил к миру саксонского курфюрста Августа II, вынудив союзника России не только отказаться от участия в войне на ее стороне, но и стать противником Петра I. Правда, воевали саксонские полки неохотно, а в ходе рассматриваемого похода и вовсе оказались наиболее ненадежными для шведского командования частями.

Параллельно с Ф. С. Толбухиным аналогичную операцию осуществил и полк под командованием Тимофея Путятина, «который с конницей послан к Выборху для проводывания неприятельских швецких воинских людей». В ходе этого поиска он захватил двух пленных. Один из них — драгун Андрей Симон — сообщил, что в Выборге находится 6 пехотных и 5 драгунских полков (причем одна рота драгун постоянно находилась в выборгском посаде «для опасения от прихода русских людей», а остальные части «на станциях от Выборха в швецкую сторону, 2 роты в 6 милях, а достальные полки стоят в 8, в 9 и в 12 милях в разных мызах»). И от него стало известно, что в Выборге «готовят в отпуск пушки и артиллерийскую казну и полковые всякие припасы, и обоз со всякими запасы»⁴.

В начале мая от Кроншлота в сторону Выборга отправился также шаутбенахт И. С. Боцис с отрядом из 7 бригантин и 9 скампавей. 15 мая он вернулся на базу, захватив несколько пленных, в том числе одного поручика. Этот офицер Дирик Гран сообщил, что на службе он находится шестой год, служит «под командой генерала Лосбика в батальоне подполковника Рура... в том батальоне салдат 540 человек, а тот батальон стоит кругом города Боргау на зимних квартирах»⁵. Тут же он сообщил сведения о Борго, находившемся в 22 милях от Выборга, в котором «посацких и иных людей было дворов 3200, и то все пожгли, а салдат в том городе никого не жило...». Из расспросов стало известно, что в тот момент в Выборге находился один полк саксонцев (под командованием полковника Шумера), в котором 1200 человек, а также три батальона шведских войск (1800 человек), «да близ Выборха для опасения в разных местах... на станциях стоит рейтарский конной полк полковника Арнфельта, людей в нем до 900 человек». И от него же узнали, что «кругом всего города Выборха делают город каменный».

А всего в Выборге и вокруг него в Финляндии располагалось «конных и пехотных полков саксонцев и шведов и чюхны

11 000 человек», причем все они в первых числах мая получили указание стягиваться к Выборгу, «а для какого случая, для походу или для городской работы, он не знает»⁶. При этом из Швеции ожидали «нового генерала, а с ним будет 3 полка швецких». Это были очень важные сведения, поскольку русское командование таким образом узнало о сосредоточении шведского корпуса и том, что он вскоре может выступить в поход.

В те же дни солдатами полка П. И. Островского бал захвачен шкипер П. К. Валих, который сообщил, что в Балтийском море находится шведский флот в составе 15 «малых и болших караблей»⁷.

Шведский корпус под командованием Г. Ю. Любеккера действительно летом 1708 г. (в августе) предпринял попытку атаковать Санкт-Петербург, и в ходе этой операции российские войска, естественно, тоже старались захватывать языков для того, чтобы иметь информацию о противнике. Кроме того, сведения получали и от перебежчиков, которые стали отделяться от шведов, так как там весьма не лучшим образом обстояло дело с наличием продовольствия. В первую очередь это были саксонцы, которые, скорее всего, вообще не горели желанием воевать.

23 августа на Каменный остров вышел саксонец капрал Тобин Апель, который сообщил, что в корпусе Г. Ю. Любеккера насчитывается 11 000 человек пехоты и конницы при 9 чугунных полковых пушках. Конницы 5 полков («во всяком полку по 8 рот, а в роте чаёт он, что будет по 80 человек»), а пехоты — 9 полков (в том числе саксонцев 5 да шведов 4), «а в роте по 150 человек было, а ныне только по 130, а достальные за болезнями оставлены в Выборхе»⁸. Эти сведения были очень важными, и Ф. М. Апраксин тут же сообщил все это Петру I⁹.

31 августа к караулам вышли два саксонца, которые сообщили, что выступили с полком из Выборга три недели тому назад «и шли в дороге с великим трудом от грязей, правиант, который им дан был в Выборхе, также и на дорогу который взят был, весь съели, и три дни не ели, и для того голоду, оставя ружья, ушли»¹⁰. От них же были получены сведения и о составе шведских полков: «В батальоне их и во всех батальонах по 4 роты, во всякой роте по 120 человек, всех их саксонцов 5 батальонов во всех числом людей против вышеписанного, финских 8 батальонов во всякой роте по 100 человек, конных 5 полков во всяком полку по 8 рот, во всякой роте по 100 человек»¹¹.

Два дня спустя появились еще два человека (один из них был саксонцем, а другой — поляком), которые привели немного иные сведения о составе саксонских частей — 5 батальонов, «во всяком батальоне по 4 роты, а в роте, как пошли из Выборга по 150 человек, а ныне из их которые оставлены за болезнями на дороге, будет по 140 человек»¹². Численность корпуса, вышедшего из Выборга, они определяли в 12 000 человек.

По причине голода, начавшегося в шведском корпусе, убежать стали не только саксонцы, но и карельские жители. В частности, 14 сентября вышел Петер Кормила, «родом из Карелы», сообщивший, что «провианту у них при войску ничего нет, а посылают они для провианту конных по мызам и по деревням, такожде привозят к ним всякой харч здешние чюхна и продают»¹³. К тому времени шведское командование приняло меры против побегов саксонцев — их всех расписали по шведским полкам. И от него же русское командование узнало, что понтонный мост, который был использован при переправе через Неву, они везут с собой, однако 18 понтонов пришлось сжечь из-за того, что они были повреждены, когда по ним переправлялась конница. От другого пленного стало известно, что понтоны были в 2 сажени в ширину и 3 сажени в длину)¹⁴.

4 сентября «переметчик»-саксонец, капрал И. Ленгорут, сообщил, что накануне генерал Г. Ю. Любеккер двинулся вверх по реке Неве, взяв с собой понтонный мост, и он слышал, что хочет двигаться на соединение с флотом, а также то, что в ходе продвижения «на нашу сторону», «будет в случение другой швецкий генерал, а всего войска их счисляют конных и пехотных 11 000»¹⁵. Сообщение о предстоящем соединении с другим шведским корпусом, скорее всего, распространялось исключительно для подъема боевого духа — известно, что никаких других шведских соединений на территории Ингрии в тот момент не было, и помощи Г. Ю. Любеккеру ждать было неоткуда.

То же самое (в первую очередь то, что шведы двинулись к морю) подтвердил и солдат, попавший в плен к Н. А. Сенявину, при этом он указал, что численность корпуса достигает 13 000 человек¹⁶. В те же дни от пленных стало известно, что шведам удалось обнаружить запасы муки на кирпичных заводах при реке Тосне¹⁷.

Еще более любопытные сведения сообщили 14 сентября «саксонские выходцы» Я. Ренквист и К. Коневич. Они подтвердили, что корпус двигается к флоту «для взятья провианта и амуниции», но при этом по войскам был объявлен приказ Г. Ю. Любеккера, что им велено идти на соединение с королем Карлом XII, причем сначала — через Лифляндию к Риге¹⁸. Естественно, никакого распоряжения подобного рода не было, по-видимому, к тому времени Г. Ю. Любеккер уже принял решение отступить, однако он не хотел сообщать это войскам, предпочитая дезинформацию. Мы не располагаем точными сведениями о том, какие выводы из этого сделал Ф. М. Апраксин. Однако можно высказать предположение, что, будучи осведомленным и о том, что в близости нет других войск, и об общей обстановке на театре боевых действий (в том числе и о том, что А. Л. Левенгаупт двинулся на соединение с Карлом XII), он пришел к выводу о том, что рядовые шведского корпуса получают неверную информацию.

Это же подтвердил через несколько дней и взятый в плен шведский квартирмейстер Гендрик Врик, сказавший, что такой указ был объявлен исключительно для того, чтобы удержать саксонцев от побегов. Он же поведал и по поводу «другого генерала». По его версии, Г. Ю. Любеккер ожидал подхода генерала Стромберга из Ревеля с 5-тысячным войском, который должен был, по его словам, дойти от Ревеля до Нарвы сухим путем, а дальше двигаться по воде, «только ныне не знает, будет ли такое число, для того, что у него под Ракобором два полка побиты»¹⁹.

Планом самого Г. Ю. Любеккера в тот момент предусматривалось двигаться на соединение с флотом, «в котором как он слышал, счисляют по 5000 человек солдат и матросов, приступить к Котлину острову и к Кроншлоту, и для того сколько могли, взяли с собою у Березовых островов мелкие суды»²⁰. Это были важные сведения, и вообще квартирмейстер сообщил много полезного. В частности, он подтвердил, что в корпусе голод, а на кораблях им доставлен провиант на месяц. При выходе из Выборга корпус насчитывал 12000 человек («кроме унтер-офицеров и капралов»), о чем он был осведомлен «через кригс-кормиссарию», причем такое количество набралось за счет того, что зимой было прислано из Швеции и набрано в Финляндии 3000 человек²¹.

На тот момент в шведском корпусе насчитывалось:

Рейтары	
Полковника Тезенгоузена	1072 чел.
Полковника Рамза	800 чел.
Полковника Армфелта	600 чел.
Майора Лабара	400 чел.
Драгуны	
Полковника Гастверта	400 чел.
«Шлехецкая хоронга»	22 чел.
А как пошли они из Выборга, счисляли их в 4000, а ныне тысячи три с небольшим (конницы. — Н. С.)	
Пехоты финнов	
Генерала Майделя полк	800 чел.
«Аболенский батальон»	600 чел.
Полковника Гастверта (понес большие потери)	500 чел.
Подполковника Майделя батальон	500 чел.
Саксонцы	
Полковника Шумера	1000 чел.
Штрабонов батальон	600 чел.
Боев батальон	600 чел.
Зейнберхов батальон	600 чел.
Выборной батальон	700 чел.
Бирборской батальон	300 чел.
Ниляндской батальон	400 чел.
Савулаской батальон	650 чел.
Численность саксонских подразделений указана на момент выхода из Выборга, к тому времени в каждом из них было много беглых.	

За саксонцами к тому времени был установлен плотный надзор — Я. Ренквист и К. Коневич рассказали, что во время похода впереди саксонских батальонов идут два финских полка, а позади — два шведских²² (тем не менее им удалось бежать).

Таким образом, к середине сентября 1708 г. Ф. М. Апраксин располагал практически полной информацией и о численном составе, и о моральном состоянии шведских войск, также и о планах Г. Ю. Любеккера.

Основная информация была получена, естественно, от взятого в плен квартирмейстера (а захвачен он был в ходе действий

небольших разведывательных партий), но и показания тех, кто был захвачен (или перебежал) раньше, тоже содержали ценные сведения и позволяли проверить то, что говорил Г. Врик.

В связи с этим становятся понятными действия самого адмирала, который, взяв батальон гренадеров, 200 драгун и несколько полков иррегулярной конницы, лично отправился в погоню. Скорее всего, он понимал, что момент, когда измученные голодом войска двигаются к морю, является наиболее удобным для того, чтобы нанести неприятелю серьезный урон.

Но к месту посадки шведов он успел только тогда, когда на берегу оставалось лишь 5 батальонов противника, укрепившихся в траншеях. Ф. М. Апраксин приказал драгунам атаковать траншею с фронта, а майор Греков и Н. А. Сенявин с гренадерами тем временем обошли неприятеля с тыла (морем вброд) и отрезали его от кораблей. В результате никто из шведов, оставшихся на берегу, не смог уйти (они погибли или пленены)²³. При этом русские потеряли 57 человек убитыми (в том числе 7 офицеров) и 220 человек ранеными.

Следует отметить, что практически каждому задавали вопрос о потерях шведов в ходе переправы через Неву. Однако большинство из них не могли сообщить никаких сведений ни о количестве убитых, ни о числе раненых. Один из них только отметил, что видел много раненых да слышал от саксонцев, принимавших участие в операции, что финнов пропало больше, нежели русских²⁴; другой сказал, что «побито» до 300 солдат и офицеров²⁵. Мартин Козловский (поляк из Кракова), ссылаясь на то, что слышал, указал, что побито 200 человек, а раненых 100 человек²⁶.

Упомянувшийся квартирмейстер Г. Врик сообщил, что убиты 3 офицера, два прапорщика, 300 рядовых, а ранено 10 офицеров и более 200 рядовых²⁷.

Этот вопрос, надо сказать, действительно интересовал Ф. М. Апраксина, поэтому 11 сентября для выяснения этого был выделен майор Савенков, которому было поручено выяснить численность погибших шведских солдат и офицеров. Отправившись к месту переправы вместе с поручиком Дмитрием Лапиным, он установил, что «на правой стороне вверх Невы реки промеж Ижоры и Тосны в разных ямах 285 человек, в том числе в гробницах 5 человек, да на левой стороне вверх Невы

реки против того ж места 30 человек, всего перечтено швецких тел 315 человек»²⁸.

Аналогичным образом добывал сведения и Р. Х. Боур, отправивший в мае крупную партию под Ригу, которая атаковала полк шведов. По-видимому, шведов захватили врасплох, поскольку, судя по сообщению А. Д. Меншикова Я. В. Брюсу, русские войска потеряли только одного вахмистра раненым и захватили в плен 492 чел.: подполковника, майора, полкового квартирмейстера, полкового попа, полкового писаря, полкового пекаря, полкового каптенармуса, полкового седельника, 5 музыкантов-гобоистов, одного капитана, 15 поручиков и прапорщиков, 31 унтер-офицера, 17 капралов, 12 барабанщиков, 291 драгуна²⁹.

При этом Р. Х. Боур не только анализировал информацию, но и отправлял «распросные речи» царю. Интересен отклик Петра I на один из таких документов. 15 мая он писал: «Також видел я из распросных речей, что взятые афицеры сказали не равно: нижние сказали пространнее, неже полуполковник, а именно, что полуполковник того не объявил, что поручик сказал о походе Левенгоптовое и о присылке 4 полков вновь. И для того надлежит вам у него с крепким спросом взять известие подлинное, объявля то, ежели он что утаил, а потом явитца, то он как шелм будет наказан»³⁰.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что способ разведки, применявшийся с 1705 г., оказался наиболее оптимальным в то время и полностью оправдал себя в ходе обороны Санкт-Петербурга в 1708 г.

¹ Подробнее см.: *Базарова Т. А.* Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006. С. 48–56.

² РГА ВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

³ Там же. Л. 12–13.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 3–4.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 9.

- ⁸ Там же. Л. 80–82.
- ⁹ Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг.: Документы Гос. архива // Сборник военно-исторических материалов. Вып. 5. СПб., 1894. С. 18–19.
- ¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 21. Л. 51.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 88.
- ¹³ Там же. Л. 26–27.
- ¹⁴ Там же. Л. 48.
- ¹⁵ Там же. Л. 57.
- ¹⁶ Там же. Л. 65.
- ¹⁷ Там же. Л. 65, 102.
- ¹⁸ Там же. Л. 75.
- ¹⁹ Там же. Л. 122.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 122.
- ²² Там же. Л. 75.
- ²³ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 293.
- ²⁴ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 21. Л. 88.
- ²⁵ Там же. Л. 65.
- ²⁶ Там же. Л. 102.
- ²⁷ Там же. Л. 122.
- ²⁸ Там же. Л. 69.
- ²⁹ Архив (Архив ВИМАИВиВС). Ф. 2 (Приказ артиллерии). Оп. 1. Д. 38. Л. 29.
- ³⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Пг., 1918. Т. VII. Вып. I. № 2384. С. 169.

Д. А. Бажанов

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ФИНЛЯНДИИ
И РУССКИЕ ВОЕННЫЕ МОРЯКИ:
РЕАКЦИЯ, УЧАСТИЕ, МОТИВЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЭКИПАЖЕЙ КОРАБЛЕЙ
ГЕЛЬСИНГФОРССКОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ)**

Участие русских военных в гражданской войне в Финляндии получило достаточное освещение в историографии этих стран¹. Однако в большинстве своем в них рассматривались проблемы стратегии, общего хода боевых действий. В то же время причины и формы участия, реакция военнослужащих на события должного освещения не получали. Однако именно в этом может заключаться объяснение не самой высокой эффективности использования русских частей.

К концу 1917 г. положение русских вооруженных сил, находившихся в Финляндии, оказывалось в тесной взаимосвязи с внутренней обстановкой. Коротко характеризуя ее с точки зрения психологии, можно оценить как «напряженно-конфликтную». Стремительно нарастала напряженность социальная, фундаментом которой стало падение уровня жизни. В то же время противостояние «подпитывалось» нараставшими продовольственными трудностями и ростом безработицы. Итогом сложившегося положения стала всеобщая забастовка, проходившая с 1 по 5 ноября 1917 г.² Однако она завершилась ничем. В свою очередь, русские военные части не вмешивались в конфликт, следуя тактике, избранной Гельсингфорским советом в июле. Ее суть была выражена постановлением Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии от 14 декабря 1917 г.

Между тем 28 ноября сейм взял на себя высшую власть в стране и сформировал новый состав правительства. Его деятельность возглавил П. Э. Свинхувуд. Уже через неделю им был

подготовлен проект новой конституции, безуспешное обсуждение старого варианта которой проходило в так называемом комитете К. Ю. Стольберга³. 4 декабря проект был представлен сейму. При этом П. Э. Свинхувуд огласил заявление «К народу Финляндии», в котором было объявлено о принятии республиканского способа правления Финляндии, а также содержалось обращение «к властям иностранных государств» с просьбой о признании политической независимости и суверенитета народа Финляндии. Именно оно позднее было названо «Декларацией независимости Финляндии». 6 декабря сейм одобрил этот проект. Спустя 9 дней финляндская делегация прибыла в Петроград для переговоров с советским правительством. Их результатом стал декрет от 18 (31) декабря 1917 г. о признании суверенитета Финляндии⁴.

Все это влекло за собой дополнительные проблемы для русских вооруженных сил, в том числе и для моряков кораблей, стоявших в Гельсингфорсе. Вопрос лежал одновременно в политико-дипломатической и национально-этнической плоскостях. В первой остро стояла проблема дальнейшего пребывания русских вооруженных сил на территории другого суверенного государства. И если еще 12 (25) января 1918 г. П. Э. Свинхувуд заявлял, что вывод русских войск будет осуществляться «только в зависимости от военно-технических условий и обстановки и по обоюдному соглашению», то спустя 2 недели им было разослано к ряду правительств европейских стран обращение, где выражался протест против присутствия на территории страны русских армии и флота⁵. Разумеется, подобная перемена объяснялась начавшимся гражданским противостоянием. В то же время налицо была дипломатическая уязвимость позиций остававшихся в Финляндии (и в Гельсингфорсе, в частности) подразделений. Опасение, что в случае победы правительства П. Э. Свинхувуда Финляндия может допустить использование Германией своей территории для нанесения удара по Петрограду, служило одним из мотивов, толкавших советское правительство и местные власти в Финляндии к помощи одной из сторон.

Важной составляющей ситуации становилась напряженность межэтническая, то есть основанная на противопоставлении финнов русским⁶. По мнению ряда финляндских и российских исследователей, именно эти события окончательно

оттолкнули значительную часть финнов от русских, которых стали считать «носителями чуждого начала»⁷. Т. Вихавайнен выразил квинтэссенцию этой идеи так: «В 1917 г. “хулиганы” уже активно выступали вместе с непокорными российскими солдатами и говорили языком хозяев положения. С точки зрения “белой” Финляндии они были агентами русских и духовно ими “зараженными”... соответственно красных, составлявших основу противоположной стороны, полагалось считать представителями русского начала или, по крайней мере, его “азиатского” характера»⁸. Полагаем, что подобное отношение тоже влияло на позицию русских военных, сокращая шансы остаться в стороне от гражданской войны.

С новой силой события развернулись 14 (27) января 1918 г., когда отряды финской рабочей Красной гвардии заняли наиболее важные объекты в Гельсингфорсе (Хельсинки). Одним из первых было взято под контроль здание вокзала, затем — дворец генерал-губернатора, куда вечером того же дня переехал Исполнительный комитет финляндских рабочих во главе с Э. Хаапалайненом. На следующий день было создано правительство — Совет народных уполномоченных Финляндии, которое возглавил К. Маннер⁹.

При этом не последнюю роль сыграло присутствие российских военных: солдат и моряков. Столица Финляндии в это время продолжала оставаться главной базой Балтийского флота. Уже с зимы 1914–1915 гг. там находились обе бригады линейных кораблей, 2-я бригада крейсеров, большая часть дивизии сторожевых судов, дивизии траления, отряда минных заградителей, то есть порядка 20 тыс. моряков. В подобных условиях любые формы сотрудничества с русскими властями могли принести ощутимую пользу. По-видимому, схожим образом ситуацию видела и другая сторона. Так, К. Г. Маннергейм отмечал в своих мемуарах: «И все же самой большой угрозой была не красная гвардия, а пребывание в стране русских частей»¹⁰.

Реакция на эти события со стороны местных советских органов власти оказалась предсказуемой. «Прибой» и «Известия Гельсингфорского Совета...» уже спустя 5 дней опубликовали на своих страницах совместное постановление Областного комитета Финляндии, Гельсингфорского совета и ЦКБФ, в котором выражалось намерение «оказать помощь и содействие

своим финским товарищам». Тогда же появилось обращение председателя Областного комитета И. Т. Смильги, суть которого передавала заключительная фраза: «Все на борьбу с белыми разбойниками!»¹¹. На следующий день был опубликован приказ № 17 Военного отдела Областного комитета, призывавший «выступить на защиту своих товарищей финских социал-демократов»¹². При этом собственно русские военные части, находившиеся в Гельсингфорсе и окрестностях, к этому времени уже далеко не являлись грозной силой, которой их иногда представляли противники¹³. 20 января (2 февраля) после получения сообщения о первых разоружениях русских гарнизонов на севере на состоявшемся заседании Матросской секции председатель Гельсингфорского совета А. Л. Шейнман констатировал: «В последнее время замечается полное разложение в армии. Так, например, каждую отдельную часть приходится уговаривать нести службу, и сегодня мы во дворце находимся под охраной финляндской Красной гвардии». Пессимистично был настроен и депутат Совета матрос «Достойного» П. И. Шишко, ездивший в 113-й пехотный полк. Он сформулировал свой вывод так: «Армия хочет поступать как 15 августа [не вмешиваться. — Д. Б.], только теперь она не хочет и своих, взятых в плен белыми, защищать». Наиболее «надежным», по выражению депутата с «Севастополя» В. Маслова, оставался флот¹⁴.

Моряки гораздо живее, чем представители сухопутных русских войск, отреагировали на начало военных действий. Особое возмущение на кораблях вызвало разоружение 15 (28) января отрядами шюцкора при участии, согласно данным некоторых финских историков, части русских офицеров во главе с начальником отряда судов Ботнического залива контр-адмиралом Н. Л. Подгурским, русского гарнизона в Николайштадте (Васа). Большая часть матросов и солдат была размещена в специальных лагерях¹⁵. На крупных и мелких кораблях 20 и 22 января (2 и 4 февраля) состоялись по этому поводу общие собрания, проведенные по согласованию с Центральным комитетом Балтийского флота¹⁶. Если на первых обсуждалось отношение вообще и были приняты резолюции, квалифицировавшие эти действия как «бандитские» («Республика»), «провокацию финских Калединых» («Ловкий»)¹⁷. 22 января началась запись добровольцев в отряды для освобождения своих товарищей

в Николайштадте¹⁸. В результате к 25 января (7 февраля) были поданы списки из 146 чел., «идущих против белой гвардии». Наибольшее число добровольцев — 29 — набралось на «Севастополе»¹⁹. Лишь на 1 чел. меньше вызвалось на «Полтаве», еще 20 чел. изъявило желание ехать из экипажа «Петропавловска» и 7 — «Гангута»²⁰. Немало добровольцев оказалось и на миноносцах. На «Изяславе» записались 14 чел., на «Самсоне» — 11, на «Прытком» — 10, на «Лейтенанте Ильине» — 6, на «Забияке» и «Ловком» — по 5, на «Капитане Изылметьеве» — 3, на «Свободе» (бывший «Владимир») и «Резвом» — по 2.²¹ Также 14 моряков включал в себя список, поданный судовым комитетом минного заградителя «Ловать»²². Также вызвалось 130 чел., несших службу на транспортах²³. Возглавил этот отряд член Центробалта I, III и IV созывов, комендор с эскадренного миноносца «Самсон» Г. И. Силин. Однако из-за успешного наступления финской Белой гвардии действовать этой части пришлось в другом районе — под Вилпула²⁴.

Чем можно объяснить такую активность? Полагаем, что свою роль здесь играли несколько причин. Во-первых, гарнизон Николайштадта составляли в основном моряки, а не сухопутные части, то есть играло роль желание освободить своих. Во-вторых, демобилизация флота еще не началась, а подготовка и сокращение численности войск, сосредоточенных в Финляндии, уже вовсю шли. Таким образом, солдаты, имея дилемму, идти сражаться или отправиться в скором времени по домам, предпочитали второе. В-третьих, судя по сохранившейся переписке о переговорах членов ЦКБФ и Областного комитета с представителями полков, расквартированных в Гельсингфорсе, солдаты опасались, что их «подставят под вражеские пули», чтобы «ослабить русскую революционную мощь»²⁵. Эти соображения не могло перевесить даже полное обеспечение, которое обещало для воюющих революционное правительство Финляндии. Причем речь шла как о продовольственном, так и о финансовом снабжении²⁶. Русские добровольцы, судя по сохранившимся удостоверениям, предоставлявшимся в феврале 1918 г. судовыми комитетами в штаб Красной гвардии, имели возможность заработать 150 финских марок за неделю пребывания на позициях. В случае ранения эта сумма должна была увеличиться на 50 марок, а финская сторона обязалась либо

предоставить бесплатную медицинскую помощь, либо оплатить лечение в Гельсингфорсе. В случае гибели добровольца сумма за его содержание выплачивалась кораблю, на котором он служил²⁷. В то же время количество добровольцев не было столь уж большим, что прямо свидетельствовало о преобладании личных интересов и также у моряков.

Другой формой помощи стало обучение отрядов финской Красной гвардии в Гельсингфорсе. По поручению ЦКБФ этим занималась группа из 10 матросов. Одним из них был бывший машинист с крейсера «Россия» Т. В. Краснов. Согласно данным его автобиографии, в сферу его ответственности входили формируемые отряды на заводах «Сокол» и Узберга²⁸. Также некоторую помощь советские органы власти оказали, продавая оружие. В частности, с кораблей Балтийского флота было передано 28 января (10 февраля) 1918 г. 500 винтовок и 200 револьверов²⁹.

По-видимому, участие отряда моряков-добровольцев из Гельсингфорса в событиях гражданской (или Освободительной) войны в Финляндии и ограничилось боями под Вилпула. О таком характере боев свидетельствует незначительное количество пострадавших. Так, 31 января (13 февраля) 1918 г. в перестрелке и последовавшей затем штыковой атаке получил огнестрельное ранение бедра матрос «Севастополя» Н. Мигачёв, а также ранение штыком в живот комендор «Ловкого» П. Изосимов³⁰. В бою 22 февраля погиб матрос с миноносца «Резвый» А. Воронов³¹. Всего в этих столкновениях погибло 6 чел., еще двое умерло от ран, пятеро пропали без вести, 29 получили различные ранения³².

Отряды моряков из Гельсингфорса пополнялись добровольцами еще несколько раз в течение конца января — начала февраля, однако их количество было значительно меньше того, которое вызвалось по первому призыву. Документально установлено не менее 2 таких случаев. Так, 27 января (9 февраля) добровольцами отправились три моряка с эсминца «Изяслав». Еще один отряд был сформирован 16 февраля. В него вошли 9 чел. с миноносца «Эмир Бухарский», 3 — с линейного корабля «Республика», по 2 — с эсминцев «Свобода» и «Ретивый»³³. Сокращение количества добровольцев было связано с рядом обстоятельств. Значительных успехов добиться на фронте не удалось, а значит, надежды на быструю победу и освобождение плененных русских моряков и солдат таяли. Оставляло желать лучшего и продо-

вольственное снабжение: сохранился запрос Г. И. Силина в Центробалт от 16 февраля с просьбой прислать продукты, так как «местные отряды снабжаются крайне не регулярно, а про нас и говорить не приходится»³⁴. По-видимому, и медицинская помощь была не на самом высоком уровне. Так, раненый Н. Мигачёв находился первоначально в госпитале в Таммерфорсе, однако по возвращении на корабль рана начала воспаляться и гноиться. По этой причине врач «Севастополя» В. В. Борисов был вынужден отправить его в морской госпиталь, где матрос находился до 4 апреля³⁵. Что касается оплаты, то штаб Красной гвардии производил расчеты только после окончания участия в военных действиях. Возможно, именно такой подход привел к тому, что отряд добровольцев, состоявший из матросов и рабочих Свеаборгского порта, едва приехав на фронт под Вилпула, вернулся обратно, что вызвало возмущение финнов³⁶.

Важную роль в отказе от записи сыграла и подготовка декрета о создании Рабоче-Крестьянского Красного флота. Подготовка декрета началась еще в декабре 1917 г. Затягивание решения приводило к напряженности в Гельсингфорсе. Еще 10 января 1918 г. I Всероссийская морская конференция приняла постановление о возможности для моряков флота «продолжать службу по вольному найму»³⁷. Однако в дальнейшем этот приказ не получил развития. По-видимому, основной причиной следует считать отсутствие представления о размерах оплаты. Это, в свою очередь, привело к постепенному увеличению отказавшихся продолжать службу. В частности, согласно приказу командира линейного корабля «Андрей Первозванный» В. А. Буцкого от 23 февраля 1918 г., из списков личного состава были исключены 356 чел. как «не явившиеся из отпуска» в период с декабря 1917 по февраль 1918 г.³⁸ При общей численности штата экипажа в 907 чел. это составляет более 39%. На линкоре «Гангут» подобная ревизия, проведенная уже после перехода в Кронштадт, показала, что увольнять по той же причине надо 550 чел. (порядка 40%)³⁹. На небольших кораблях, миноносцах и тральщиках, особенно находившихся на ремонте, ситуация выглядела еще хуже. В составе дивизии траления еще в январе 1917 г. 23 корабля, в соответствии с указаниями Военного отдела ЦКБФ, были зачислены в резерв. Критериями фактического выведения из состава действующего флота была их принадлежность частным лицам

до войны и последующая реквизиция, необходимость серьезного ремонта или недостаток экипажа. По последней причине в резерв вывели 11 кораблей. На самом крупном из них, миноносце бывшего 10-го дивизиона «Прытком», осталось к тому времени 26 чел. На миноносцах № 214, № 219 и № 220–17. На тральщиках «Ударник», «Защитник», «Клюз», «Фортрал», № 14 и № 15 — по 15⁴⁰. Аналогичная ситуация складывалась и на миноносцах. В те же сроки, что и тральные суда, стали делить и миноносцы II минной дивизии, входившие в состав 7-го, 8-го и 9-го дивизионов. Оставить в составе действующего флота предполагалось всего 12 единиц, остальные предполагалось законсервировать. 25 января на собрании решался вопрос о судьбе «Деятельного», экипаж которого заявил протест против исключения корабля из плавсостава. Мотивировали матросы свой протест тем, что «“Деятельный” только в 1917 году вышел из капитального ремонта и особого ремонта не требует». На этом основании моряки требовали включить свой миноносец тринадцатым в расписание флота. Однако их осталось всего 20 чел., из-за чего эта просьба не была удовлетворена⁴¹. 22 января (4 февраля) Центробалт выступил с требованием роспуска Морской конференции, как «вносящей разлад в среду команд Балтийского флота» и утверждения точной даты «перехода к вольнонаемному статусу флота». Депутаты ЦКБФ, в свою очередь, полагали, что перейти к новым правилам флот должен не позднее 1 (14) февраля⁴². По-видимому, это мнение в Петроград передал лично народный комиссар по морским делам П. Е. Дыбенко, приезжавший в те дни в Гельсингфорс и выступивший на совместном заседании Центробалта, Местного флотского комитета, матросской секции Гельсингфорсского совета и представителей судовых комитетов с докладом о деятельности Верховной морской коллегии и своих взаимоотношениях с ней. В результате заседание поддержало П. Е. Дыбенко, но потребовало как решения вопроса об организации флота, так и налаживания поставок хлеба и «вооружения всех моряков Балтийского флота»⁴³. Возможно, что эта резкая позиция, переданная П. Е. Дыбенко, заставила разработчиков из комиссии, куда кроме членов коллегии и морской секции Всероссийского центрального исполнительного комитета съезда Советов вошли и представители ЦКБФ, поспешить. 29 января (11 февраля) проект, представленный П. Е. Дыбенко, обсуждал-

ся на заседании Совета Народных Комиссаров. После внесения поправок на следующий день декрет был объявлен приказом по флоту. В Гельсингфорсе о нем узнали 1 (14) февраля⁴⁴.

Однако предложенные условия многих, по-видимому, не устроили. К тому же моряки увидели в этом подтверждение возможности оставить службу в любой момент, ведь новый флот провозглашался добровольным, а также объявлялась частичная демобилизация. Н. М. Пичугин, бывший член судового комитета линейного корабля «Петропавловск», вспоминал впоследствии, что «после выхода декрета моряки стали быстро разъезжаться с кораблей по домам»⁴⁵.

Моряки находились на фронте недолго. Сводный морской батальон начал вывозиться по железной дороге в Гельсингфорс с 18 февраля. Существенной причиной «сворачивания» помощи флотом стало известие о возобновлении германского наступления на фронте. Согласно Декрету о мире, утвержденному II съездом Советов 26 октября 1917 г., представители Советского правительства во главе с А. А. Иоффе 20 ноября начали переговоры с представителями Германии о заключении перемирия. Спустя 2 дня было заключено соответствующее соглашение на срок с 24 ноября по 4 декабря для ознакомления правительств с предварительным видением проблемы противником. Собственно мирные переговоры начались 9 декабря, продолжившись с перерывами до 28 января (10 февраля) 1918 г. Именно в этот день возглавлявший в то время советскую делегацию народный комиссар по иностранным делам Л. Д. Троцкий, отвечая на предъявленный накануне германской делегацией ультиматум, озвучил свою знаменитую декларацию о прекращении переговоров при одновременном выходе из войны и демобилизации армии. В ответ германская делегация, возглавляемая статс-секретарем по иностранным делам Р. фон Кюльманом, заявила о прекращении перемирия и возобновлении военных действий спустя неделю. 18 февраля части германской армии перешли в наступление. В течение нескольких дней им удалось захватить значительные территории. В тот же день был взят Двинск (Даугавпилс), Венден (Цесис), Гапсаль (Хаапсалу)⁴⁶. Тем самым создавалась реальная угроза второй по значению базе Балтийского флота — Ревелю, Пскову, а за ними и Петрограду.

3 марта советская делегация во главе с Г. Я. Сокольниковым в Брест-Литовске подписала мирный договор, означавший мир

с Германией на ее условиях. Для Балтийского флота, находившегося в основном в Гельсингфорсе, он не сулил ничего хорошего. Судьбу военно-морских сил и, в частности, Балтийского флота затрагивали статьи 5 и 6 договора. В статье 5 говорилось, что «военные суда она [Россия. — Д. Б.] отведет в русские гавани, где они и останутся до заключения всеобщего мира, или немедленно разоружит их...». В статье 6 конкретизировались данные общие положения применительно к русским кораблям в Финляндии: «Финляндия и Аландские острова также незамедлительно очищаются от русских войск и Красной гвардии, а финские гавани от русского флота». Небольшие уступки были сделаны в связи с климатическими условиями уточнением, что, «пока море покрыто льдом и возможность вывода русских судов исключена, на этих судах должны быть оставлены лишь немногочисленные команды». Также внимание обращалось и на отказ от помощи финским красным: «Россия прекращает всякую агитацию против правительства и общественных учреждений Финляндии»⁴⁷.

Таким образом, активная помощь экипажей кораблей Балтийского флота Красной гвардии была исключена. Основной задачей моряков отныне становилась подготовка к эвакуации из Финляндии.

¹ См., например: *Polvinen T. Venään vallankumous ja Suomi. 1917–1920. Porvoo — Helsinki, 1967; Manninen O. Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Osa 1–2. Helsinki, 1992–1993; Karemaa O. Vihollisia, vainooja, syöpaläisia: venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998; Финляндская революция: Сборник статей. М., 1920; Свезников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии 1917–1918. М., 1923; Смирнов В. М. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933; Холодковский В. М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.*

² *Смирнов В. М. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг. С. 114.*

³ *Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 751.*

⁴ *Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1992. № 6. С. 33.*

⁵ *Подробнее см.: Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск, 2008. С. 110.*

⁶ *Подробнее см.: Каремаа О. От морального возмущения до национальной программы // Два лика России / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 199;*

Кеттола Э. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1992. № 6. С. 30–31.

⁷ Каремаа О. От морального возмущения до национальной программы // Два лика России. С. 201; См. также: Вихавайнен Т. От февральского манифеста к Освободительной войне // Там же. С. 151–163; Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население в годы Первой мировой войны (1914–1918). С. 107–109.

⁸ Вихавайнен Т. От февральского манифеста к Освободительной войне // Два лика России. С. 158.

⁹ Подробнее см.: Йокинен В. Организация правления и судопроизводства // Финляндская революция: Сборник статей. Петроград, 1920. С. 53; Тайми А. П. Страницы пережитого. М., 1949. С. 198; Смирнов В. М. Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг. С. 138–142.

¹⁰ Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 86.

¹¹ [Смилга И. Т.] Воззвание / Хроника // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее — Известия Гельсингфорского Совета...). 1918. № 14. 19 января / 1 февраля; Смилга И. [Т.] Финляндская революция и русские войска // Там же; Постановления // Прибой. 1918. № 12. 1 февраля.

¹² [Б/а] К событиям в Финляндии // Известия Гельсингфорского Совета... 1918. № 15. 20 января/2 февраля.

¹³ Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 86.

¹⁴ Артёмов П. Заседание делегатов Гельсингфорской делегатской организации // Известия Гельсингфорского Совета... 1918. № 17. 23 января/5 февраля.

¹⁵ Подробнее об участии русских офицеров см.: Manninen O. Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Osa 2. S. 44–47.

¹⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 533. Л. 31, 32 об.

¹⁷ Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

¹⁸ Там же. Ф. Р-172. Оп. 1. Д. 533. Л. 32 об. — 33; Д. 1155. Л. 44.

¹⁹ Там же. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 48. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 6, 13, 20, 21.

²¹ Там же. Л. 7–9, 11, 15, 17–18, 26–27.

²² Там же. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 48. Л. 29.

²³ Там же. Л. 10, 12, 14, 16.

²⁴ Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». М., 1962. С. 65. У автора ошибочно указано время создания отряда как «конец 1917 г.» — Там же.

²⁵ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 516. Оп. 1. Д. 132. Л. 5.

²⁷ Там же. Л. 6–12, 14–16; РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 48. Л. 21–25.

²⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 112. Л. 179. Краткая автобиография бывшего моряка Т. В. Краснова.

²⁹ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 132. Л. 12–14; РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

³¹ РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 48. Л. 15. Декрет СНК о переходе на европейский календарь с 1 (14) февраля 1918 г. был опубликован в гельсингфорских газетах 26 января (8 февраля). См.: Хроника // Известия Гельсингфорского

Совета... 1918. № 20. 26 января / 8 февраля. Таким образом, все даты позднее этого срока указываются нами только по европейскому календарю.

³² [Б/а] Список убитых и раненых // Известия Гельсингфорского Совета... 1918. № 37. 28 февраля.

³³ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 132. Л. 6, 8–9, 16.

³⁴ РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 32. Л. 18.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 1. Д. 132. Л. 12–13.

³⁶ Маннер К. Классовая война в Финляндии // Финляндская революция. С. 44.

³⁷ Цит. по: Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». С. 34.

³⁸ РГАВМФ. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

³⁹ Там же. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 10. Л. 38.

⁴⁰ Там же. Ф. 731. Оп. 1. Д. 20. Л. 6 об.

⁴¹ Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 126. Л. 205.

⁴² [Б/а] [Б/н] / Хроника // Известия Гельсингфорского Совета... 1918. № 20. 26 января / 8 февраля.

⁴³ Там же // Известия Гельсингфорского Совета... 1918. № 18. 24 января / 6 февраля.

⁴⁴ Декрет СНК о создании Социалистического рабоче-крестьянского красного флота // Известия Гельсингфорского Совета... 1918. № 25. 14 (1) февраля; Мордвинов Р. Н. Курсом «Авроры». С. 37.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 4. Д. 198. Л. 67 об.

⁴⁶ Подробнее см.: Соболев А. А. Красный флот в гражданской войне. 1918–1920. Л., 1924. С. 10; Кровяков Н. С. «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. (К истории первой стратегической операции Советского Военно-Морского Флота). М., 1955. С. 36–40; Тюрин В. М., Яковлев И. И. Ледовая одиссея Балтфлота. М., 1976. С. 6–7.

⁴⁷ Цит. по: Кровяков Н. С. «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 г. С. 96.

Д. Р. Лобанова

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ*

Гражданская война в Финляндии 1918 г. считается одним из самых ключевых моментов истории становления независимого этого государства. Сразу же после ее завершения, 4 мая 1918 г., в Хельсинки прибыло бежавшее до этого из столицы «белое» правительство, а 16 мая был организован грандиозный «военный парад победителей». После этого День памяти освободительной войны стал для «белой» Финляндии даже более важным праздником, чем День независимости — 6 декабря¹.

Значение же окончания финской гражданской войны, несомненно, выражается в том, что уже через год после ее завершения была принята конституция, а также окончательно утвердился республиканский строй. Официально также считалось, что ее финал означал победу не только в становлении независимого финляндского государства, но давал гарантию невозможности утверждения в стране аналогичного с Россией большевистского режима, а сама победа сопровождалась еще и выдворением из Финляндии русских войск, которые здесь продолжали находиться.

Однако известно также и то, что эта война стоила жизни тысячам людей, которые тогда там погибли, причем о части из которых было долгое время не принято в Финляндии во-

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

обще говорить. Здесь не особенно любили вспоминать о так называемом «белом терроре», который захлестнул страну в 1918 г. В результате, в 4-томном официальном издании «Финская освободительная война», которое вышло в 1920–1925 гг., так называемые «красные мученики» вообще были обойдены молчанием, тогда как каждый погибший «белый» удостоился письменной биографии².

Естественно, совершенно иная оценка произошедшим тогда в Финляндии событиям давалась в Советской России. Здесь вслед за «красными финнами», часть из которых после поражения в гражданской войне оказалась в эмиграции, указывавшими на установление в Финляндии режима, который «посредством самой кровавой диктатуры душит пролетариат Финляндии»³, подчеркивалось, что произошедшее утверждение власти «белофиннов» происходило весьма жестко. В СССР также делался исключительный акцент на зверства «белофиннов», подчеркивалась несоразмерность той жестокости, которую проявляла Белая армия, в сравнении с действиями красногвардейцев. В итоге изначально можно было встретить такие термины, как «белый террор», «белые оргии» и т. п.⁴ Подобные формулировки сохранились и в последующем⁵, дойдя уже и до наших дней⁶, квалифицируя победителей не иначе как «палачей финляндской революции».

В Финляндии же вплоть до 1960-х гг., наоборот, в принятой историографии не подвергалось особым сомнениям законность и необходимость действий «белых», а действия «красных» описывались как преступные⁷. Однако постепенно в финском обществе все же начал нарастать вопрос: «Почему события финской гражданской войны держатся в тайне, скрываются, в то время как мы в деталях знаем испанскую гражданскую войну и все, что последовало за ней, и, к примеру, те зверства, которые имели место при Гитлере?»⁸

В этом отношении современные исследователи часто обращаются к психологической проблеме послевоенных событий, к тем ужасам, которые принесла за собой эта война. На первый план выносятся то, что долгое время многие факты из истории войны были скрыты, особенно количество погибших, «которое настолько велико, что даже начало восприниматься весьма абстрактно»⁹. При этом выдвигается достаточно спорное утверждение

дение, что жители Финляндии, разделившиеся на два лагеря в 1918 г., в дальнейшем активно «старались забыть ужасы войны, поскольку брать на себя ответственность за произошедшие события психологически было крайне сложно»¹⁰.

Тем не менее ситуация, очевидно, начала меняться, поскольку в Финляндии уже стали также весьма открыто заявлять о «белом терроре»¹¹. Причем в современных условиях некоторые финские историки, занимающиеся изучением гражданской войны, признают сторонников белого движения одними из главных организаторов «террора», прокатившегося по территории Финляндии в 1918 г.¹², а также указывают и на те «зверства», которые затем вылились еще и в «очищение от всего русского»¹³, т. е. сопровождалось «этническими чистками».

В целом очевидно, что события гражданской войны в Финляндии до сих пор вызывают своеобразный резонанс в обществе. Сейчас в научной и периодической литературе Финляндии наблюдается тенденция к открытому и правдивому изложению событий самой войны и последующей трагедии. Авторы все больше задаются вопросом, какой же был истинный характер войны 1918 г. и была ли она той, о которой принято складывать легенды и всячески восхвалять героизм финского народа, который «отстоял свою независимость», или же победители преследовали свои сугубо личные интересы?¹⁴ Однако на данный момент исследователи так и не смогли точно ответить на этот вопрос, хоть «освободительный характер» войны уже в большей частью отодвинут на второй план. Очевидно, что пока говорить о признании и принятии того, что последствия войны стали еще более ужасными, чем сама война, пока еще в Финляндии, вероятно, очень сложно.

Тем не менее, пытаясь все же понять природу произошедшей в 1918 г. в Финляндии гражданской войны, некоторые исследователи теперь ее квалифицируют как первую «финскую современную войну»¹⁵. Это утверждение основывается на том, что борьба «красных» и «белых» за власть включала такие характерные для современности элементы, как активное участие в войне детей, жесткие политические чистки, террор, напоминающий военные преступления, боевые действия в городах, а также использование для проведения военных операций в карательных целях так называемых «летучих отрядов»¹⁶. По мнению определенных

исследователей, ситуация весны 1918 г. напоминала именно современную борьбу против терроризма, где враг среди своего собственного народа, но, при этом не всегда можно определить, кто же «враг», а кто является «своим». Такая война, очевидно, должна была иметь тотальный характер, и в ходе нее уже нет четкого разделения на военных и гражданских лиц¹⁷.

Действительно существовавший в Финляндии белый террор продолжался многие месяцы. Он, прежде всего, затронул всю наиболее населенную южную часть страны. В воспоминаниях очевидцев можно встретить ужасающие картины происходившего: «Буржуазия устроила кровавые бани в Таммерфорсе, Выборге, Гельсингфорсе и прочих городах, где рабочих убивали, как зверей, без всякого следствия и суда. Сотнями убивали их на улицах, во дворах, и сараях... Арестовывали всех, кого лишь подозревали в неблагонадежности... Русских и евреев расстреливали целыми массами... При расстрелах буржуазия не разбирала виновных и невиновных»¹⁸. Объектом террора становились не только сами красногвардейцы, но и их родственники, а также и те, кто имел даже малейшее отношение к революционерам. «Почти в каждой рабочей семье хоть один человек был расстрелян или замучен на каторге»¹⁹.

В разгар гражданской войны, 14 февраля 1918 г., в одной газете было помещено заявление члена финского белого правительства, младофинна Хейкки Ренваля, в котором он говорил, что «главарей восстания» следует повесить, а остальных его участников сделать «классом париев», лишив их гражданских прав²⁰. Тогда же 1918 г. белое финское правительство решило начать устраивать концлагеря для своих политических противников, намереваясь предать суду всех, кто каким-либо образом принимал участие в восстании или проявлял симпатии делу «красных». В мае 1918 г., после завершения гражданской войны, финский парламент, в котором социал-демократы должны были занимать 92 из 200 мест, продолжил свою работу, несмотря на то что только одному члену парламента от Социал-демократической партии Финляндии было позволено в нем остаться. Остальные 91 человек были казнены, заключены в тюрьму или эмигрировали из страны²¹.

В общем, чтобы обеспечить работу судов над «государственными преступниками», потребовался весь юридический кор-

пус Финляндии. До этого в работе сотен военно-полевых судов принимали участие несколько тысяч человек, где наряду с собственно судьями в их работе еще участвовали полицейские, домовладельцы, мелкие хозяева и т. п.²² Далее, 29 мая 1918 г., парламент принял закон о государственной измене, по которому требовалось расследовать и судить огромное количество людей²³. При этом для проведения судебных заседаний нужно было организовать специальные помещения, что привело к почти тотальному заполнению всех судов в стране рассмотрением дел, связанных с «красными» участниками гражданской войны²⁴. Сами же судебные процессы оказались долгими и тяжелыми и, что самое важное — явно не отвечали принципу беспристрастности, превратившись в часть программы репрессий победителей. В результате более 73 тыс. потерпевших поражение «красных» предстали перед судом и 555 чел. были приговорены к расстрелу²⁵, остальных же в большинстве своем отправляли в специальные создаваемые для этого лагеря²⁶.

Содержание заключенных в этих лагерях было крайне жестким. Поэтому здесь также наблюдалась массовая гибель узников²⁷. Причем, рассматривая причины столь высокой смертности в лагерях, можно отметить, что помимо откровенного голода, который являлся характерной особенностью содержания «красных финнов», среди заключенных также быстро распространялись инфекционные заболевания: оспа, скарлатина, дифтерит, а также сыпной и возвратный тиф. В июне 1918 г. эпидемия так называемой «испанки», охватившая в 1918—1919 гг. весь мир и унесшая куда больше жизней, чем погибло в Первую мировую войну, достигла и Финляндии. За совсем короткое время от этой болезни умерло примерно 4–5 тыс. заключенных, т. е. не менее трети всех скончавшихся в лагерях пленных финских красногвардейцев²⁸. Всего от «испанки» умерло в Финляндии 18 тыс. человек²⁹.

Тем не менее исследователь Тамперского университета Марко Тикка, на основе впервые используемых документов т. н. военно-полевых судов, четко доказал, что сами решения этих создаваемых тогда судебных органов ни в коем случае нельзя было назвать беспристрастными³⁰. Однако, по его мнению, подобные формы реального насилия, далекого от закона, были в целом характерными для Финляндии в 1918 г. Он особо подчеркнул,

что совершаемые весной 1918 г. вне театра военных действий как «белыми», так и «красными» акты террора не являлись лишь эксцессами отдельных лиц, вызванными чувством мести. Они были в немалой степени сознательно организованными акциями, методом ведения войны, используемым обеими сторонами. Более того, финский историк указал еще на то, что далеко не все казненные представляли перед военно-полевым судом и в бессудных казнях виновны и «белые», и «красные»³¹.

В результате стремительный раскол Финляндии после января 1918 г. означал, что многие финны, оказавшиеся «не на той стороне», вынуждены были скрываться или пробираться «к своим». Причем как «белые», так и «красные» тщательно «прочесывали» контролируемые ими территории, выявляя на них своих противников. Подобные карательные операции, со своей стороны, влекли за собой массовую эмиграцию. В частности, характерным являлось то, что из восточной и северной Финляндии, контролировавшейся «белыми», началось широкое бегство «красных» в Россию. С февраля 1918 г. люди стали переходить восточную границу. С Карельского перешейка уходили, например, строители дороги Хийтола — Раасули (Орехово)³². Массовая эмиграция также наблюдалась и из приграничных районов Приладожской и Северной Карелии. Кроме того, уже в начале войны люди стремились покинуть свои родные места и бежать из финской Лапландии на русский Кольский полуостров, в район Мурманска³³.

При этом одной из важных проблем, о которой, по понятным причинам, долгое время старались умолчать, является то, что репрессиям карательных органов подвергались помимо взрослых немалое количество детей, которых также направляли в лагеря³⁴. Данные о количестве детей, находившихся в заключении и приговоренных затем к расстрелу, начали открыто обсуждать в Финляндии лишь совсем недавно³⁵, и приводимые объективные по этому поводу сведения могут только вызывать ужас. Но, что весьма показательным, тогда дети, так же как их родители, сами активно включились в гражданскую войну. Известно, что самому юному погибшему в бою красногвардейцу было всего девять лет³⁶. Причем, по мнению исследователя М. Тикки, подростки отличались в гражданской войне особой жестокостью, поскольку у них еще не была развита способность

сопереживать и отсутствовало понимание последствий своих действий³⁷. Стоит отметить, что 17-летний школьник Урхо Кекконен, будущий президент Финляндии, воевал на стороне «белых» в так называемой ударной группе и участвовал даже в расстреле плененных красногвардейцев³⁸.

Действительно, детское население также вынуждено было участвовать в гражданской войне и в результате около 1500 детей затем оказались в лагерях, а двадцать из них, по соответствующему решению суда, были казнены³⁹. При этом наиболее распространенным приговором против детей являлось обвинение их в измене⁴⁰. Однако, поскольку приговаривать ребенка к смертной казни напрямую было нельзя, поэтому в документах данные обвинения были всячески завуалированы⁴¹.

В целом во время войны детей до 15-летнего возраста погибло более трехсот⁴². Одной из первоочередных причин их смерти стали расстрелы, а также заболевания и голод⁴³. Кроме того, дети пострадали от взрывов, аварий и пожаров, которые за время гражданской войны случались повсеместно⁴⁴. Некоторые дети просто исчезли, поскольку об их местоположении и о судьбе не осталось никаких сведений. Причем $\frac{2}{3}$ убитых были детьми или родственниками «красных»⁴⁵, а оставшаяся $\frac{1}{3}$ были либо «белые», либо вовсе не принадлежавшие ни к одной из противоборствующих сторон⁴⁶.

Наряду с гибелью большого количества юных жителей Финляндии, следует также учитывать, что от гражданской войны страдало еще большое количество людей, которые вообще не имели явного отношения к противоборству «красных» и «белых». Из воспоминаний очевидцев становится отчетливо видно, что противостоянии ощущалось буквально везде и на улицах, и на рабочем месте, и в домах, и даже в спортивных секциях. У всех были знакомые, которые взялись за оружие⁴⁷. При этом наиболее яркой иллюстрацией в этом плане могут являться события, которые в годы гражданской войны происходили в Выборге. Широко известно, что взятие «белыми» этого города начало откровенно сопровождаться массовыми казнями, где убивали **друг друга, скажем, даже члены одной семьи**, где один мог быть за «красных», другой же за «белых». Финские «красные» и финские «белые» были обескуражены — до недавнего времени находившиеся

в нормальных отношениях, теперь они становились беспощадными друг к другу врагами⁴⁸.

Не менее примечательным являлось в годы гражданской войны и отношение к русским жителям Финляндии. Вне всякого сомнения, здесь наиболее жестко к этой категории граждан изначально проявляли себя именно «белые». Объективно это во многом было вызвано тем, что, как известно, советское правительство стремилось помогать «красным финнам». Но гонениям тогда начали в Финляндии подвергаться и не только русские сторонники большевиков. Ярким примером этому явилось распоряжение, отданное 10 мая 1918 г. губернатором Б. Ярландер столичной Ньюланд (Уусима), по которому русские в Гельсингфорсе могли оставаться только по его личному распоряжению⁴⁹. Далее в распоряжении было сказано о необходимости выселения из Финляндии всех русских подданных, не имевших особого разрешения на продление своего пребывания в этой стране. После данного указания последовала принудительная высылка русского населения по определенным для этого специальным спискам⁵⁰.

Причем наиболее удивительным в этом являлось то, что в репрессиях против русского населения нередко принимали участие бывшие финляндские царские офицеры, которые до этого в **России получили высшее военное образование и сделали там карьеру. Объяснить этот парадокс только тем, что, например, в годы войны «красные» агрессивно вели себя по отношению к финским девушкам⁵¹**, очевидно, недостаточно. Тем не менее наиболее массовые репрессии обрушились на русское население, прежде всего, в Выборге. До настоящего времени о количестве казненных в Выборге русских, после его взятия белыми финнами в ночь с 28 на 29 апреля 1918 г., имелись весьма приблизительные и разноречивые данные⁵², хотя известно, что большая часть убитых российских офицеров явно сочувствовала «белым». Так, в частности, один живший в Выборге русский офицер в день взятия города «с букетом в руках и в униформе пошел приветствовать белогвардейцев, но был вместо этого расстрелян»⁵³.

Тем не менее расследованиями совершенных тогда преступлений в Финляндии никто не занимался. 7 декабря 1918 г., незадолго до своей отставки, регент страны Э. Свинхувуд вообще объявил ам-

ностию всем, кто участвовал в «подавлении восстания». Эти люди освобождались от любых обвинений и не несли никакого наказания, даже если они «преступили границу необходимого»⁵⁴. В результате, благодаря этой амнистии, в Финляндии никогда не проводилось судебного расследования того, что произошло в 1918 г. и, несмотря на большое число казненных, лишь около 170 человек обратились в финское министерство юстиции с просьбой прояснить, где, когда и за что были расстреляны их родственники⁵⁵.

В целом, вероятно, были правы некоторые финские исследователи, которые уже в XXI в. позволили себе утверждать, что парадокс столь длительного стремления особо не рассматривать проявлений и последствий «белого террора» в Финляндии во многом вызван тем, что: в Финляндии «состав правительства не сменился столь радикально, как это произошло в Германии после отказа от национал-социалистической идеологии или в Испании после падения режима Франко. В обоих этих случаях можно было оглянуться назад и разобрать действия и решения предыдущей администрации без того, чтобы потом понести ответственность за них... В Финляндии действующее правительство непосредственно наследует тому, что одержало победу в 1918 г.»⁵⁶.

¹ См.: Хентила С. От обретения независимости до окончания войны-продолжения 1917–1944 // Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 151.

² Suomen vapaussota. Os. I–IV, Jyväskylä, 1920–1925.

³ См.: Куусинен О. В. Избранные произведения (1918–1964). М., 1966. С. 14. См. также: Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 6–7.

⁴ Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 181.

⁵ См.: Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 292.

⁶ См.: Новоселова З. А. Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии // Гражданская война в Финляндии. Выборг. 1918 г.: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2012. С. 27.

⁷ О многочисленных терминах, существующих в финской историографии, касательно определения названия войны 1918 г. см. примечание к книге: Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. С. 140–143.

⁸ *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaan. — Режим доступа: <http://yle.fi>. Дата посещения: 22.03.2014.

⁹ *Peltonen U.* Muistaa vai unohtaa? Vuoden 1918 vaikea historia // *Historiallinen Aikakauskirja*. 2003. № 4. S. 497.

- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ *Вестерлунд Л.* Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013. С. 5.
- ¹² *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921. Jyväskylä, 2006. S. 239.
- ¹³ *Энгман М.* После России // Север. 1992. № 11–12. С. 131–132.
- ¹⁴ См.: *Peltonen U.* Muistaa vai unohtaa? Vuoden 1918 vaikea historia S. 492–501; *Martkaianen E.* Maila Talvion kuvaus sota keväästä 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 2008. № 2. S. 139–151.
- ¹⁵ *Tikka M.* Kenttäoikeudet. Välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004. S. 21.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Ibidem. S. 37.
- ¹⁸ Цит. по: *Новоселова З. А.* Выборг в период революции и гражданской войны в Финляндии. С. 28.
- ¹⁹ *Тайми А.* Страницы пережитого. М., 1956, С. 229.
- ²⁰ Цит. по: *Стенквист Б.* Черная месть белых. — Режим доступа: <http://saint-juste.narod.ru/suomi.html>. Дата посещения: 18.03.2014.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Manninen O.* Itsenäistymisen vuodet 1917–1920. Osa 2. Helsinki, 1992. S. 448–467.
- ²⁵ Однако только в отношении 113 из них смертный приговор был приведен в исполнение. См.: *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921. S. 238.
- ²⁶ В результате двух амнистий к концу 1918 г. в лагерях оставалось 6100 участников гражданской войны. В 1921 г. их число сократилось до 100 человек, последние 50 осужденных были амнистированы в 1927 г. См.: *Ibidem.* S. 240.
- ²⁷ *Стенквист Б.* Черная месть белых.
- ²⁸ *Linnanmäki E.* Espanjantauti Suomessa, Influenssaepidemia 1918–1920 — Режим доступа: <http://www.hs.fi/>. Дата посещения: 11.03.2014.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ *Tikka M.* Kenttäoikeudet. Välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 2004. S. 150.
- ³¹ Ibidem.
- ³² *Невалайнен П.* Исход. Финская эмиграция из России 1917–1939 гг. / Пер. с фин. Леппя. М.; СПб., 2005. С. 101–102.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См. об этом: *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. Helsinki, 2014. S. 245–250; *Tikka M.* Kenttäoikeudet. Välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921; *Turunen M.* Veripellot. Sisällissodan surmatyöt Pohjois-Kymenlaaksossa 1918 — Jyväskylä, 2008. S. 105–106.; *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaan; *Lindstedt R.* Kadotettiin järien kesä 1918. — Режим доступа: <http://suomenkuvalehti.fi>. Дата посещения: 22.03.2014.
- ³⁵ См. об этом; *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaan; *Lindstedt R.* Kadotettiin järien kesä 1918; *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918.
- ³⁶ *Keränen P.* Tuulimaa. Limingan kotiseutukirja. Jyväskylä, 2003. S. 148–149.

- ³⁷ *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1920. S. 132.
- ³⁸ См. об этом: *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaan.; *Похлебкин В. В.* Урхо Калева Кекконен. М., 1985 С. 31–35.
- ³⁹ *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. S. 24.
- ⁴⁰ Ibidem.
- ⁴¹ Ibidem. S. 33.
- ⁴² *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaa.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Ibidem.
- ⁴⁵ Ibidem.
- ⁴⁶ Ibidem.
- ⁴⁷ *Sippola A.* Sisällissota Helsingissä päättyi tasan 95 vuotta sitten. — Режим доступа: <http://www.hs.fi>. Дата посещения: 9.02.2014.
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ *Смолин А. В.* Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 81.
- ⁵⁰ *Новикова И. Н.* Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной международной конференции. СПб., 2001. С 62.
- ⁵¹ См. об этом: *Keskisarja T.* Viipuri 1918. Helsinki, 2003. S. 132.
- ⁵² См.: *Смолин А. В.* Ларс Вестерлунд. «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...» СПб.: Аврора-Дизайн, 2013. 128 с. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 12. СПб., 2014. С. 255.
- ⁵³ *Вестерлунд Л.* Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... С. 31.
- ⁵⁴ Там же. С. 33.
- ⁵⁵ *Malminen U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaa.
- ⁵⁶ Ibidem.

В. Н. Барышников

**К ВОПРОСУ
ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ВЫХОДА ФИНЛЯНДИИ
ИЗ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА СТОРОНЕ
ГЕРМАНИИ В 1944 г.: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

19 сентября 2014 г. исполнилось 70 лет с момента подписания Финляндией соглашения о перемирии и выхода страны на стороне Германии из Второй мировой войны. При этом в отличие от других восточноевропейских союзников рейха она так и не была занята советскими войсками, а решение об окончании войны осенью 1944 г. принимали в Хельсинки те же самые государственные и военные деятели, которые в 1940–1941 гг. являлись наиболее горячими сторонниками финского участия в этой войне. Неслучайно сейчас в Финляндии существует даже достаточно устойчивое представление, что именно благодаря умелым боевым действиям финских войск части Красной армии летом 1944 г., хотя уже поставили финские войска на грань катастрофы, прорвав за неделю все их укрепления на Карельском перешейке, а на десятый день наступления взяли Выборг, так и не смогли занять финскую территорию¹. По наблюдениям исследователя, профессора Х. Мейнандера, в Финляндии произошедшее тогда «мало-помалу... стали изображать настоящей победой» финских войск, не смотря на то что, как справедливо заметил этот историк, в Финляндии «в июле–августе 1944 г. никто еще не мог знать, осталось ли самое худшее позади»². Также, по его наблюдениям, явно замалчивалась и та военная поддержка, которую финская армия получила в тот мо-

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

мент от рейха, поскольку «в интересах финского руководства было упорно придерживаться представления военной эпохи о том, что страна якобы вела свою собственную оборонительную войну»³.

Тем не менее, не рассматривая военную составляющую произошедших тогда событий, указав лишь только на то, что части Советской армии летом 1944 г. прекратили свое наступление только после личного распоряжения И. В. Сталина, потребовавшего от командующего Ленинградским фронтом Л. А. Говорова отвести войска с Карельского перешейка, поскольку «итог войны будет решаться в Берлине, а не в Хельсинки»⁴. Можно поставить вопрос несколько по-иному.

Вероятно, нужно разобраться, насколько Финляндия в 1944 г. вообще была способна продолжать войну. Здесь, очевидно, следует учитывать не только военную, дипломатическую или духовную, но и экономическую составляющую проблемы продолжения ее участия в войне. При этом финские историки еще в 1980-е гг. также вынуждены были признать, что в работах по истории 1939–1944 гг. в Финляндии обращали основное внимание на военные и дипломатические вопросы, оставляя в стороне экономические и общественные трудности⁵, хотя, как заметил известный исследователь-экономист Э. Пихкала, «в этом отношении выдержанное экономикой страны испытание... явилось в смысле прохода через горнило войны-продолжения таким же важным, как военная или духовная выносливость»⁶.

Тем не менее, если в этом отношении за отчет взять официальные статистические данные, то будет понятно, что в экономике Финляндии в конце войны явно наблюдались самые очевидные кризисные процессы, которые не могли говорить о существовании у этого государства высокой степени потенциальных возможностей для продолжения активных боевых действий на завершающей стадии Второй мировой войны. Причем четко просматривавшийся тогда экономический кризис был прежде всего связан именно с тем, что Финляндия принимала весьма длительное время непосредственное участие в войне. Это очень хорошо заметно при анализе ее экономического положения не в условиях, когда в июне 1944 г., собственно, произошла катастрофа финской армии, а ранее, когда Финляндия вела лишь позиционную войну и линия фронта еще находилась в стабильном положении.

Объективно, экономические проблемы для Хельсинки реально существовали в течение всей войны. Они были связаны, прежде всего, именно с необходимостью вести боевые действия. В этом отношении в первую очередь на экономическое положение Финляндии серьезно влияло то, что здесь сохранялась большая по численности армия. Летом 1941 г. количество отобилизованных в финские войска составляло до 630 000 человек⁷. Причем эта армия была развернута при весьма ограниченных в стране людских ресурсах, что привело к тому, что 16–17 процентов населения Финляндии оказалось на военной службе⁸ или, что еще более важно, до 65 процентов всего мужского населения в возрасте 20–49 лет находилось тогда в армии⁹. Это неминуемо вело к дефициту рабочей силы как на промышленных предприятиях, так и в сельском хозяйстве, поскольку широко известно, что «ни в одной из воюющих стран не проходила столь обширная мобилизация»¹⁰.

В результате, как отмечали финские экономисты, «война наложила на производство явно регрессивный отпечаток»¹¹. Особенно серьезно данная ситуация стала сказываться в профильных для финской экономики областях — лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. Здесь зимой 1943 г. уже явно отмечалось временное прекращение производства, поскольку у большинства бумажных фабрик начал наблюдаться не только острый дефицит тех, кто там должен был работать, но и отсутствие сырья¹². Естественно, подобное явление в свою очередь становилось следствием общего сокращением объемов производства лесопильной промышленности, что тоже было непосредственно связано с откровенным недостатком рабочей силы в этой отрасли экономики страны¹³. Данная ситуация оказалась настолько острой, что Финляндия даже заключила с Германией в 1943 г. соглашение, по которому нацисты обещали на лесные работы направить еще до 500 поляков¹⁴.

Также подобные проблемы наблюдались и в сельском хозяйстве, где «к концу весны 1943 г. в Финляндии стали быстро пустеть зерновые склады»¹⁵, что тоже являлось результатом очевидной нехватки рабочих рук в аграрном секторе экономики, ставя население перед перспективой серьезных продовольственных трудностей. Причем, как отмечает исследователь И. Сеппинен, «финское политическое руководство и эксперты в области сельского хозяйства верили в возможность обеспечения продуктами

питания населения страны путем всемерной интенсификации производства продовольствия»¹⁶. Однако ничего подобного реально не происходило. По оценкам известного финского историка-экономиста Э. Пихкала, положение с продовольствием зимой 1943 и 1944 гг. было таким же тяжелым, как и в 1942 г.¹⁷ Это хорошо видно из общей динамики получаемых в Финляндии урожаев хлебного зерна и общей обрабатываемой посевной площади¹⁸:

Военные годы	Посевные площади хлебного зерна (в тыс. га)	Урожаи хлебного зерна (в тыс. тонн)
1942	408,6	531,4
1943	439,8	560,9
1944	437,0	488,8

При этом в отличие, скажем, от Германии, где активно использовали насильственный труд военнопленных, а также гражданского населения из числа захваченных рейхом иностранных государств и пока еще не наблюдали острых кризисных процессов, а, например, в военной индустрии даже в феврале–июле 1944 г. «отмечалось увеличение объема производства»¹⁹, Финляндия таких особых возможностей не имела.

Здесь действительно со второй половины 1941 г. пытались применять труд военнопленных, которых к концу первого года войны насчитывалось порядка 555 570 человек²⁰. Их содержали в 21 лагере и, по мнению финского исследователя Е. О. Тирронена, труд военнопленных «нельзя было не использовать, учитывая продолжавшееся уменьшение в стране запасов продуктов питания»²¹. Причем, по его наблюдениям, советские военнопленные направлялись, прежде всего, на работы в сельскую местность, а также на лесозаготовки и на военное строительство. Тем не менее, как считалось, результативность подневольной работы была крайне низкой²². Более того, среди военнопленных, находящихся в Финляндии, был очень высокий процент смертности, поскольку в лагерях в годы войны погибло 18 700 человек²³, что означало гибель более 29 процентов захваченных в плен советских солдат, и это, по мнению финского историка Э. Пиэтола, оказалось одной «из самых высоких цифр в мире»²⁴.

Не лучшим образом обстояло дело и с использованием принудительного труда советских граждан на оккупированной Финляндией территории Карелии. Здесь проживало более 80 тыс. человек²⁵. Но эффективно использовать это население для принудительного труда финские власти тоже так и не сумели. По мнению петрозаводского историка, профессора С. Г. Веригина, финской администрации «несмотря на все попытки... так и не удалось в оккупированных районах республики в 1941–1944 гг. организовать промышленное производство в сколько-нибудь значительных масштабах»²⁶. Он отмечал лишь определенные успехи в сельском хозяйстве, «от состояния которого зависело обеспечение продовольствием гражданского населения [Карелии. — В. Б.] и заключенных в концлагерях», а также в лесной промышленности и в дорожном строительстве²⁷. Таким образом, на занятых финскими войсками территориях СССР местное население лишь справлялось с тем, что пыталось прокормить, прежде всего, себя. Естественно, что все это не могло каким-то образом действительно влиять экономическое положение в самой Финляндии.

Нельзя сказать, что большой экономический эффект был также достигнут, когда для пополнения рабочей силы финское правительство получило разрешение у Германии ввезти в страну с оккупированных немецкими войсками районов Ленинградской области и Эстонии почти 70 тыс. советского гражданского населения²⁸. Естественно, не имело и серьезного значения для экономического развития Финляндии и то, что на севере этой страны, контролируемой немецкими войсками, использовались в качестве принудительной рабочей силы на лесоразработках еще несколько сот поляков и норвежцев²⁹.

Таким образом, экономические проблемы, связанные с необходимостью ведения войны, в большей частью легли на плечи собственно гражданского населения Финляндии. Однако поскольку здесь явно существовал явный дефицит рабочей силы, то ко второй половине войны, чтобы восполнить огромный недостаток рабочих рук, к трудовой повинности начали привлекать уже все население страны в возрасте от 15 до 60 лет. Это позволило к весне 1943 г. использовать в производстве 1 млн 717 тыс. человек³⁰.

При этом характерной тенденцией в перераспределении трудовых ресурсов тогда стало активное использование женского

труда. В результате женщины в годы войны составляли более половины работающих в промышленности, а одна треть из них вынуждена была даже работать на предприятиях, связанных с тяжелым физическим трудом и, прежде всего, на металлообрабатывающем производстве³¹.

При этом государство стремилось поддерживать те отрасли экономики, которые были непосредственно связаны, прежде всего, с военным производством. Именно туда направлялись основные потоки резерва рабочей силы. Это тоже стало особенно хорошо заметно летом 1943 г., когда число работающих на военных предприятиях достигло оптимального значения за весь период войны. Тогда здесь было задействовано 138 979 человек, что на 44 784 человек было больше, чем в момент перехода финской армии к позиционным военным действиям (декабрь 1941 г.)³².

Действительно, в условиях длительного периода ведения ограниченных военных операций на фронте финское руководство пошло на определенное сокращение армии, которая уменьшилась весной 1943 г. на 120 тыс. человек³³. Причем приблизительно $\frac{1}{4}$ из числа демобилизованных было направлено именно на военное производство. Но при всем этом нарастало и число женщин, которые также вынуждены были начать там работать³⁴.

*Положение с трудовыми ресурсами в Финляндии весной 1943 г.*³⁵

Возраст	Мужчины	Женщины	Всего
15–17-летние	97 тыс.	91 тыс.	188 тыс.
18–54-летние	389 тыс.	896 тыс.	1 млн 285 тыс.
55–60-летние	113 тыс.	131 тыс.	244 тыс.
всего	599 тыс.	1 млн 118 тыс.	1 млн 717 тыс.

Частичная демобилизация армии и активное использование женского труда, безусловно, несколько облегчило ситуацию, связанную с обеспечением производства рабочей силой, но в условиях войны не могло дать гарантию перспективы сохранения данного минимума в дальнейшем. Экстренные меры руководства страны по привлечению всего людского ресурса к работе в промышленном и сельскохозяйственном производстве не разрешали существующей общей кризисной проблемы. По оценке

президента страны Р. Рюти, высказанной им в августе 1943 г. германскому посланнику в Хельсинки В. Блюхеру, Финляндия смогла бы в перспективе продолжать войну, если бы имела возможность еще «дополнительно направить для обеспечения экономической деятельности 100 тысяч человек»³⁶. Эта оценка, однако, являлась наиболее оптимистической, поскольку, уже из анализа современных историков-экономистов, для достижения довоенного показателя по числу занятого на производстве населения существующие трудовые ресурсы следовало тогда увеличить не менее чем в два раза по сравнению с той цифрой, на которую указал Р. Рюти³⁷.

Однако дефицит трудовых ресурсов являлся лишь только частью общей проблемы, связанной с экономической ситуацией, сложившейся в Финляндии в годы войны. Страна для обеспечения развития своего производства также остро нуждалась в масштабном импорте самого разнообразного вида продукции. Было понятно еще накануне начала войны, что при отсутствии возможности получить иностранную помощь запасов продовольствия и сырья собственного производства в Финляндии могло хватить самое большее на 2–6 месяца³⁸. Исследователь А. Лехтинен вообще справедливо заметил, что «без обеспечения продовольствием, не говоря уже об отсутствующих из числа необходимых товаров — каменного угля и кокса, поставок нефти, железа и стали, важнейших химикатов и других необходимых для производства материалов, шедших из-за границы, Финляндия не смогла бы прожить три года и десять месяцев», времени, когда продолжалась война³⁹.

Это можно наиболее четко заметить, если обратиться к анализу ситуации, которая складывалась в наиболее важной тогда для Финляндии военной промышленности. Здесь правительством страны прикладывались просто титанические усилия, бросая на военные цели больше половины бюджетных средств государства⁴⁰. В итоге к середине войны удалось увеличивать количество выпускавшейся продукции. Однако, как заметили финские историки, уже в первой половине 1942 г. промышленность, работавшая на выполнение военных заказов, перешагнула рубеж того, что позволяли имевшиеся у страны ресурсы⁴¹. В результате производимая в Финляндии на военных предприятиях продукция не позволяла уже полностью обеспечить по-

требности финской армии. С учетом полной зависимости государства от поставок из-за рубежа необходимой для ведения боевых действий авиационной и танковой техники, которую не производили в стране, Финляндия в это время могла самостоятельно обеспечить армию, например, боеприпасами лишь на 57 процентов⁴².

Таким образом, центральным для Финляндии с точки зрения продолжения войны являлись импортные поставки, которые тогда четко шли только через Германию. В Берлине хорошо понимали, что «в Финляндии не было ни каменного угля, ни бензина, ни каучука». Но при этом, по справедливым оценкам немецкого посланника в Хельсинки В. Блюхера, стране еще «не хватало хлеба, сахара, железа, стали и сырья для текстильной промышленности, а также многих других товаров, которые необходимы для ведения современной войны»⁴³. В этом отношении в финском руководстве никоим образом не могли это не признавать и явно рассчитывали на «всегда приятно-сердечное сотрудничество», которое существовало в отношениях «между финскими и немецкими торговыми делегациям»⁴⁴. Немецкий же посланник в Хельсинки В. Блюхер не без гордости указал затем в своих мемуарах, что «с помощью германских поставок население Финляндии питалось, финская экономика обеспечивалась и финская армия вооружалась»⁴⁵.

Действительно, финский министр иностранных дел Р. Виттинг не стеснясь 15 января 1943 г. откровенно заметил дипломатическому представителю США в Хельсинки Р. Макклинтоку: «Финляндия сейчас получает 94% импорта либо непосредственно из Германии, либо через контролируемые немцами транспортные системы Европы». Причем финская сторона перед американцами уже даже не скрывала, что «не в состоянии с оплатой [или погашением] даже уменьшить задолженность», возникающую в результате данной внешней торговли⁴⁶. Министр иностранных дел Р. Виттинг был в этом отношении прав, поскольку тогда уже реально к общему комплексу вопросов, связанных с необходимостью ведения Финляндией войны, добавляли еще и острые финансовые проблемы. Это подтвердил также ставший в марте 1943 г. в новом правительстве Э. Линкомиеса министром финансов В. Таннер. Он прямо отмечал рост государственных расходов, которые даже в относительно

спокойный для Финляндии 1943 г. «достигли наибольшей, чем когда-либо ранее, суммы»⁴⁷. Далее, этот весьма авторитетный государственный деятель вынужден был справедливо признать, что расходы Финляндии, «если война не кончится, не имели тенденции к сокращению»⁴⁸.

Но вся специфика экономического положения Финляндии в 1943–1944 гг. заключалась в том, что в это время произошел уже коренной перелом в ходе Второй мировой войны. Это выразилась не только в сокращении возможностей Третьего рейха в оказании поддержки своим союзникам, но и в том, что сами эти союзники, почувствовав для себя опасность, занялись поиском путей выхода из войны. Поэтому, уловив уже в 1943 г. угрозу возможного германо-финляндского разрыва, Берлин стал стремиться держать Финляндию в состоянии скудного существования, всячески ограничивая ее возможности создавать какие-либо военно-экономические запасы. По словам известного финского историка И. Сеппинена, тогда «целью торговой политики Германии являлось сковать Финляндию в ее действиях так, чтобы не допустить образования у нее резервов... даже если это принесет Германии экономический ущерб»⁴⁹. В результате, по мнению министра иностранных дел А. Рамсаля, высказанному им за год до выхода страны из войны, в сентябре 1943 г. американским представителям, Финляндия уже к началу декабря будет нуждаться, как минимум, «30,000 тонн пшеницы»⁵⁰. В конечном итоге в крайне критическое для Финляндии время, в ноябре 1943 г., германская торговая делегация на переговорах в Хельсинки согласилась предоставить Финляндии необходимое ей продовольствие⁵¹. Эта уступка рейха была сделана только для того, чтобы в финском правительстве продолжали чувствовать свою зависимость от Германии и, как тогда заметил немецкий посланник В. Блюхер, «пусть еда заткнет им рот»⁵². Таким образом, в Хельсинки уже не могли, как прежде, полагаться на безотказную экономическую помощь Германии, а само продолжение войны неминуемо вело страну к экономической катастрофе.

Действительно, 1944 г. стал тем временем, когда кризисные явления в финской экономике раскрылись наибольшим образом. Причем определялись это тем, что уже весной 1944 г. положение становилось «чрезвычайно затруднительным»⁵³. Неслучайно,

характеризуя общее кризисное состояние финской экономики конца войны, будущий президент У. К. Кекконен писал: «Промышленность была большей частью изношена за шесть военных лет, и сырьевые запасы подошли к концу. Сельское хозяйство во время войны пришло в упадок: поля утратили плодородие, уменьшилось поголовье домашнего скота и довольно значительное количество техники изнашивалось. Дорожный транспорт находился в плохом состоянии... Исключительно тяжелым было положение с энергетическим хозяйством страны, потери в котором составляли 20 процентов»⁵⁴.

В подтверждение этих слов можно отметить, что, объективно, тогда началось уже активное свертывание финского промышленного производства. Оно в 1944 г. сократилось по сравнению с предыдущим годом на 6 процентов и составляло $\frac{2}{5}$ довоенного уровня⁵⁵. Военное производство, как и прежде, являвшееся предметом особого внимания со стороны руководства страны, летом 1944 г. достигло предельного напряжения⁵⁶. В условиях развернувшихся сражений на Карельском перешейке и в Карелии требовалось наращивать выпуск боеприпасов, поскольку к 1 июля снарядов для полевой артиллерии оставалось на месяц и лишь 50–60 процентов от необходимого для продолжения ведения активных боевых действий⁵⁷. Но имевшиеся промышленные мощности уже не могли, как отмечалось, обеспечить их дополнительного производства. К тому же отдельные предприятия, выпускавшие военную продукцию, должны были эвакуироваться в связи с приближением фронта. В результате, по оценкам современных финских экспертов, «осенью 1944 г. положение с запасами вооружения оказалось хуже, чем в начале войны» в 1941 г.⁵⁸

Более того, начавшийся в июне 1944 г. новый массовый призыв на военную службу, связанный с наступлением советских войск на Карельском перешейке и в Карелии, создал в стране оптимально критическое положение с рабочей силой. Даже военная промышленность тогда лишилась к моменту наступления 18 тыс. человек (15 процентов)⁵⁹. Причем призыв в армию не сворачивался⁶⁰. Характерным являлось то, что от военного производства были оторваны уже весьма квалифицированные специалисты, а вооруженные силы по численности превзошли начальный период войны и достигли более 613 тыс. человек⁶¹. По словам историка И. Сеппинена, «крупное сражение на пере-

шейке и отступление из Восточной Карелии почти парализовало силы Финляндии»⁶².

В новых условиях очень острой проблемой для финской промышленности стало приобретение сырья и горючего. Положение с ними, как известно, и прежде было сложным. Но теперь, когда их поставщик Германия сама испытывала трудности, Финляндия не могла уже рассчитывать на получение всего необходимого. В июле 1944 г. Германия вообще прекратила экспорт в Финляндию горючего⁶³, что поставило под угрозу все те виды производства и транспорта, которым было необходимо жидкое топливо. В целом в 1944 г. импорт из Германии начал впервые за годы войны резко падать и сократился в полтора раза⁶⁴. В результате количество всех ввозимых в Финляндию товаров стремительно начало уменьшаться и по сравнению с 1943 г. упало на 22 процента⁶⁵.

Углублялись кризисные процессы и в сельском хозяйстве. Нехватка зерна в Финляндии до нового урожая составляла в июне 1944 г. приблизительно 90 тыс. тонн.⁶⁶ «Продовольственное положение стало настолько острым, — сообщал Х. Рамсай немецкому посланнику В. Блюхеру, — что, если ожидаемые поставки из Германии все еще не будут поступать, надо будет сократить норму выдачи хлеба наполовину»⁶⁷. Германия, действительно, в том же месяце направила Финляндии зерно, но в августе полностью прекратила поставки ей продовольствия⁶⁸. А с собственным урожаем положение в Финляндии оказалось критическим. Зерна было собрано меньше, чем в 1943 г., на 72 тыс. тонн⁶⁹. Перспектива возникновения голода вставала во весь рост.

Тяжелым прессом давили на экономику Финляндии все увеличивавшиеся военные расходы. Они достигли в 1944 г. рекордного уровня, составив около 26 млрд марок, т. е. возросли по сравнению с предыдущим годом на 10 млрд марок. В целом же государственные расходы превышали доходы на 17 млрд марок⁷⁰. Причем явно существующие проблемы в финансовой системе страны еще усугублялись увеличением количества находившихся в обращении бумажных денег. За период с 1942 г. по сентябрь 1944 г. их стало больше в два раза⁷¹. Вообще за годы войны общая сумма бумажных денег выросла с 2 до 15 млрд марок⁷².

В результате реально продолжение Финляндией войны при таком состоянии финансовой системы и экономики в целом было уже невозможно. Страна находилась у опасной черты, пере-

ступив которую могла оказаться в катастрофическом положении. В итоге ее экономическое положение показывало, что Финляндия фактически из последних сил продолжала войну и уже вплотную приблизилась к собственному внутреннему коллапсу.

В этой ситуации можно утверждать, что экономически Финляндии по вполне объективным обстоятельствам и весьма своевременно вышла из Второй мировой войны на стороне Германии. Реально в экономическом плане далее продолжать масштабные боевые действия эта страна просто была не в состоянии и, очевидно, в случае продолжения советского наступления Финляндия могла испытать все те ужасы, которые постигли затем население Третьего рейха в 1945 г.

¹ Подробно см.: *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 78.

² *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. М., 2014. С. 182.

³ Там же.

⁴ Цит. по: *Барышников Н. И.* Военно-политическая обстановка после взятия советскими войсками Выборга (конец июля — первая половина сентября 1944 г.) // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006. С. 384.

⁵ *Suomi 1944. Sodasta rauhaan.* Hels., 1984. S. 9.

⁶ *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestittiin taloudellisesti // *Jatkosodan kujanjuoksu.* Porvoo-Hels.-Juva, 1982. s. 102.

⁷ *Saraste E.* Totaalinen liikekannallepano // *Suomi 1941.* Hels., 1985. S. 10.

⁸ *Ibidem.*

⁹ *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestittiin taloudellisesti. S. 94; *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 101.

¹⁰ *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 101.

¹¹ *Финляндский капитализм.* М., 1983. С. 39.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). ф. 4459. оп. 20. д. 67. л. 24, 56–57. (см.:).

¹³ См.: *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. Hels., 1983. S. 158. На это обстоятельство также обращает внимание финский профессор Х. Мейнандер, который указывает на «явный спад в лесной промышленности: ее энергетические ресурсы и рабочая сила были нужны для производства вооружений и для действующей армии». Однако при этом он также отмечает, что здесь «исключение составляла целлюлозно-бумажная промышленность», продукция которой «экспортировалась в Германию и в страны-союзницы» (см.: *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 102).

¹⁴ Вопрос использования этой иностранной силы был однако все же снят. См.: *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 159.

¹⁵ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 179.

- ¹⁶ Ibidem. S. 177–178.
- ¹⁷ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–1944 // Suomen taloushistoria. Osa 2. Hels., 1982. S. 323.
- ¹⁸ *Lehtinen A.* Sotatalous // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919–1950. Porvoo-Hels., 1967. S. 207–208.
- ¹⁹ *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 104.
- ²⁰ *Tirronen E. O.* Sotatalous // Suomen sota 1941–1945. Osa 11. Hels., 1975. S. 60. За время войны всего Финляндия захватила 64 188 военнопленных. См.: *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990, № 12. С. 92.
- ²¹ *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 60. Финский исследователь Х. Мейеандер вообще считает, что привлечение советских военнопленных к сельскохозяйственным работам было исключительно вызвано тем, что их было просто невозможно прокормить из существующих лагерных продовольственных ресурсов (см.: *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 128).
- ²² *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 60; *Pihkala E.* Sotatalous 1939–1944. S. 326.
- ²³ *Гуетнев К., Леонтьев П.* Советские военнопленные в Финляндии в 1941–1944 годах // Север. 1989. № 6. С. 78.
- ²⁴ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944. С. 92.
- ²⁵ *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. С. 309, 312.
- ²⁶ Там же. С. 358.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Sota-arkisto, t. k. 635, 5.12.46; Salaiset keskustelut. Lahti, 1967. S. 142–143; Historiallinen aikakauskirja. 1985. № 1. S. 66; Ленинградская правда. 1944. 9 дек.
- ²⁹ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan. Hels., 1952. S. 45; *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 158; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. Vol. III. Washington, 1963. P. 290.
- ³⁰ *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 52.
- ³¹ Suomi 1944. Sodasta rauhaan. S. 14.
- ³² *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 59.
- ³³ Ibidem. S. 56.
- ³⁴ См.: Ibidem.
- ³⁵ Ibidem. S. 52.
- ³⁶ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. Porvoo-Hels., 1951. S. 352.
- ³⁷ См.: *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestettiin taloudellisesti. S. 94.
- ³⁸ См.: *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 20–21.
- ³⁹ *Lehtinen A.* Sotatalous. S. 219.
- ⁴⁰ Ibidem. S. 225; *Pihkala E.* Sotaan mobilisoitu talous // Kansakunta sodassa. Ods. 2. Hels., 1990. S. 258; *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 102.
- ⁴¹ *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 175.
- ⁴² Ibidem. S. 122, 123, 128. Об этом очень красноречиво говорилось, например, в обзоре обстановки, сделанном командованием III-го армейского корпуса в 1943 г. В нем отмечалось, что даже на участке этого соединения, державший фронт на Карельском перешейке, ставилась задача «соблюдать особую бережливость» при использовании артиллерийских снарядов (см.: Sota-arkisto. III Armeijakunnan esikunta. KD N 806/val./2b/saL Koskee: tilannekatsauksia, 19.11.1943).

- ⁴³ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 319.
- ⁴⁴ *Lehtinen A.* Sotatalous. S. 225.
- ⁴⁵ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 319.
- ⁴⁶ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. P. 250.
- ⁴⁷ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan. S. 76.
- ⁴⁸ Ibidem. S. 76–77.
- ⁴⁹ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 190.
- ⁵⁰ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1943. P. 298.
- ⁵¹ Ibidem. P. 307–308.
- ⁵² Цит. по: *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 27.
- ⁵³ Там же. С. 105.
- ⁵⁴ *Kekkonen U.* Tamminiemi.Espoo, 1980. S. 141.
- ⁵⁵ Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 160.
- ⁵⁶ *Pihkala E.* Sotaan mobilisoitu talous. S. 269.
- ⁵⁷ *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 134.
- ⁵⁸ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–1944. S. 322.
- ⁵⁹ Suomi 1944. Sodasta rauhaan. S. 99.
- ⁶⁰ В конце июня 1944 г. было дополнительно призвано еще 4 тысячи человек (см.: *Tirronen E.* Sotatalous. S. 57, 59).
- ⁶¹ *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. Hels., 1975. S. 79; *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestettiin taloudellisesti. S. 94.
- ⁶² *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 211.
- ⁶³ *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 80, 93; *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 212; Промышленность Германии в период войны 1939–1945. М., 1956. С. 67, 79.
- ⁶⁴ Suomen taloushistoria. Os. 3. Historiallinen tilasto. Hels., 1983. S. 238–239.
- ⁶⁵ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–1944. S. 322.
- ⁶⁶ *Korhonen A.* Viisi sodan vuotta. S. 79.
- ⁶⁷ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikoja. Muistelmia vuosilta 1935–44. S. 378.
- ⁶⁸ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 204, 224; *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 207.
- ⁶⁹ *Lehtinen A.* Sotatalous. S. 208.
- ⁷⁰ Ibidem. S. 225.
- ⁷¹ *Куусинен О. В.* Избранные произведения (1918–1964). М., 1966. С. 264; Линия Паасикиви: Статьи и речи Ю. К. Паасикиви. 1944–1956 гг. М., 1958. С. 39; *Lehtinen A.* Sotatalous. S. 229.
- ⁷² Линия Паасикиви. С. 39; *Lehtinen A.* Sotatalous. S. 229.

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

Е. А. Самыловская

**УЧАСТИЕ САВВЫ ВЛАДИСЛАВИЧА РАГУЗИНСКОГО
В КАРЬЕРЕ ФЛОТОВОДЦА МАТИЯ ЗМАЕВИЧА
В РОССИИ**

Матия (Матвей Христофорович) Змаевич (1680–1735) — иностранец-католик на русской службе является одним из ярчайших флотоводцев первой трети XVIII столетия в России. Талантливый офицер галерного флота отличился в Гангутском сражении 1714 г., в 1721 г. стал вице-адмиралом и членом Адмиралтейств-коллегии, в 1725 г. был награжден орденом Св. Александра Невского, а в 1727 г. стал полным адмиралом¹.

Этапы развития карьеры флотоводца в России рассматривались многими историками военно-морского флота. В частности, в монографиях П. А. Кротова, посвященных Гангутской баталии 1714 г. Подробное описание карьеры М. Змаевича представил В. Н. Берх в своем труде «Жизнеописание первых Российских адмиралов, или Опыт истории российского флота». Однако в исторической литературе обычно не уделяется должного внимания тому факту, что немалое участие в карьере Змаевича принял серб Савва Лукич Владиславич Рагузинский, дипломат на русской службе.

Уроженец города Пераста М. Змаевич, выходец из знатной и богатой семьи, в 1709 г., спасаясь от преследования за убийство знатного перастинца В. Буйовича, бежал в Дубровник, затем в Константинополь к русскому послу П. А. Толстому. Вслед за объявлением Турцией войны России в 1710 г. он вместе с П. А. Толстым оказывается в Едикуле. После освобождения он отправился в Карлсбад, где в ноябре 1712 г. сдал экзамен по морскому делу лично Петру I². Об этом он подробно рас-

сказал в письме из Карлсбада брату, архиепископу Бара Вицко Змаевичу³.

В. Н. Берх в своем труде приводит текст поручительного письма графа Г. И. Головкина Ф. М. Апраксину от 25 октября 1712 г., в котором описывает пребывание М. Змаевича вместе с П. А. Толстым в Едикуле, просит принять его на службу во флот в капитаны, а также говорит об услугах, оказываемых В. Змаевичем Петру I⁴. На этом повествование об условиях, на которых Змаевич был принят на службу, обычно заканчивается, и далее присутствует информация о прохождении им службы в российском флоте.

Однако нами было обнаружено еще одно поручительное письмо Ф. М. Апраксину от 23 января 1713 г. от С. Л. Владиславича Рагузинского, в котором тот просит оказать протекцию М. Змаевичу. При этом он указывает причину, по которой необходимо эту протекцию оказать, а именно: «...я и потомство мое всеми есть задолжен неизреченной милости и любви превосходительству господину Змаевичу, архиепископу Змаевичу, брату его, который к интересам царского пресветлейшего величества воистину оказал службу великую и впредь оказывать может. Ежели не было его христианского споможения, то бы моя несчастная матушка, сиротная фамилия, братия мои досталась бы в полон Барбари [йс] кий. И не знаю, чем могу и брату его за такое их благодеяние отслужить. И во истину он есть и своею персоною добры и доброродны и служные»⁵.

До конца XVII в. семья С. Л. Владиславича владела в Рагузской республике деревнями, но гонимая турками была вынуждена бежать во владения Венеции⁶. В 1711 г. семья Рагузинского оказалась в затруднительном положении. Биограф С. Владиславича сербский историк Й. Дучич, ссылаясь на Дубровницкий архив, приводит письмо матери Саввы Симы Владиславич от 30 ноября 1711 г. капитану Ивану Лучину Црноевичу, прибывшему из России, в котором просит найти ей жильё неподалеку от Дубровника, чтобы поселиться ей «с детишками», так как гонят их венецианцы в Далмацию⁷. Возможно, в письме С. Владиславича идет речь именно об этих событиях. Согласно письму, в данной ситуации помощь оказала именно семья Змаевичей.

В письме С. Л. Владиславича Ф. М. Апраксину обращает на себя внимание то, что дипломат очень настойчиво просит

оказать протекцию М. Змаевичу и даже просит признавать его своим родным братом, ибо так ему повелела под клятвою его мать, которая до сих пор (1713) проживает в доме Змаевича⁸.

По-видимому, покровительство С. Л. Владиславича Рагузинского М. Змаевичу на этом не прекратилось. Й. Дучич сообщает о существовании письма от 3 ноября 1714 г., отправленного М. Змаевичем в Пераст родственнику Матиа Штукановичу, будущему барскому епископу. В письме говорится о том, что из Санкт-Петербурга едет доверенное лицо С. Л. Владиславича Михаил Павлов, с целью выполнить поручения дипломата, а также навестить его семью. Змаевич настойчиво рекомендует Штукановичу и всем его родственникам и друзьям принять М. Павлова, поселить в его доме и обеспечивать всем необходимым. При этом он оговаривается, что необходимо это для того, чтобы, вернувшись в Санкт-Петербург, М. Павлов рассказал об оказанном ему приеме С. Л. Владиславичу. Кроме того, он просит свою жену посетить мать и семью дипломата, а также велит ей, чтобы она попросила Симу Владиславич написать сыну и отрекомендовать его⁹. Обращает на себя внимание то, что в этом письме М. Змаевич называет Савву своим единственным покровителем, «отцом и защитником»¹⁰.

Скорее всего, тесные связи семьи Змаевичей и Саввы Владиславича Рагузинского сохранялись и в последующие годы. Косвенно об этом может свидетельствовать тот факт, что в окружении Рагузинского в Петербурге находился католический священник из Далмации с острова Крушала (с 1718 г. по начало 1720-х гг¹¹). Он был царским секретарем по итальянским письмам и состоял у С. Л. Владиславича¹². В своем письме из Венеции к маркизу Санти от 7 августа 1717 г. он пишет, что был вызван на службу в 1717 г., во время пребывания Петра I в Париже благодаря протекции его кузена М. Змаевича¹³.

Таким образом, видно, что, как минимум, на первых порах службы Матия Змаевича в России С. Л. Владиславич Рагузинский принимал посильное участие в его судьбе. Уже находясь на службе у Петра I, М. Змаевич не упускал возможности оказать услугу С. Л. Владиславичу и его семье и лишний раз обратить внимание дипломата на это, добиваясь таким образом поддержки и покровительства с его стороны. Представляется, что продвижению карьеры в России М. Змаевича способство-

вали не только его способности как флотоводца, но и высокое положение его брата-архиепископа, а также тесные связи, существовавшие между семьями Владиславичей и Змаевичей.

¹ Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб., 1832. Ч. 2. С. 1–3, 30, 31, 32–34.

² Там же. С. 1; Кротов П. А. 1. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 141; 2. Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013. С. 194–196; Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М., 2014. С. 76.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. Ед. хр. № 421. Л. 11.

⁴ Берх В. Н. Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. С. 1–2.

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее. — РГАВМФ). Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина). Оп. 1. Д. 65. Л. 57.

⁶ Дузич Й. Граф Савва Владиславич: серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I: [сподвижник Петра Великого граф Савва Лукич Рагузинский] / Йован Дучич; [пер. с серб. В. Н. Соколова]. СПб., 2009. С. 15; Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова / Н. Павленко. — М., 2008. С. 548.

⁷ Дузич Й. Граф Савва Владиславич: серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. С. 48.

⁸ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 65. Л. 57.

⁹ Дузич Й. Граф Савва Владиславич: серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I. С. 124–125.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ 1720 г. вел переписку с Конгрегацией пропаганды веры по поводу конфликта между францисканцами и капуцинами. См.: *D'Haarlem Z. L' expedition des Capucins en Russie // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Vol. XII (1942). Rome, 1942. P. 56, 61; Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725) // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Annus XII. 1942. T. XII. Rome, 1942. P. 221, 222.*

¹² *Pierling S. J. La Russie et le Saint-Siège: Etudes diplomatiques / Pierling, S. J. T. 4. Paris, 1907. P. 297–298.*

¹³ Шмурло Е. Ф. Россия и Италия: Сб. ист. материалов и исслед., касающихся сношений России с Италией [Описи итал. архивов, документы, отчеты учен. кор. Акад. наук]. Т. 3. Вып. 2. Пг., 1915. С. 241.

А. А. Лебедев

**ГАНГУТСКАЯ КАМПАНИЯ
БАЛТИЙСКОГО ПАРУСНОГО ФЛОТА 1743 г.
В СВЕТЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ**

Действия Балтийского парусного флота в кампанию 1743 г., сыгравшие весомую роль во всей Русско-шведской войне 1741–1743 гг., сложно назвать малоизвестной страницей отечественной истории. Их фактическое содержание неплохо представлено в трудах А. П. Соколова, В. Н. Берха, Н. Шпилевской, А. Штенцеля, Г. Кирхгофа, Р. С. Андерсона, Л. Г. Бескровного, М. А. Муравьева¹. Немало опубликовано по сюжету и материалов документального и эпистолярного характера².

Как результат на данный момент хорошо известны состав Кронштадтской эскадры Н. Ф. Головина, противоречивость инструкций, полученных им перед выходом в море³, невысокий уровень подготовки личного состава русских кораблей (при его нехватке)⁴, последовательность событий у мыса Гангут. Имеются и вполне логичные выводы относительно вклада Балтийского парусного флота в конечную победу. «Известие о приближении к берегам Швеции русского флота повергло жителей побережья и самого Стокгольма в панический страх, — пишут авторы труда “На пути к регулярной армии России”. — Шведское правительство пребывало в шоке. Оно поспешило заключить перемирие и приступить к переговорам. Таким образом, прорыв галерного флота П. П. Ласси, по выражению военного историка А. З. Мышлаевского, решил участь кампании и явился грозной силою, повлиявшей на заключение мира»⁵.

Состав русской эскадры в столкновении 7 июня 1743 г.⁶

Корабль	Год спуска	Основные размеры (длина × ширина × × глубина интрюма⁷)	Число орудий	Состав вооружения (число – калибр орудий в фунтах)
<i>Линия баталии</i>				
Госпитальный корабль «Новая Надежда»	1730	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4 ⁸
Линейный корабль «Город Архангельск»	1735	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4
Линейный корабль «Кронштадт»	1738	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4
Линейный корабль «Астрахань»	1736	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4
Линейный корабль «Северный орел»	1735	155–6 × 41,5 × 18	66	24–24, 26–12, 16–6
Линейный корабль «Ревель»	1735	155–6 × 41,5 × 18	66	24–24, 26–12, 16–6
Линейный корабль «Слава России»	1733	155–6 × 41,5 × 18	66	24–24, 26–12, 16–6
Линейный корабль «Св. Петр»	1741	155–6 × 41,5 × 18	66	24–24, 26–12, 16–6
Линейный корабль «Ингерманланд»	1735	155–6 × 41,5 × 18	66	24–24, 26–12, 16–6
Линейный корабль «Азов»	1736	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4
Линейный корабль «Основание Благополучия»	1736	155–6 × 41–6 × 18	66	24–24, 26–12, 16–6
Линейный корабль «Нептунус»	1736	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4
Линейный корабль «Св. Александр»	1717	155 × 43 × 17–6	70	26–24, 24–18, 24–6 ⁹
Линейный корабль «Св. Андрей»	1737	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4

Корабль	Год спуска	Основные размеры (длина × ширина × × глубина интрюма ⁷)	Число орудий	Состав вооружения (число – калибр орудий в фунтах)
Линейный корабль «Северная звезда»	1735	143 × 38 × 16–7	54	22–18, 24–8, 8–4
<i>Вне линии баталии</i>				
Фрегат «Воин»	1737	118 × 31–6 × 14	32	20–12, 12–6
Фрегат «Россия»	1728	118 × 31–6 × 14	32	20–12, 12–6
Бомбардирский корабль «Самсон»	1740	102 × 27–2 × 12–5	14	2–5 ¹⁰ , 2–3 ¹¹ , 10–6
Бомбардирский корабль «Юпитер»	1740	102 × 27–2 × 12–5	14	2–5, 2–3, 10–6
Пакетбот «Новый Почтальон»	1735	?	?	?
Яхта «Минерва»	1732	?	?	?
Брандер «Митау» ¹²	1733	121–6 × 31–4 × 15–2	?	?
Брандер «Бриллиант» ¹³	?	?	?	?

Однако, несмотря на все сказанное, остаются в теме и лакуны, в том числе и потому что в течение вот уже более 50 лет авторы, обращающиеся к теме означенной Русско-шведской войны, используют лишь давно известные материалы. При этом возможности для развития представлений о событиях 1743 г. имеются весьма не плохие. Так, благодаря ставшими доступными шведским источникам, можно не только скорректировать принятый в отечественной историографии состав шведской эскадры фон Утфалля во время ее противостояния эскадре Н. Ф. Головина у мыса Гангут, но и более определенно представить ее боевые возможности (см.: табл. ниже).

Состав шведского флота в кампанию 1743 г.¹⁴

Корабль	Год спуска / Год перестройки	Основные размерения (длина × шири- на × глубина интрюма¹⁵)	Ранг	Состав вооружения (число – калибр орудий в фунтах)
Линейный корабль «Drottning Ulrika Eleonora»	1719	166 × 46 × 20	84	26–24, 24–18, 26–8, 8–4
Линейный корабль «Enigheten»	1732	166 × 44 × 20	72	26–24, 26–12, 14–6
Линейный корабль «Göta» ¹⁶	1686/1739	153 × 39 × 18	68	24–24, 26–12, 16–6, 4–3
Линейный корабль «Friheten»	1731	153 × 41–6 × 19	66	26–24, 24–12, 16–6
Линейный корабль «Prinsessan Sofia Charlotta»	1725	141 × 38 × 17–3	64	24–18, 24–12, 12–4
Линейный корабль «Hessen-Cassel»	1731	153 × 41–6 × 19	64	26–24, 24–12, 14–6
Линейный корабль «Prins Vilhelm»	1726	141 × 38 × 17–3	64	24–18, 24–12, 16–4
Линейный корабль «Fredrik Rex»	1742	150 × 40 × 19	62	24–24, 26–12, 12–6
Линейный корабль «Västmanland»	1696	140 × 37 × 17	62	24–18, 24–8, 8–6, 4–4
Линейный корабль «Fredrika Amalia»	1698	140 × 37 × 17	62	24–18, 24–8, 8–6, 4–4
Линейный корабль «Skåne»	1697/1725	142 × 37–9 × 17	62	24–18, 24–8, 16–4
Линейный корабль «Stockholm»	1708/1735	150 × 39 × 17–6	60	24–24, 22–12, 14–4, 2–3

Корабль	Год спуска / Год перестройки	Основные размерения (длина × шири- на × глубина интрюма ¹⁵)	Ранг	Состав вооружения (число – калибр орудий в фунтах)
Линейный корабль «Vremen»	1705	151 × 39 × 17–6	60	24–24, 22–12, 16–6, 2–3
Линейный корабль «Finland»	1735	151 × 39 × 17	60	22–24, 22–12, 12–6
Линейный корабль «Verden»	1706	135 (136) × 35 × 17	54	22–18, 22–8, 8–4, 2–3
Линейный корабль «Drottningholm»	1731	130 × 35 × 16	42	22–18, 20–8
Линейный корабль «Freden»	1730	130 × 35 × 16–4 (15–9)	42	22–18, 20–8
Фрегат «Jarramas»	1716	111 × 31 × 14	36	20–12, 10–8
Фрегат «Karlsberg»	1737	?	32	18–6, 4–3
Фрегат «Fama»	1739	110–4 × 31 × 15	32	20–12, 12–4
Фрегат «Ekholmsund»	1724	105 × 28 × 11	26	20–8, 6–3
Фрегат «Kristina»	1732	96–8 × 25 × 11	22	18–8, 4–4
Бомбардирский ко- рабль «Thordon»	1741	81–7 × 23 × 10	6	2–60 ¹⁷ , 4–4
Бомбардирский ко- рабль «Åskedunder»	1738	81 × 22–8 × 9–6	6	2–60, 4–4
Бригантина «Kastor»	1739	90–5 × 21 × 10– 4	18	18–4

Корабль	Год спуска / Год перестройки	Основные размерения (длина × шири- на × глубина интрюма ¹⁵)	Ранг	Состав вооружения (число – калибр орудий в фунтах)
Бригантина «Pollux»	1741	?	18	?
Бригантина «Sjökatten»	1716	70 × 18 × 6	6	6–3

В частности, четко проявляются два обстоятельства. Во-первых, что в решающий момент кампании 1743 г. шведы имели не 8, 13 или 15¹⁸, а 16 линейных кораблей (линейный корабль «Fredrik Rex» присоединился позднее¹⁹), включая один трехпалубный 84-пушечного ранга и 12 двухпалубных 60–70-пушечного (то есть подтвердился цифровой вариант, приведенный еще К. А. Юлленгранатом²⁰, но оказавшийся вне поля зрения отечественных авторов). Во-вторых, что означенное превосходство шведов (русские имели 15 линейных кораблей, включая один, по существу, госпитальный и всего лишь семь 60–70-пушечных) в значительной степени уравнивалось тем, что кораблей с 24-фунтовыми пушками фон Утфалль имел только 8 (против 7), а по остойчивости и мореходным качествам шведские линейные корабли в своей массе и вовсе уступали противнику²¹. «На 94-пушечном корабле “Энихетен” (“Enigheten” — *Авт.*), имевшем на двух палубах 24-фунтовые пушки, — отмечал, в частности, М. М. Окунев, — в 1732 г., по недостатку остойчивости, переменили артиллерию и поставили... всего 76 пушек... Корабль “Стокгольм”, построенный в 1708 г., имел величину $m = 0,833$ ²². Следовательно, он был хуже корабля “Финланд”, построенного в 1667 г. и имевшего величину $m = 0,935$ »²³.

Не менее полезно и обращение к материалам РГА ВМФ, позволяющее прояснить состояние корабельных сил уже отечественного флота. Это крайне важное обстоятельство, ибо проблемы с качеством как корабельных корпусов, так и рангоута и парусного вооружения проявились на русских кораблях в 1743 г. более чем рельефно уже при первом реаль-

ном испытании — погоне за шведским отрядом в районе Ревеля в мае 1743 г. О результатах этого преследования контр-адмирал Я. С. Барш писал так: «...и видя два корабля в повреждении и, как возможно видимо быть, силою неприятельские корабли нас уповательно превосходили, за повреждением показанных кораблей, да и в корабле “Астрахань” не малая течь появилась до 30½ дюймов... и тако неприятеля оставили и возвратились...»²⁴

Названные проблемы по ходу кампании только усугубились. По дефектным ведомостям кораблей можно составить по-настоящему печальную картину. «Гон-дек и мидель-дек, опер-дек бимсы, — значилось в дефектной ведомости линейного корабля “Св. Александр”, датированной концом августа 1743 г., — явились во многих местах по концам гнилы, також и палубы гон-дек, мидель-дек и опер-дек и рангоут надлежит починить и конопатной работой исправить [...], також топтимберсы под планширями по обе стороны гнилы. Недгесы оба гнилых... С вонной (наружной, внешней. — А. Л.) стороны по обе стороны борт, також и порты явились — во многих местах гнилость, фок-мачта в топе явилась гнила и быть в нынешнее осеннее время весьма неблагонадежна, о которой и прежде рапортовано; крьюйс-стенга явилась в нижнем конце гнила [...] оной корабль, большой течи хотя и не имеет, только, как спущен, не килеван и надлежит оной килевать»²⁵.

«Порученной мне вышеписанный корабль, — гласит ведомость линейного корабля “Северная Звезда”, — надлежит конопатить и плотничною работою исправить, а именно с вонной стороны выше вадер-линии и ниже весьма гнилость и течь так изнутри корабля, потому надлежит исправить того ради, что во многих местах является гнилость. Верхний борт на обеих сторонах надлежит утвердить пришивными стоячими якорями. Палубы, бак и шканцы подлежит все конопатить, для того, что во многих же местах является гнилость и великая течь, и около грот-мачты кнехты переменить или починить. В капитанской каюте, под кают-компанией, под нижним карнизом палуба весьма гнила. Над крьюйт-камерой палуба весьма гнила, как во время похода, так и великого шторма и в стоянии на якоре, когда бывает в клюзы вода, то и в крьюйт-камеру и льется течь не малая. Битенги стоячие в среднем деке и между битенгов в палубе

лежащие балки гнилы, а с вонной стороны у форштевня по обе стороны под большими кницами имеется немалая течь, також и кругом корабля, как в вадер-линии, також и выше. Когда корабль под парусами да в стоянии на якоре в великую погоду, то прибывает воды в час дюйма по три и более. Кранбалки, как во время поднимания, так и во время бросания якорей весьма трясутся и от того имеется немалая опасность, а с правой стороны кранбалок и прошедшей кампании подан был в дефекте, что весьма худ, токмо оной за неимением при Ревельском порте лесу не переменен, токмо починкою исправлен, весьма не благонадежен [...]. От якорей фор и ахтершпили [...] сделать новые, того ради оные вчерашнего во время поднимания якоря за гниlostью и худостью переломались. Того ж числа к флагманским делам рапортовано: руль надлежит переделать, понеже у оногo в голове имеется великая гниlostь; фор и грот-марсы починить, бегин-рей переменить, канатные свинцовые клюзы переменить»²⁶.

«По рапорту шкипера Козлова и по осмотру тиммермана Сифунтьева, — говорится в рапорте командира “Азова”, — явилось на порученном мне корабле “Азове” гниlostи, а именно: на правой и левой сторонах от ахтерштевня под бархоутами ниже бархоутов в обшивке до форштевня местами является гниlostь... против грот-мачты балка в конце гнила, обшивные доски сверх балок, в обшивке, також на гон-деке и на шканцах и на верхней палубе и на руслене и в книце и фор-стенг запасной, потому ж имеют гниlostи, а грот- и фок-реи в предбудущую кампанию быть неблагонадежны, о чем к оным делам сего августа 23 дня предложено было и об оном у флагманских же дел соблаговолено быть известно»²⁷.

«По усмотрению моему, — писал в ведомости о повреждениях командир следующего корабля, — имеется на порученном мне корабле “Св. Андрее” дефект, а именно в носу по обе стороны форштевня немалая течь, для которой надлежит открыть внутреннюю обшивку для подлинного осмотра, понеже и в прошедшей кампании течь имелась в том же месте, для сего и килеван, токмо и ныне таж течь имеется, да и в форштевне внутри имеется гниlostь, да и носовой брештук и доски обшивные и форштевные гнилы ж, также шпангоуты и чиксы некоторые гнилы; да корпус корабля во многих местах надлежит

починкою исправить. Битенг надлежит новой сделать дубовый, а старой листовенной и в многих местах гнил и безнадёжен, о чем и по окончании прошлого 742 года кампании в дефекте от меня показано было. Грот-рей надлежит за гнилостью переменить. На грот-мачте ланг-салинг новой сделать, а старый гнил и ненадёжен; а по окончании кампании и по разоружении для лучшего надлежит мачты, стеньги, марсы, салинги, реи, також канаты, перлини, такелаж стоячий и бегучий освидетельствовать, понеже многие в кампании пребывают ненадёжны и требуют перемены, а паруса грот-марсель, фор-марсель, крьюсель, бизань, грот и фор-стеньги стаксели надлежит сделать все новые, ибо старые ветхи»²⁸.

А это строчки из рапорта командира 66-пушечного «Основания Благополучия»: «Означенный корабль подлежит килевать, понеже по спуске со стапеля тому уже осьмой год не килеван; и имеется во оном с наружных сторон в бортах, також и во всех палубах и в баках, да в грот-мачте, повыше верхней палубы, немалая гнилость; а у фок-мачты в переднем шкале... до половины надломлено и оный шкал во время волнения больше дюйма от мачты отстает; на помянутом корабле надлежит починить правую сторону галдарей, поврежденную кораблем «Ингерманландией», да разломанные каюты под неприятелем; при оном же корабле настоящие канаты за ветхостию неблагонадежны, также грот-рея за худостью [о которой и прошлого году рапортовано, а починено только вставкой] весьма неблагонадежна ж»²⁹.

Не в лучшем состоянии пребывал и линейный корабль «Слава России»: «На объявленном корабле бушприт в нынешнее осеннее время быть безнадёжен за худостью под... и во многих местах имеются вделки; в топе в грот- и бизань-мачтах сверх марсов имеется гниль; в верхней и нижней палубах имеется во многих местах гниль же, за крайними досками по бортам имеется течь; набором во всем корабле весьма за гнилостью быть безнадёжен, от носу по средней палубе в поперечных во многих балках имеется гниль. В нижнем шпиле в гнезде имеется гниль. В брештуке с носу, видно, в балке под нижней палубой имеется гниль же; бак как в стоячем наборе, так и в кнехтах и в палубе во время поднятия якоря не без опасности, а прочие худости корабля бесконопатной работы познать не возможно; да во время хождения

под парусами в риф-марсельную погоду имело прибавление воды по семи дюймов в вахту»³⁰.

Судя по ведомости дефектов линейного корабля «Ревель», подобная картина наблюдалась и на нем: «На... корабле имеется гнилость по концам балок под верхней и нижней палубами и во время дождей имеется сквозь оные палубы немалая течь, и она происходит от того, [что] во многих местах состоит гнилость же и по окончании кампании корабль требует немалой починки, а наипаче за гниlostью вышепомянутых балок, ибо и в прошлом году оные свидетельствованы и для гниlosti оных сделаны помочи промеж бортов...»³¹

Впрочем, подобное состояние наблюдалось не только на этом корабле. Вот выдержки из данных по линейному кораблю «Нептунус»: «На баке по обеим сторонам наборные стоячие [...], також брусья круг камбузной печи и [...] на баке и за галюн некоторые имеют гнилость, под баком по обе стороны подбалочные доски с набором, в которых местах имеются рим-боуты, за которые крепятся руслень-цепи имеется гнилость же, под баком в палубе в носовых брештуках в досках имеется же гнилость, руслень с правой стороны, на шканцах на правой стороне доски бортовые имеют гнилость, на шканцах же наборные стойки некоторые имеют гнилость, на верхней палубе и под баком некоторые доски гнилы, у фор-люка брусья имеют гнилость и на нижней палубе по обе стороны палубные доски гнилы, у грот-люка балка под верхней палубой раскололась, у ахтерштевня на правой стороне близ воды гнутые две доски имеют гнилость, каюты под шканцами и под баком в констапельской и прочих местах надлежит исправить столярною работою, фор-марсель-рея имеет гнилость, фор- и крьюйс-стеньги переломились, у корабля борт, шканцы, бак, обе палубы надлежит исправить конопатною работою [...]»³²

Вот сведения по «Городу Архангельскому»: «Нижние бархоуты от ватер-линии по обе стороны гнилы, також и нижней палубы борты и кницы в палубе во многих местах имеется гнилость; от ахтерлюка балки, в которые утверждены рим-боуты, [...] оные балки не в твердости состоят; у бортов не малая опасность при подъеме грота-рея и стеньги, что с теми балками поднимает верхнюю палубу; еще ж набор и борты кругом фор-

руста и балка на баке от краев сгнила ж; в палубах как в нижней, так и верхней и на шканцах во многих местах гнилость, от грот-руста борт гнил ж, видим во время великого волнения под парусами движим бывает [...] от грот-люка балка под верхней палубой гнила ж, стантимберс в котором утверждён бушприт, имеет гнилость, в фок-мачте от нижней палубы имеется немалая гнилость»³³.

Вот данные по «Северному Орлу»: «Немалые гнилости местами как верхней, так и нижней палубы и около шпигатов обшивные доски изнутри гнилы, под бушпритом форштевень гнил [...] фока-руслени на правой стороне гнилы ж с обеих сторон, снаружи обшивные доски свыше нижнего бархоута местами гнилы»³⁴.

И наконец, сведения по «Астрахани»: «...в грот-мачте впереди эзельгофта имеется гнилость, оной же мачты вделки от марса и до половины мачты разошлись, на грот-мачте эзельгофт расколот и на фок-мачте эзельгофт гнил»³⁵.

В общем, большая часть из участвовавших в кампании 1743 г. кораблей Н. Ф. Головина находилась в откровенно ненадлежащем состоянии. Причиной этому стало не только наличие общей проблемы качества постройки и обслуживания кораблей, но и чисто формальное отношение даже к требованиям текущего ремонта, предъявленным в ходе кампании 1742 г. Конечный успех оказался на стороне русских моряков, но это едва ли может служить в полной мере утешением: в очередной уже раз неподобающее отношение всех заинтересованных сторон к военно-морским силам поставило на грань провала важнейшую стратегическую операцию.

Подведем итоги. Как и предполагалось, привлечение новых материалов оказалось весьма полезным. Это позволило не только заметно расширить представления о соотношении сил русской и шведской эскадр в решающий момент кампании 1743 г., но и обратить внимание на то, что обозначение «полностью боеспособные корабли» должно быть использовано максимально осторожно, ибо многие из означенных выше отечественных кораблей тоже были отнесены к подобной категории³⁶.

¹ См.: Соколов А. П. Морские походы против шведов 1742 и 1743 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. Ч. V. СПб., 1847;

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов. Ч. 2. СПб., 1833; Отрывок из сокращенной истории шведских морских войн К. А. Гилленграната (1742–1751) // Морской сборник. 1856. № 9; *Кирхгоф Г.* Влияние морской силы в Балтийском море на историю прибалтийских государств в 17 и 18 столетиях. СПб., 1908; *Штенцель А.* История войн на море. В 2 томах. М., 2002. 2-е изд. Т. 2; *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958; *Муравьев М. А.* Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 годов. Львов, 2000.

² Материалы для истории русского флота. СПб., 1882. Ч. 9; «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. Ч. 3. 1741 – 1755. Публикация В. И. Пишвановой // Сборник Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. 1955. Вып. 3; *Манштейн Х. Г.* Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб., 1875.

³ *Перовский Е. П.* Противостояние (Гангут, 1743 год) // Гангут. 1992. № 4. С. 6–7.

⁴ *Манштейн Х. Г.* Указ. соч. С. 254.; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 294–295; *Муравьев М. А.* Указ. соч. С. 23.

⁵ На пути к регулярной армии России. Армия и флот в эпоху дворцовых переворотов. СПб., 2003. С. 108.

⁶ «Юрнал» вице-адмирала Я. С. Барша. С. 20; РГАВМФ. Ф. 870 (Вахтенные и шканечные журналы). Оп. 1. Д. 291. Л. 38 об.

⁷ В футах и дюймах.

⁸ Представлен штатный вариант. Реальное вооружение в связи с выполнением им функций госпитального судна неизвестно.

⁹ Вариант вооружения с 1732 г.

¹⁰ Две 5-пудовые мортиры (как и на «Юпитере»).

¹¹ Три 3-пудовые гаубицы (как и на «Юпитере»).

¹² Речь идет о 32-пушечном фрегате «Митау», переоборудованном в брандер.

¹³ Речь идет о взятом у Данцига в 1734 г. фрегате «Бриллиант».

¹⁴ См.: Цусима. Форум. Елизавета I и возрождение русского флота; Эзельское сражение [Электронный ресурс]. URL: <http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=5308&p=2>; 1700–1860 Ships of the Line (42–90 guns) [Электронный ресурс] URL: <http://koti.mbnet.fi/felipe/Sweden/sweden.html>; Шведские корабли [Электронный ресурс] URL: <http://www.fatburen.org/jan-erik.karlsson/ftgidx.htm>.

¹⁵ В футах и дюймах.

¹⁶ До 1694 г. носил имя «Karlskrona».

¹⁷ 60-фунтовые мортиры (как и на «Åskedunder»).

¹⁸ См.: *Кротков А. С.* Повседневная запись замечательных событий в русском флоте. СПб., 1893. С. 169; Морской Атлас. Т. 3. Ч. 1. Описания к картам. М., 1959. С. 268; Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 84; *Перовский Е. П.* Указ. соч. С. 8.

¹⁹ Отрывок из сокращенной истории шведских морских войн К. А. Гилленграната... С. 539.

²⁰ Там же. С. 536.

²¹ *Окунев М. М.* Теория и практика кораблестроения. Руководство для изучения корабельной архитектуры. СПб., 1865. Ч. 1. С. 38–39; *Кротков П. А.* Табель Петра I о корабельных пропорциях // Судостроение. 1986. № 9. С. 59; *Созаев Э. Б.* Цусима. Форум. Северная война на море между Швецией и Россией в 1700–1713 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://tsushima.su/forums/viewtopic.php?id=8805&p=1>

²² Речь идет о степени пропорциональности между величиною корабля и его боевою силою. Если t был меньше единицы, то корабль был мал для своей артиллерии.

²³ Окунев М. М. Указ. соч. С. 38.

²⁴ МИРФ. Ч. 9. С. 283–284.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 230 (Походная канцелярия адмирала Н. Ф. Головина). Оп. 1. Д. 27. Л. 153–153 об.

²⁶ Там же. Л. 154 об., 156.

²⁷ Там же. Л. 168–168 об.

²⁸ Там же. Л. 155–155 об.

²⁹ Там же. Л. 166–166 об.

³⁰ Там же. Л. 167–167 об.

³¹ Там же. Л. 169–169 об.

³² Там же. Л. 157–157 об.

³³ Там же. Л. 152.

³⁴ Там же. Л. 150 об.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Петрухинцев Н. Н. Указ. соч. С. 295–296.

Е. Ю. Кобчиков

**ХУДОЖНИК А. П. БОГОЛЮБОВ
И ОБЛИК КРОНШТАДТСКИХ ФОРТОВ
В КРЫМСКУЮ (ВОСТОЧНУЮ) ВОЙНУ
1853–1855 гг.**

В ходе подготовки и проведения в Музее истории Кронштадта выставки, посвященной 155-летию начала строительства форта «Император Павел I» — одного из самых мощных фортификационных сооружений мира XIX в., из числа устроенных на искусственных островах, возник вопрос, связанный с ролью Кронштадтской крепости в защите Санкт-Петербурга во время Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.¹

Форт возник на месте деревянной батареи «Рисбанк» («отметка на мели»), устроенной еще на рубеже XVIII–XIX вв. Решение перестроить устаревший «Рисбанк» в камне было принято в 1838 г. В проектировании принимали участие сразу несколько выдающихся военных инженеров: полковник В. И. Маслов, генерал-майор А. И. Фельдман и генерал-лейтенант М. Г. Дестрём.

В 1844 г. император Николай I утвердил проект Дестрёма, но с реализацией идеи Фельдмана строить новый форт внутри гавани старого, под его защитой. Такое решение одновременно сокращало сроки строительства и экономило денежные средства.

Строительство нового каменного форта началось в 1845 г. и было в основном закончено к началу Крымской (Восточной) войны. Однако из-за проблем с фундаментом пришлось отказаться от четвертого яруса орудий. Только в 1854 г. форт получил имя «Император Павел I», почему практически на всех изображениях того времени он значится под своим первоначальным именем («Рисбанк»).

Как известно, Крымская (Восточная) война охватила не только Черное море, но и три других театра: Дальний Восток, Белое море и Балтику. В 1854 г. после очищения Балтийского моря ото льда англо-французский флот в составе 65 кораблей (11 винтовых и 15 парусных линейных кораблей, 32 пароходно-фрегата и 7 парусных фрегатов) под командованием вице-адмирала Ч. Нейпира и вице-адмирала А. Ф. Парсеваля-Дешене блокировал в Кронштадте и Свеаборге русский флот (26 парусных линейных кораблей, 9 пароходно-фрегатов и 9 парусных фрегатов). Для действий на Балтийском море в кампанию 1855 г. союзники снарядили 67 кораблей, однако усиления военных действий не последовало.

Что же сдерживало противника от активных действий главных сил у Кронштадта, кроме известной сегодня всем минной опасности? Почему английский и французские флоты ограничились здесь набегами легких судов на прибрежные коммуникации, пытаясь найти путь к Санкт-Петербургу севернее острова Котлин? Очевидно, что это был тот самый случай, когда внешний вид деревянных батарей на северном фарватере не вызывал тех опасений, какие вызывали каменные укрепления на юге от острова Котлин.

Как выглядели эти укрепления?

Основой большинства изображений укреплений Кронштадта периода Крымской (Восточной) войны является цветная литография Э. Лилье «Вид острова Котлин с высоты птичьего полета. 1850 г.». На основе этой литографии выполнен «Общий вид Кронштадта (с наброска английского офицера, Парижский военный архив)», где нанесены ранее отсутствовавшие морские деревянные батареи на севере, районы крейсирования русских канонерских лодок и т. д. В свою очередь, литография Э. Лилье и рисунок английского офицера стали основой для гравюр и акварелей 1850-х гг. русских, английских, французских и немецких художников. Среди них:

- Вид на Кронштадт от узкости канала к Санкт-Петербургу. С рисунка И. Лаппинга (Германия);
- Вид подходов к порту Кронштадт. Рисунок неизвестного художника, Париж (Франция);
- Вид острова, гаваней и укреплений Кронштадта, с отдаленными видами устья Невы и Санкт-Петербурга. Москва, литография Руднева и др.

Весьма значительная часть этих рисунков — это или плод фантазии, или отражение уровня технической образованности художников того времени.

В 1854–1855 гг. еженедельное британское издание «The Illustrated London News» регулярно публиковало на своих страницах рисунки, показывавшие различные эпизоды боевых действий у Кронштадта. Эти рисунки можно считать наиболее близкими к действительности, но с оговоркой: это все-таки не фотографии, а графические художественные произведения, выполненные или с использованием оптических средств (подзорных труб), то есть с приближением объектов и нарушением пространственного восприятия, или скомпонованные для лучшего восприятия читателями.

В фондах Музея истории Кронштадта в архиве кронштадтского краеведа 1970-х — 1980-х гг. В. А. Сергеева нашлась небольшая фотография с графического рисунка «Город Кронштадт (с западной стороны). Лист I. Снимал с натуры проф. А. Боголюбов. Рисов. на камне Н. Васильев». Действительно, кто мог лучше профессионального моряка и художника, каковым был А. П. Боголюбов (1824–1896), изобразить берег, в первую очередь для ориентирования моряков? Однако в известном издании — «Альбом морских видов северного берега Финского залива»² данного рисунка А. П. Боголюбова Кронштадта нет. Ответ нашелся в воспоминаниях художника («Записки моряка-художника»), опубликованных в журнале «Волна» (1996. № 2–3) и в сетевой версии книги, напечатанной с разрешения исследователя жизни и творчества художника Н. В. Огаревой:

«[...] Лето я провел опять в море по поручению Гидрографического департамента, плавая на промерной шхуне “Компас”, и опять изготовил виды для атласа входов в порты и шхеры. И так Балтийское море я объехал вокруг, а Финский залив вдоль и поперек (1862 г.).

...Как флотский офицер, я знал хорошо компас, а потому, согласно данным мне румбам, делал виды и очерки берегов, входов в узкости шхер, рейдовые входы и выходы. Поручение это мне давалось от Гидрографического департамента Морского министерства, почему я плавал на промерной шхуне Финского залива “Бакан”, которою командовал мой товарищ капитан-лейтенант Роман Иванович Баженов, впоследствии директор

того же департамента. Работа эта мне была знакома, ибо я прежде ее исполнял в Каспийском море под начальством капитана I ранга Ивашинцева, нашего известного гидрографа и тоже моего старого приятеля. Работа, пожалуй, и нехитрая, но тут нужна крайняя точность в обводе линий видимых гор, леса или камней (1864 г.)»³.

Из воспоминаний следует, что А. П. Боголюбов участвовал в двух экспедициях на Балтике и одной на Каспийском море. Итогом этих экспедиций на Балтийском море стало издание не только «Альбома морских видов северного берега Финского залива» (1866), но и «Лоции русского берега Балтийского моря»⁴.

К сожалению, в Центральной библиотеке Кронштадта найденный экземпляр лоции 1871 г. с рисунками А. П. Боголюбова оказался с вырванным 1-м листом вклеек... Однако экземпляр лоции в Центральной Военно-морской библиотеке остается неповрежденным.

Таким образом, с учетом того, что во время Крымской войны форт «Император Павел I» был почти завершен постройкой (введен в строй в 1859 г.), а на Кроншлоте достраивалась Николаевская батарея (завершена в 1863 г.), благодаря рисункам А. П. Боголюбова 1862–1864 гг., мы знаем, как на самом деле выглядела Кронштадтская крепость со стороны Красногорского рейда, где у Кронштадта в 1854–1855 гг. сосредотачивались корабли вражеской англо-французской эскадры.

¹ Фонды Музея истории Кронштадта.

² Альбом морских видов северного берега Финского залива. СПб., 1866. 23 л. 51 рис.

³ Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Волна. 1996. № 2–3.

⁴ Лоция русского берега Балтийского моря (с 3-мя ветровыми картами, 2-мя таблицами лоцманских сигналов и 32-мя листами морских видов). СПб., 1871.

М. А. Партала

**«ОСВЕДОМИТЕЛЬНОЕ БЮРО»
КОНТР-АДМИРАЛА А. И. НЕПЕНИНА:
К ИСТОРИИ ВРЕМЕННОГО ОПЕРАТИВНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ НАЧАЛЬНИКЕ СЛУЖБЫ СВЯЗИ
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ (1915–1917)**

Деятельность разведки русского Балтийского флота в годы Первой мировой войны традиционно привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Уровень отдельных работ, однако, оставляет желать лучшего, что обусловлено, как правило, слабым знанием авторами общих вопросов организации разведки на Балтийском флоте. Последнее объясняется, в числе прочих причин, недостаточной разработанностью этой темы в отечественной историографии.

Как отмечают специалисты, особенностью развития разведывательных органов русского флота на Балтике было возникновение и функционирование в годы Великой войны двух центров разведывательной работы. Один центр сформировался в штабе командующего флотом Балтийского моря (Разведывательное отделение в составе оперативной части штаба); другой — в Службе связи Балтийского моря (Временное Оперативное отделение при начальнике Службы связи)¹.

Первым на это обстоятельство указал А. А. Сакович в 1931 г. в журнале «Морской сборник»². Автор статьи являлся участником описываемых событий. В 1915 г. он исполнял должность старшего флаг-офицера по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом и был одним из непосредственных участников создания Разведывательного отделения в штабе флота. Статья Саковича содержала большой объем фактологического материала, а также авторский анализ и оценки, что делало ее, с учетом личности автора, особенно ценной. Мему-

арно-аналитический характер работы predetermined вместе с тем и ее слабые места. Недостаточная опора на документальные источники и отсутствие ссылок на конкретные приказы, циркуляры, инструкции и другие официальные документы тех лет делали ее в не столько «ответом», сколько «заявкой» на тему. Образно говоря, статья А. А. Саковича содержала постановку научно-исторической задачи и итоговый результат, но не содержала полного описания ее «решения», показывая военно-морским историкам лишь направление исследований, подсказывая правильный путь, пройти который, однако, им предстояло самостоятельно.

В 1956–1961 гг. в журнале «Морские записки», издававшемся в США, вышла работа Б. П. Дудорова, посвященная адмиралу А. И. Непенину, руководившему в 1912–1916 гг. Службой связи Балтийского моря. Написанная на основе личных воспоминаний, а также на воспоминаниях других флотских офицеров, оказавшихся в эмиграции, указанная работа, хотя и не позволяла читателю сформировать целостную картину деятельности разведки Балтийского флота, тем не менее содержала ряд интересных свидетельств, определенным образом дополнявших статью А. А. Саковича. В 1993 г. эта работа была издана отдельной книгой в Санкт-Петербурге, что сделало ее известной и доступной более широкому кругу российских исследователей³.

В 1990 г. тема двух разведывательных центров на Балтике была вновь затронута на страницах военно-исторического труда «Радиоразведка Военно-морского флота», вышедшего под редакцией вице-адмирала Ю. П. Квятковского⁴. Авторы монографии, однако, не стали развивать эту тему, ограничившись, по сути, воспроизведением в своей работе основных положений статьи А. А. Саковича. С сожалением приходится констатировать, что не добавили ничего нового к этой теме и две диссертационные работы, напрямую посвященные истории отечественной военно-морской разведки⁵. Более глубокое ознакомление с темой показало, что ее успешная разработка невозможна без воссоздания истории возникновения и развития разведывательных органов флотов в годы Первой мировой войны.

Первым шагом в данном направлении стал доклад «Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую

войну: вопросы организации»⁶. В материалах доклада была представлена общая картина развития разведывательных органов на Балтийском флоте, однако основной акцент был сделан автором на воссоздании истории Разведывательного отделения штаба командующего флотом. Вопросы истории Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи хоть и получили в докладе определенное развитие, но требовали более детального исследования.

Как известно, Служба связи флотов была учреждена в 1909 г. как система береговых наблюдательных постов и станций Морского ведомства (приказ по Морскому ведомству № 310 от 23.11.1909 г. об утверждении Положения о береговых наблюдательных постах и станциях Морского ведомства). Одновременно, было утверждено Положение о начальнике Действующего флота, которым предусматривалась в составе штаба должность начальника Службы связи (приказ по Морскому ведомству № 311 от 23.11.1909). Начальник Службы связи имел статус флагманского специалиста штаба и подчинялся начальнику штаба. Первым начальником Службы связи Балтийского моря стал капитан 2-го ранга Н. Н. Апостоли, которого в начале 1911 года сменил капитан 2-го ранга А. И. Непенин, руководивший Службой до 1916 г.

Служба связи объединяла в себе две функции: функцию наблюдения (освещения обстановки) и функцию связи. Задача освещения обстановки, поставленная перед Службой связи, предопределила включение в ее состав воздухоплавательных частей флота, которые использовались в то время главным образом для целей наблюдения (разведки). Это, в свою очередь, обусловило в дальнейшем вхождение в структуру Службы связи всей зарождающейся морской авиации.

Накануне Первой мировой войны были утверждены новые документы: «Положение о Службе связи» и «Положение о службе авиации в Службе связи», которые были объявлены и вступили в действие уже после начала военных действий (Приказ по Флоту и Морскому ведомству № 269 от 16.8.1914 г.). Согласно «Положению о Службе связи», предназначением Службы являлось «доставление флоту необходимых сведений о происходящем на море и побережье, а равно облегчение сношений между судами». Основу Службы связи составляла

сеть оборудованных на побережье наблюдательных и передаточных постов, а также станций (выполнявших соединенные функции). Станции и посты сводились в отделения. Несколько отделений объединялись в районы Службы связи. В каждом районе имелась центральная станция (ЦС), где сосредотачивались все донесения от постов и станций. Авиационные формирования в Службе связи (авиационные отряды и авиационные станции) объединялись в Воздушный район Службы связи. Начальник Службы связи, согласно новому «Положению», подчинялся непосредственно командующему Морскими силами (флотом)⁷.

Как отмечалось историками ранее, Балтийский и Черноморский флоты к началу войны не имели в своем составе организационно оформленных разведывательных органов. В этой ситуации Служба связи оказалась, по сути, единственной флотской структурой, отвечавшей в рамках поставленных перед ней задач за освещение разведывательной обстановки (как частного элемента общей обстановки на театре военных действий). При этом сама разведка, согласно действовавшим документам, относилась к зоне ответственности оперативной части штаба командующего флотом.

Словно предвосхищая возможные коллизии между Службой связи и оперативной частью штаба, командующий Черноморским флотом счел целесообразным уже в самом начале войны четко разграничить их функции, и возложил общее руководство оперативной стороной деятельности Службы связи и вопросами разведки на флаг-капитана по оперативной части своего штаба (приказ КЧФ № 682 от 24.08.1914). На Балтике, в отличие от Черноморского флота, этот вопрос сразу не был урегулирован аналогичным или другим целесообразным образом, что привнесло некоторую стихийность и создало условия для проявления служебной инициативы и творчества частных начальников в решении данного вопроса.

В войну Служба связи Балтийского моря вступила, имея в своем составе три района: Южный район (ЦС: Ревель), Северный район (ЦС: Гельсингфорс) и Воздушный район. Начальник Службы связи А. И. Непенин, инициативный, волевой и харизматичный руководитель, пользовавшийся авторитетом в среде командного состава флота, особое внимание в деятельности

Службы уделял решению задачи освещения обстановки, что во многом определялось опытом (в том числе и личным) Русско-японской войны (1904–1905).

В июле 1914 г. А. И. Непенин был назначен начальником обороны Приморского фронта Морской крепости императора Петра Великого (с оставлением в должности начальника Службы связи), при этом высочайшим приказом по Морскому ведомству от 1 сентября 1914 г. он был произведен в контр-адмиралы. Обширные обязанности по новой должности заставили А. И. Непенина временно отойти от повседневных занятий делами Службы связи, непосредственное руководство которой было им возложено на капитана 2-го ранга М. П. Давыдова. Но уже к началу кампании 1915 г. он возвращается к более активному участию в делах Службы.

К этому времени на ведущие позиции в решении задачи освещения разведывательной обстановки на Балтийском флоте начинает выходить радиоразведка (РР). В течение осени 1914 г. на ряде станций Службы связи были установлены первые разведывательные радиопеленгаторы (РРП) системы И. И. Ренгартена, которые позволяли с вполне приемлемой для того времени точностью определять местоположение кораблей противника в море. Организована и начала боевую работу Радиостанция особого назначения (РОН), основной задачей которой была определена дешифровка германских радиограмм и докладывание полученной информации командованию (подробнее см.: *Партала М. А.* Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915–1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота)⁸. Организационно РОН была учреждена в составе Южного района Службы связи. Добываемая на РОН разведывательная информация докладывалась «наверх» через центральную станцию Южного района в Ревеле, с которой РОН была соединена прямым кабелем.

Через центральные станции районов Службы связи проходили и доклады об обнаружении противника, поступающие от своих кораблей в море. Таким образом, по факту на Службу связи оказались замкнуты почти все информационные потоки об обстановке (от береговых наблюдательных постов, от кораблей в море, от морской авиации и от РР). Это позволило А. И. Непенину организовать сбор информации в Управлении

Службы связи (в Ревеле) и весной 1915 г. начать составление собственных информационных документов по разведывательной обстановке. Документы носили характер хронологического (ретроспективного) обзора с элементами анализа и завершались некоторыми выводами по обстановке⁹.

Значительно увеличившиеся в течение весны 1915 г. (благодаря радиоразведке) объемы добываемой разведывательной информации, а также возросший размах и динамизм боевых действий подвигли А. И. Непенина к переосмыслению некоторых аспектов решения задачи освещения обстановки, позволив ему в итоге выйти на совершенно иной качественный уровень ее решения и организации самого процесса. По сути, А. И. Непенин одним из первых поставил вопрос о необходимости решения (в рамках общей задачи освещения обстановки) совершенно новой задачи — задачи ведения обстановки как непрерывного процесса сбора, учета, отображения, анализа и оценки сведений, организованного в целях наиболее полного и своевременного информирования командования флота по всему комплексу оперативных вопросов (включая и разведывательную обстановку).

Решение этой задачи было возложено на Временное Оперативное отделение при начальнике Службы связи (в составе четырех штаб-офицеров), учрежденное приказом Командующего флотом Балтийского моря № 578 от 28.05.1915 г.¹⁰ Примечательно, что А. И. Непенин сразу ориентировался на привлечение к работе в этом новом оперативном органе опытных флотских офицеров, поэтому для них были сразу предусмотрены высокие штатные категории — штаб-офицеров «с присвоением им содержания как Начальникам районов Службы связи». Уже следующим приказом № 579 от того же числа были произведены первые назначения — штаб-офицерами Временного оперативного отделения были назначены капитан 1-го ранга М. И. Никольский, капитан 2-го ранга И. Н. Дмитриев (вскоре получил другое назначение) и капитан 2-го ранга С. Д. Коптев¹¹. Позднее были назначены капитан 2-го ранга М. Н. Аламбаров (приказ КФБМ № 795 от 21.07.1915) и генерал-майор флота А. Н. Рыков (приказ КФБМ № 862 от 9.08.1915). Оценивая состоявшиеся назначения, следует выделить два момента: 1) Все назначенные офицеры были участниками

Русско-японской войны. Из них: трое — участники обороны Порт-Артура и двое — кавалеры ордена Святого Георгия (как и сам А. И. Непенин). Аналогичным образом характеризуются и последующие назначения офицеров. Это позволяет говорить о существенной роли личного фактора при подборе А. И. Непениным кандидатов. 2) Некоторые из назначенных во Временное оперативное отделение офицеров (Дмитриев, Алеамбаров, Коптев) были действующими командирами кораблей. Назначения их производились с оставлением в занимаемых должностях. Очевидно, что такие кадровые решения могли осуществляться только при полной поддержке этого проекта со стороны командующего флотом.

К сожалению, историкам до настоящего времени неизвестны какие-либо развернутые свидетельства непосредственных участников или иные материалы обзорного характера, в деталях раскрывающие вопросы организации и боевой работы Временного оперативного отделения. Поэтому отправной точкой в разработке тех или иных сюжетов, связанных с деятельностью Временного оперативного отделения, могут служить только архивные документы (приказы, инструкции, материалы делопроизводства и пр.), отложившиеся в РГАВМФ преимущественно в фондах Штаба командующего флотом Балтийского моря (ф. 479) и Службы связи Балтийского моря (ф. 736). Вместе с тем определенный интерес в рамках данной темы могут представлять служебные дневники 2-го (радиотелеграфного) флагманского минного офицера и заведывающего разведывательным отделением в штабе командующего флотом И. И. Ренгартена¹², а также некоторые ретроспективные работы, выполнявшиеся в рамках деятельности Морской исторической комиссии при Историческом отделе Оперативного управления штаба РККФ¹³.

Так, в дневнике И. И. Ренгартена одно из первых упоминаний о посещении им некоего «осведомительного бюро» у А. И. Непенина датируется 21 мая, то есть до даты подписания приказа об учреждении Временного оперативного отделения¹⁴. Это позволяет предполагать, что своеобразный «прототип» этого оперативного органа был создан А. И. Непениным и начал работу при Управлении Службы связи еще до организационного оформления его приказом КФБМ.

Здесь следует пояснить, что традиционный подход к вопросам разведывательного обеспечения боевых действий флота, сложившийся еще в конце XIX в., и реализованный в том числе в Русско-японскую войну, предполагал весьма простой алгоритм действий штаба и его оперативного органа при подготовке к боевым операциям. Разведывательное обеспечение, по сути, сводилось к наличию в штабе справочных материалов по флотам противника (так называемой «иностранной статистики»). Перед выходом эскадры (флота) в море оперативный орган штаба предпринимал некоторые шаги по сбору сведений об обстановке, запрашивая в вышестоящих органах обновленные данные «иностранной статистики», и иницируя в ряде случаев длительный процесс получения дополнительных сведений от морских агентов (военно-морских атташе). Наличие данных тактической разведки, как правило, вообще не предполагалось. В варианте А. И. Непенина предусматривался принципиально иной подход. По его замыслу, оперативный орган должен был осуществлять непрерывное ведение обстановки, обеспечивая возможность получения командующим (флагманом) и его штабом актуальной информации во всей ее полноте в любой произвольный момент времени, когда в такой информации возникнет необходимость.

Судя по известным свидетельствам, А. И. Непенину удалось в полной мере реализовать такой подход уже в период летних операций флота. Например, в служебном дневнике И. И. Ренгартена в записях за 13 августа 1915 г., посвященных подготовке эскадры к выходу в море, зафиксировано: «...был у Непенина, где взял всевозможные сведения. <...> Вечером Непенин вновь вызвал меня к себе, дал некоторые пояснения, я снял там несколько калек: места, где наблюдались [неприятельские] подводные лодки, обнаружены мины, где и когда тралены фарватеры и пр. Не могу не отметить еще раз, как хорошо все организовано у Адрияна Ивановича: полная осведомленность до последнего момента; осведомительное бюро в полном смысле слова»¹⁵.

Как свидетельствуют архивные документы, уже летом Временным оперативным отделением был начат выпуск собственных информационных документов по разведке, структура которых (в стабильном виде) окончательно сформировалась к осени

1915 г. Регулярно выпускались следующие виды сводок: «Обстановка» (полная и краткая), «Сведения о портах и фарватерах [противника]», «Вероятное распределение судов [противника] по портам». Кроме того, периодически выпускался перечень предполагаемых радиопозывных противника¹⁶.

«Обстановка» (полная и краткая) выпускалась еженедельно, как правило, к полдню назначенных суток (встречаются отдельные сводки, выпущенные к 00 час.). При этом полная «Обстановка» включала в себя обычно следующие разделы: Общий очерк деятельности неприятеля за неделю; Охрана торговли и дозоры (Дозорная служба); Активные выступления неприятеля; Воздушная разведка; Передвижения других судов (по районам); Особые замечания. При наличии дополнительной актуальной информации в сводку могли включаться и другие разделы. Документ выходил за подписью Начальника Службы связи контр-адмирала А. И. Непенина, а в копии — заверялся штаб-офицером Оперативного отделения капитаном 1-го ранга М. И. Никольским. На многих экземплярах в правом верхнем углу присутствует круглая печать Оперативного отделения Службы связи¹⁷. Выпускались также ежедневные сводки.

Состав и периодичность выпускавшихся информационных документов в последующем несколько раз изменялись, что было связано в том числе с попытками упорядочить информационную работу на флоте, скоординировав деятельность в этом вопросе Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи и Разведывательного отделения штаба КФБМ.

Важно особо отметить, что А. И. Непенин большое внимание в работе Временного оперативного отделения уделил вопросам представления (отображения) собранной и систематизированной информации об обстановке, ее визуализации. Это нашло отражение в широком использовании различных карт обстановки (общих, суточных, радиопеленгов и др.), создании специальной системы макетов, цветных флажков, карточек и пр. Частично об этом рассказано в статье А. А. Саковича, но в полном объеме эта тема заслуживает отдельного исследования и разработки.

В сентябре 1915 г. А. И. Непенин поставил вопрос об увеличении численности Оперативного отделения на два штаб-офицера. Это изменение было зафиксировано в приказе Главнокоман-

дующего армиями Северного фронта, который утвердил своей властью создание на время войны Временного оперативного отделения в составе 6 штаб-офицеров¹⁸.

Приказом начальника Службы связи № 810 от 10 октября 1915 г. было объявлено распределение обязанностей между офицерами Временного оперативного отделения¹⁹. Этот документ дает исследователям дополнительную информацию об организации отделения и решаемых задачах, в том числе по линии разведки. Так, например, 2-й штаб-офицер отвечал за учет движения неприятельских судов, за ведение книги учета обстановки по портам и базам, за разбор неприятельских позывных и шифров. На 3-го штаб-офицера было возложено ведение кальки дня о движении неприятеля, ведение отчетных калек о движении неприятеля, учет данных радиопеленгования и ведение карты радиопеленгов. Он также отвечал за сбор и учет данных о движении коммерческих судов в Балтийском море. В зону ответственности 5-го штаб-офицера входил учет движения неприятельских подводных лодок, ведение карт протраленных путей и все сношения с подлежащими начальствующими лицами по этому поводу, ведение карт минных заграждений (своих и неприятельских) и другие вопросы. Особую ценность в плане разработки данной темы представляет выявленный в архиве экземпляр этого приказа с листом доведения его под роспись до исполнителей²⁰. Согласно этому документу, по состоянию на октябрь 1915 г. обязанности офицеров Временного оперативного отделения исполняли следующие лица: 1-й штаб-офицер лейтенант А. И. Бенклевский, 2-й штаб-офицер капитан 1-го ранга М. И. Никольский, 3-й штаб-офицер капитан 2-го ранга С. Д. Коптев, 4-й штаб-офицер капитан 2-го ранга М. Н. Алеамбаров, 5-й штаб-офицер генерал-майор флота А. Н. Рыков, 6-й штаб-офицер капитан 1-го ранга В. В. Шельтинга.

За период деятельности Временного оперативного отделения через службу в нем также прошли капитан 2-го ранга С. А. Паскин, старший лейтенант П. В. Тихменев, капитан 1-го ранга Б. А. Вилькицкий, капитан 1-го ранга П. В. Гельмерсен, капитан 2-го ранга А. Н. Гарсоев, старший лейтенант В. А. Меркушев и другие офицеры.

Как отмечалось ранее, создание Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи с возложением на него

определенных разведывательных задач сыграло положительную роль и позволило существенно улучшить качество разведывательного обеспечения действий сил флота. Однако, наряду с этим, оно заложило предпосылки к развитию некоторых негативных процессов, связанных с наличием на Балтийском флоте двух разведывательных центров, дублирующих друг друга по широкому кругу вопросов. Деятельность И. И. Ренгартена и ряда других офицеров штаба КФБМ, направленная на разрешение этой коллизии, представляет самостоятельный исторический интерес в плане дальнейшего исследования. Определенную трудность для исследователей представляет то обстоятельство, что большинство принятых решений по данному вопросу фиксировалось, судя по всему, на уровне устных договоренностей. Однако в фондах РГАВМФ уже сейчас удалось выявить ряд черновых документов, которые могут быть атрибутированы, как имеющие отношение к данному сюжету, что делает его дальнейшую разработку вполне перспективной²¹.

Завершая рассказ об истории создания и функционирования Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи Балтийского моря, уместно привести оценку одного из бывших офицеров Службы связи Е. К. Престина, касающуюся роли Оперативного отделения в вопросах освещения разведывательной обстановки на Балтике: «Скажу без ошибки, что если не вся наша разведка, как ближняя, так и дальняя, то, во всяком случае 90% ее централизовалось и систематизировалось именно тут в оперативной части Службы связи»²².

По мнению специалистов, Временное оперативное отделение при начальнике Службы связи стало, по сути, прообразом всей современной оперативной службы флотов (в вопросах ведения обстановки) и разведывательно-информационных оперативных центров, предвосхитив появление последних в наиболее развитых иностранных флотах (в годы Второй мировой войны) ровно на четверть века. Многие из предложенных и реализованных А. И. Непениным подходов к ведению обстановки на море сохраняют свою актуальность и сейчас.

¹ *Партала М. А., Симонов Д. Н.* Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. Инсайд.

2005. № 1. С. 90–96; *Партала М. А.* Радиоразведка Балтийского флота в Первую мировую войну (К истории создания) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова. СПб., 2005. С. 194–203.

² *Саковиг А.* Радиоразведка на Балтийском театре в войну 1914–18 гг. // Морской сборник. 1931. № 12. С. 46–62.

³ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 164.

⁴ Радиоразведка ВМФ. Краткая история. 1895–1945 гг. / Под ред. Ю. П. Квятковского. М., 1990. 192 с.

⁵ *Белозер В. Н.* Военно-морская разведка России: история создания, становления и развития (1696–1917): дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 384 с.; *Кикнадзе В. Г.* Развитие сил и средств радиоразведки отечественного военно-морского флота в первой половине XX века: Исторический опыт и уроки: дис. ... д. и. н. М., 2014. 432 с.

⁶ *Партала М. А.* Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну: вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-й ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2007. С. 325–337.

⁷ Подробнее, см.: *Биккенин Р. Р., Глуценко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998. 360 с.

⁸ *Партала М. А.* Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915–1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 7-й ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2006. С. 214–222.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 490. Л. 1–22.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 770. Л. 235.

¹¹ Там же. Л. 235 об.

¹² Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199, 200.

¹³ *Престин Е. К.* Организация и деятельность Службы связи Балтийского моря в 1914 и 1915 годах // Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–10.

¹⁴ Там же. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 162.

¹⁵ Там же. Л. 208.

¹⁶ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 490. Л. 27–146.

¹⁷ Там же. Ф. 738. Оп. 1. Д. 324.

¹⁸ Приказ Главнокомандующего армиями Северного фронта № 172 от 27 сентября 1915 г. Объявлен по флоту приказом КФБМ № 1067 от 6 октября 1915 г.

¹⁹ Там же. Ф. 736. Оп. 1. Д. 400. Л. 68–69.

²⁰ Там же. Л. 70.

²¹ См., например: РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 191. Л. 1.

²² Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.

П. В. Петров

**К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ
СОВЕТСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ 1939–1940 ГГ.**

На первый взгляд вопрос о потерях Рабоче-крестьянского Военно-морского флота в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. может показаться не столь уж значительным, принимая во внимание масштабы этих самых потерь. И действительно, на фоне больших безвозвратных потерь Вооруженных Сил СССР в войне (по данным «Книги памяти 1939–1940», они составили 136 240 человек¹), Советский Военно-морской флот понес весьма незначительные потери в ходе боев на Балтике и на Севере. Но, даже принимая во внимание небольшую величину потерь РКВМФ в «Зимней войне», следует указать на малую изученность данного вопроса. В советский период об этом аспекте боевой деятельности Советского Военно-морского флота ничего не говорилось, и лишь в последние 20 лет в статистических исследованиях о потерях Вооруженных Сил СССР появились сведения о людских потерях КБФ в советско-финляндской войне 1939–1940 гг.² Автор данной статьи также приложил определенные усилия к освещению этой темы³. Используя многочисленные документы Российского государственного архива Военно-морского флота, постараемся внести ясность в данный вопрос.

Надводные силы Краснознаменного Балтийского флота за время боевых действий «Зимней войны» понесли незначительные людские и материальные потери. Десантная операция Отряда особого назначения (ООН) КБФ по захвату островов в восточной части Финского залива, проводившаяся в пери-

од с 30 ноября по 3 декабря 1939 года, обошлась потерей всего лишь 1 моторного катера и 1 гребной шлюпки, разбитых штормом 30 ноября. Людских потерь при этом не было. 3 января 1940 г. буксир «КП-5», шедший из Кронштадта с продуктами на остров Гогланд, был затерт льдами и отнесен течением к северу от острова Сейскаари (Сескар). Около 14 ч дня 152-мм финская береговая батарея Торсаари (на о-ве Тиуринсаари) подвергла его обстрелу. От полученных повреждений буксир затонул. На нем погибли 2 человека (капитан и механик). Команда «КП-5» сошла на лед, после чего сильный холод привел к гибели большую ее часть. В результате 12 человек замерзли, а оставшиеся 4 моряка были спасены самолетом «У-2» (один из них затем умер). Таким образом, из числа команды буксира погибли 15 человек. Наконец, 9 января 1940 г., при попытке выхода из Таллинской бухты для дальнейшего перехода в Лиепаю, сторожевой катер «МО-111» был сдавлен льдами и получил пробоину. В результате быстрого поступления воды катер быстро затонул. Экипаж успел покинуть катер⁴. Таким образом, потери Краснознаменного Балтийского флота в корабельном составе были незначительными.

Зато Ладожская военная флотилия (ЛВФ) компенсировала недостаток потерь на Балтике с избытком. На сравнительно небольшом театре военных действий было потеряно сразу три тральщика — ТЩ типа «Ижорец» № 30, 32 и 37 (из них ТЩ № 32 затонул частично) и два сторожевых катера типа «Рыбинский» «Р-413» и «Р-416»⁵. Тральщик № 37 вылетел на камни банки Тайпалеенлуото во время операции 3 декабря 1939 года, после чего с него была снята команда и демонтировано вооружение. Тральщик № 30 получил пробоину в ходе финского артиллерийского обстрела бухты Саунасаари 8 декабря 1939 г., после чего выбросился на берег и затем был разоружен. Наконец, тральщик ТЩ № 32 получил попадание финской авиабомбой в машинное отделение в ходе бомбардировки гавани Саунасаари 29 января 1940 г. и затонул кормовой частью на глубине 4 метра⁶. Сторожевой катер Р-413 1 декабря 1939 г. выскочил на камни при входе в гавань Нижние Никулясы, после чего был разоружен. Наконец, сторожевой катер Р-416 был протаранен тральщиком ТЩ-30 при выходе из гавани Саунасаари и затонул 8 декабря 1939 г.⁷ Личный состав ЛВФ недосчитался 8 человек

убитыми (из них 1 младший командир и 7 рядовых) и 7 человек ранеными (из них 2 младших командира и 5 человек рядового состава)⁸.

Потери подводных сил КБФ оказались весьма существенными: 3 января 1940 г. в проливе Южный Кваркен, возле маяка Меркет, подорвалась на минах, поставленных финским минным заградителем «Лоухи», и затонула подлодка «С-2» капитан-лейтенанта И. А. Соколова. На лодке погиб весь экипаж в составе 50 человек (9 командиров, 1 политработник, 15 младших командиров и 25 краснофлотцев)⁹. Подводная лодка «С-2» стала самым крупным боевым кораблем, погибшим в ходе советско-финляндской войны. (Летом 2009 г. подлодка «С-2» была найдена шведскими водолазами¹⁰.)

Куда более существенными оказались потери Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота. Согласно данным начальника Штаба ВВС флота П. П. Квадэ, за период военных действий авиация КБФ потеряла 104 летчика (40 пилотов, 31 штурман и 33 стрелка-радиста) и 80 самолетов (из них в декабре — 32 самолета, в январе — 17, в феврале — 24 и в марте — 7 самолетов). Распределение потерь по причинам давало следующие результаты: зенитным огнем финской ПВО было сбито 13 самолетов, истребителями противника было уничтожено 12 самолетов, пропали без вести — 9 самолетов, было разбито при взлетах и вынужденных посадках на своих аэродромах, а также по другим причинам — 46 самолетов. Артиллерийским и пулеметным огнем ПВО противника было также повреждено 232 самолета, из них 138 истребителей, 80 бомбардировщиков и 14 разведчиков¹¹. Таким образом, небоевые безвозвратные потери ВВС КБФ составили 57%, что являлось следствием высокой аварийности, которая, в свою очередь, объяснялась низким уровнем боевой подготовки в авиационных частях. Но это были далеко не окончательные данные. В апреле 1940 г. Главный Морской штаб ВМФ уточнил цифру потерь личного состава ВВС КБФ, и они составили 110 погибших и пропавших без вести летчиков¹². (Из них 41 человек погиб в декабре 1939 г., 20 человек — в январе 1940 г., 30 человек — в феврале и 19 человек — в марте 1940 года¹³.)

Проведенное автором уточнение материальных потерь авиации КБФ дает бóльшие цифры: 91 сбитый и разбившийся самолет

(20% от среднемесячной численности ВВС Балтфлота)¹⁴. Из них было потеряно: 17 бомбардировщиков «ДБ-3», 27 бомбардировщиков «СБ», 1 бомбардировщик «Р-6», 6 истребителей «И-16», 18 истребителей «И-15», 5 истребителей «И-153», 12 морских разведчиков «МБР-2» и 5 разведчиков «Р-5»¹⁵. Кроме того, безвозвратные потери личного состава ВВС КБФ за время войны составили 110 человек, из них 62 — убитыми и 48 — пропавшими без вести, а санитарные потери — 45 человек ранеными¹⁶. Как видно из этих неутешительных данных (которые долгое время скрывались¹⁷), одна лишь авиация КБФ понесла бóльшие потери, чем все финские ВВС (их потери составили 74 самолета, из них 68 боевых¹⁸), что говорит лишь об ее неудовлетворительной предвоенной боевой подготовке.

В то же время следует опровергнуть завышенные сведения о потерях ВВС Балтфлота, указанные в книге С. В. Тиркельтауба и С. В. Степакова, — 163 самолета¹⁹. Эта странная цифра получилась из-за смешения указанными авторами совершенно разных категорий потерь — как безвозвратных, так и временных (аварии, поломки), получившегося ввиду явного непонимания последними военной терминологии.

Довольно ощутимыми оказались потери различных соединений и частей береговой обороны и морской пехоты КБФ во время войны. Например, в ходе боевых действий Боевого отряда сопровождения (БОС) КБФ в р-не Муурилы с 13 по 16 февраля 1940 г. потери личного состава отряда достигли 43 человека убитыми, 11 — пропавшими без вести, 176 — ранеными, 59 — легко обмороженными, 6 — тяжело обмороженными и 53 — больными. Всего из 1307 человек личного состава БОС, принимавших участие в этих боях, выбыло из строя 348 человек, то есть 27%²⁰. Или же, во время операции по захвату финского побережья в р-не Ристиниеми-Котка, проходившей 4 марта 1940 года, части Зимней обороны КБФ (1-й, 3-й и 4-й батальоны Отдельной специальной стрелковой бригады, 50-й и 111-й батальоны, особый батальон моряков) потеряли 51 человека убитыми, 149 — ранеными и 108 — обмороженными²¹.

Настало время сказать об общих потерях личного состава, которые понес Краснознаменный Балтийский флот в ходе войны с Финляндией. По предварительным подсчетам, надводные силы флота (Ладожская военная флотилия) потеряли 8 чело-

век убитыми²². Подводные силы КБФ недосчитались 50 человек: 9 командиров, политработника, 15 младших командиров и 25 краснофлотцев, погибших на подводной лодке «С-2». Основная масса потерь пришлась на различные соединения и части морской пехоты флота (Отдельная специальная стрелковая бригада, Береговой отряд сопровождения, Батальон особого назначения и прочие) — 141 убитый и пропавший без вести и на Военно-воздушные силы КБФ — 110 убитых и пропавших без вести. В целом безвозвратные потери Краснознаменного Балтийского флота, по данным Главного Морского штаба ВМФ, составили 308 человек²³ (из которых 153 были убиты или умерли от ран, а 155 пропали без вести) — 93 командира, 5 политработников, 67 младших командиров и 143 краснофлотца. Кроме того, в ходе боев 301 человек получил ранения (50 командиров, 7 политработников, 50 младших командиров и 194 краснофлотца)²⁴.

По другим данным, безвозвратные потери Краснознаменного Балтийского флота составили 309 человек (93 командира, 72 младших командира и 144 краснофлотца), а санитарные потери — 1291 человек (301 раненый и контуженый, 845 заболевших и 145 обмороженных). Общие потери Балтийского флота достигли 1600 человек²⁵.

Впрочем, эти цифры не являются окончательными. Согласно уточненным архивным данным, безвозвратные потери Краснознаменного Балтийского флота в ходе советско-финляндской войны составили 323 человека убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Из них Военно-воздушные силы КБФ потеряли 110 человек, подводные силы — 50 человек (экипаж подлодки «С-2»), Береговой отряд сопровождения — 67 человек, Особая специальная стрелковая бригада — 33 человека, Особый лыжный отряд — 21 человек, Батальон особого назначения — 6 человек, Островной укрепленный район — 13 человек, Ладожская военная флотилия — 8 человек и вольнонаемный состав КБФ (с буксира «КП-5») — 15 человек²⁶. Если учесть, что среднемесячный состав КБФ равнялся более чем 60 тысячам матросов и офицеров, то потери составили 2,6% от общей численности.

Еще более запутанным является вопрос о потерях личного состава Северного флота в ходе советско-финляндской войны, которым никто специально не занимался. В некоторых авторитетных трудах даже появились неверные утверждения о том,

что СФ в ходе войны не понес потерь²⁷. Что касается материальных потерь флота, то и этот вопрос представляется также весьма малоизученным.

В начале декабря 1939 г. из состава стрелковых частей Мурманского укрепрайона (МУР) был выделен пулеметный взвод из состава отдельной пулеметной роты (ОПР) в количестве 15 бойцов, который принимал активное участие в операции Северного флота по захвату Петсамо. 1 декабря взвод на мотоботах первым вошел в Петсамский залив и совместно с другими частями СФ обеспечивал занятие финского порта Лиинахамари. При этом один боец-пулеметчик ОПР пропал без вести²⁸ (командование Охраны водного района СФ предполагало, что он упал с бота в море и утонул).

26 января 1940 г. Северный флот понес потери в корабельном составе. Сторожевой корабль «Бриз», возвращавшийся в базу после проводки транспортов, в 20 ч 09 мин был выброшен 11-балльным штормом на камни в р-не мыса Сеть-Наволок. Причиной катастрофы были ошибка штурмана в расчетах и очень сильный снегопад, из-за которого не были видны огни маяков²⁹. Положение корабля быстро ухудшалось, и в 21 ч 50 мин СКР переломился. Через 8 минут нос корабля окончательно оторвался и вместе с людьми стал уходить под воду. Спустя некоторое время командир Бригады подлодок СФ доложил, что СКР «Бриз» выбросило на берег, в р-не батареи № 1 Мурманского укрепрайона. Из воды виднелись мачта и часть мостика корабля. Из-за крупной зыби и ветра в 5–6 баллов подойти на буксире к затонувшему «Бризу» и организовать спасение членов экипажа было невозможно³⁰. Всего, по данным командования СФ, на сторожевом корабле «Бриз» погибло 38 человек³¹. (Характерно, что даже в таком авторитетном труде, как «Боевая летопись ВМФ 1917–1941», о гибели СКР «Бриз» ничего не говорится³².)

Потери в материальной части понесли также и Военно-воздушные силы Северного флота. Помимо имевшегося к началу войны на Севере 118-го разведывательного авиаполка, 23 декабря 1939 г. приказом № 00200 наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова было объявлено о формировании 72-го авиаполка ВВС СФ. С начала января 1940 г., в соответствии с приказом, Штаб Северного флота приступил к формированию 72-го АП и 30-й авиабазы с базированием на Ваенгу. Из состава ВВС Белорус-

ского особого военного округа, для создаваемого соединения были переданы 2 эскадрильи истребителей «И-15бис» (2-я АЭ 15-го ИАП и 4-я ОИАЭ) в составе 30 самолетов и эскадрилья бомбардировщиков «СБ» (из 39-го СБАП) в составе 7 самолетов. Официально все три эскадрильи вошли в состав Северного флота лишь 13 февраля 1940 г.³³

В отличие от обеих эскадрилий «И-15», которые были отправлены поездом, эскадрилья бомбардировщиков «СБ» из 39-го авиаполка прибыла на Северный флот летом. Перелёт происходил в исключительно тяжелых метеорологических условиях, при частых снежных зарядях. На пути с промежуточного аэродрома эскадрилья «СБ» напоролась на звено финских истребителей. В ходе воздушного боя один «СБ» (командира АЭ капитана Легейды) был подбит истребителями противника и совершил вынужденную посадку. Штурман бомбардировщика капитан Гомануха выпрыгнул с парашютом. К счастью, и сам командир АЭ Легейда, и его штурман Гомануха успешно добрались до расположения одной из частей Красной армии. Но на этом злоключения эскадрильи «СБ» отнюдь не закончились. 4 самолета, потеряв ориентировку вследствие тяжелых метеорологических условий, разбились. В итоге эскадрилья «СБ» понесла очень тяжелые потери за время перелета — 5 из 7 самолетов. Было принято решение о полном восстановлении эскадрильи «СБ». К 29 февраля 1940 г. формирование 72-го авиаполка было завершено³⁴.

Очень значительными оказались небоевые потери авиации Северного флота. 14 января 1940 г. на аэродроме в губе Грязная произошел сильный пожар, во время которого дотла сгорел ангар и находившиеся в нем 14 самолетов «МБР-2» 118-го авиаполка. Еще два «МБР-2», стоявшие близ ангара, тоже были повреждены огнем. Один из них потерял руль поворота, а второй обгорел настолько основательно, что потребовал серьезного ремонта. Причинами пожара были использование нестандартно оборудованной переносной электролампы и нарушение мер противопожарной безопасности при ремонте самолета. Военной прокуратурой Северного флота в ходе проведенного расследования был арестован авиатехник Н. А. Ахматов и еще несколько человек из числа обслуживающего персонала аэродрома³⁵.

Помимо этого, достаточно часто происходили серьезные аварии, приводившие к серьезным повреждениям или потерям самолетов. Например, 2 декабря 1939 г. один «МБР-2» при разбеге наскочил на плавающее бревно и пробил себе днище, а другой гидросамолет перед спуском на воду, от удара о трактор, получил повреждение фанерной обшивки. 2 марта 1940 г., при посадке «МБР-2» летчика А. И. Шишова на сухопутный аэродром Ваенга, самолет задел левой лыжей за снежный вал. От удара «МБР-2» сломал лыжу и получил значительные повреждения, потребовавшие заводского ремонта. Сам летчик не пострадал³⁶. 6 марта 1940 г., при проведении тренировочного полета, был серьезно поврежден самолет «МБР-2»³⁷. 10 февраля, в 12 км от Кеми, на льду Белого моря, произошла авария с самолетом 118-го АП «У-2», пилотируемым летчиком Соловьёвым. Попав в густой туман, пилот не справился с управлением и «завалился». В итоге самолет был разбит и ремонту не подлежал, а сам летчик получил легкие ушибы³⁸. В 72-м смешанном авиаполку также имели место аварии. 18 января 1940 г. летчик 1-й авиаэскадрильи А. В. Жданов при взлете не справился с управлением. В результате истребитель «И-15» (№ 5571) в конце летного поля врезался в деревянную будку и скапотировал. Самолёт был разбит, а летчик остался невредим³⁹.

Всего на Северном флоте был безвозвратно потерян 21 самолет: 5 бомбардировщиков «СБ», 14 морских разведчиков «МБР-2», 1 истребитель «И-15» и 1 учебный самолет «У-2». Важно отметить, что подавляющая часть самолетов (20 единиц) была потеряна по небоевым причинам, что лишний раз свидетельствует о невысокой предвоенной выучке личного состава частей морской авиации.

Итак, безвозвратные потери Северного флота составили 39 человек: боец-пулеметчик из состава Отдельной пулеметной роты Мурманского укрепрайона и 38 человек команды сторожевого корабля «Бриз». Конечно же, данные потери весьма невелики, но игнорировать их в статистических трудах вовсе не следует.

Подводя итог сказанному, можно прийти к выводу, что безвозвратные потери Советского Военно-морского флота в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. составили 362 человека (323 человека — на КБФ и 39 человек — на СФ). Конечно же, эта

цифра не может идти ни в какое сравнение с огромными потерями Красной армии в ходе войны, но и забывать о понесенных ВМФ потерях будет несправедливо. Флот внес достойный вклад в общую победу над противником, надежно обеспечив приморские фланги действующей армии на протяжении боевых действий.

¹ Интернет-ресурс: <http://old.v-ipc.ru/docs/fin.asp>

² Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 120–121. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 210.

³ *Петров П. В., Степаков В. Н., Фролов Д. Д.* Война в Заполярье 1939–1940 гг. Хельсинки, 2002. С. 38, 66–67, 69; *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008. С. 321–322, 325, 336, 338–339, 415–431.

⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 103; Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 94. Л. 166, 171–172, 186.

⁵ Там же. Ф. Р-92. Оп. 4. Д. 130. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 7–8, 12, 18–19.

⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 559. Л. 103; Оп. 4. Д. 130. Л. 2; Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 4, 12.

⁸ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 588. Л. 125.

⁹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 583. Л. 1–3; Suomen laivasto 1918–1968. Os. 1. Helsinki, 1968. S. 263.

¹⁰ Интернет-ресурс: http://www.divetravels.ru/Pages/Facts/The_Soviet_submarine_%D0%A1-2_is_found.aspx

¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 161. Л. 14; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 615. Л. 30. Д. 629. Л. 25–28.

¹² Там же. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 234. Л. 25.

¹³ *Петров П. В.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005. Приложение № 3.

¹⁴ *Петров П. В.* Потери ВВС КБФ в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Тайфун. 2000. № 11. С. 18–19, 47–49; *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008. С. 336, 415–431; РГАВМФ. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 161. Л. 1–13; Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 164. Л. 9–10, 11–12, 14–15.

¹⁵ *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. С. 336, 431; РГАВМФ. Ф. Р-62. Оп. 2. Д. 161. Л. 1–13; Ф. Р-61. Оп. 2. Д. 164. Л. 9–10, 11–12, 14–15.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 234. Л. 25.

¹⁷ Во многих отечественных трудах указывалось лишь число самолетов ВВС КБФ, сбитых финскими истребителями (12 самолетов). См.: Боевая летопись Военно-морского флота 1917–1941. М., 1993. С. 646.

¹⁸ *Keskinen K., Stenman K.* Ilmavoimat talvisodassa: The Finnish Air Force in the Winter War. Helsinki-Jyvaskyla, 1989. S. 152–153, 159.

¹⁹ *Степаков В. Н., Туркельтауб С. В.* Против Финляндии. Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб., 2000. С. 14, 47.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 596. Л. 166; Д. 516. Л. 60; Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 164. Л. 182–183; Д. 165. Л. 287–288.

²¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 500. Л. 284.

²² Там же. Д. 588. Л. 125; Ф. Р-952. Оп. 2. Д. 25. Л. 41.

²³ Там же. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 234. Л. 24–25.

²⁴ Там же. Л. 24–25.

²⁵ Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. С. 120–121; Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование. С. 210; РГА ВМФ. Ф. Р-313. Оп. 3. Д. 14. Л. 79.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 24. Д. 494. Л. 22–32, 44, 47–48; Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 234. Л. 24–25.

²⁷ Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил. Статистическое исследование. С. 207.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 73. Л. 42.

²⁹ *Платонов В. И.* Записки адмирала. М., 1991. С. 114.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 73. Л. 128–129; Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 2. М., 1946. С. 41.

³¹ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 164. Л. 79.

³² Боевая летопись Военно-морского флота 1917–1941. С. 655.

³³ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 69. Л. 259. Д. 133. Л. 131.

³⁴ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 2. С. 38–39; РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 99. Л. 10.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-971. Оп. 2. Д. 76. Л. 12.

³⁶ Там же. Л. 64.

³⁷ Там же. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 73. Л. 197.

³⁸ Там же. Ф. Р-971. Оп. 2. Д. 76. Л. 153.

³⁹ Там же. Л. 21, 34.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ
И ОЦЕНКИ**

В. Е. Возгрин

СТАНОВЛЕНИЕ ДАТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР*

Древнейшие правовые памятники Датского королевства относятся к XIII в., более старые не сохранились. Но и те, что дошли до нас (имеются в виду судебники), отражают областное, а не общегосударственное право. Хотя уже в X в. начало складываться централизованное государство, а в XI в. уже существовал единый аппарат управления. Первым общедатским правовым кодексом стало Ютландское право (Jyske Lov), составленное в правление Вальдемара II Победоносного (1202–1241) на основе упомянутых памятников локального, областного права. В нем утверждается порядок престолонаследия и законность власти короля, обязанности и права сословий, перечислены привилегии дворян, определена структура налоговой системы. В Ютландском праве заметно сильное влияние канонического права, многие определения заимствованы из средневековой церковной литературы. Некоторая часть таких заимствований восходит к Исидору Севильскому (ок. 560–636)¹.

Несмотря на то что впоследствии в Дании появились другие кодексы, сменившие Ютландский закон, в отдельных областях бывшего королевства Вальдемара II он сохранил свое значение на протяжении немалого времени. Возможно, причина здесь кроется в самом тексте кодекса. Законы изложены с глубоким

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

пониманием предмета и великолепной юридической эрудицией, а статьи выстроены в логической последовательности. О том, что Ютландскому закону отдавали должное многие поколения датчан, свидетельствуют следующие факты: в герцогстве Шлезвиг он сохранял свою силу до 1 января 1900 г., а в Южном Шлезвиге некоторые из его положений действительны до сих пор, как и в Южной Ютландии (например, береговое право).

После создания шедевра эпохи Вальдемара II в истории государственно-правового творчества Дании наступил длительный перерыв. Лишь король Кристиан II (1513–1523) подготовил два уложения — Городское (Bylov) и Земское (Landlov), в которых содержались важные и для своего времени демократические достижения. Устоявшаяся в городах Северной Европы система самокооптации членов городского совета была первым из названных уложений заменена выборным началом, что делало участие бюргеров в управлении более широким. Здесь же король выступил против одного из положений Ютландского закона, отменив береговое право. В Земском уложении Кристиан II пошел еще дальше, запретив продавать крепостных крестьян и разрешив им выкупаться на волю. При этом король ввел норму отработок в жесткие рамки. Однако бурная политическая жизнь Кристиана II и катастрофическое его падение не позволили ему ввести ни одно из уложений в практику — за исключением отдельных законоположений.

После Кристиана II его наследники на датском престоле долго не предпринимали попыток упорядочения основных законов королевства — вплоть до установления абсолютистского режима. Такого рода власть датского монарха над его подданными стала фактом в 1660 г., что было официально утверждено через 5 лет изданием Королевского закона (Kongeloven) — сводом положений, среди которых встречаем следующее: «Самодержавный, наследственный король Дании — Норвегии должен почитаться всеми подданными как высший и единственный на земле глава, стоящий над всеми человеческими законами, и никакого другого главы или судии в духовных или светских делах нет над ним, кроме Бога»². И это установление не оставалось благим пожеланием датских королей самим себе — с годами оно становилось все более очевидной реальностью. И уже через век-полтора непреложность и высшая справедливость

Королевского закона стали для подданных монарха столь же естественным и искренним убеждением, как вера в Бога.

В XVIII в. Дания считалась едва ли не самой абсолютистской державой в Европе; власть монарха была почти тоталитарной. Английский дипломат лорд Чарьер высказал в 1720 г. свое мнение на этот счет следующим образом: «Абсолютизм суверена зашел в Дании куда дальше, чем во Франции. На этом здесь строится вся политика, а сумасшедшая страсть, с которой эта ситуация поддерживается, неописуемо велика». Королевская власть рассматривается правящим домом как «драгоценное и безупречное сокровище», и как таковая она должна «сохраняться незыблемо и во всей своей полноте»³.

Убеждение, весьма традиционное для Ольденбургов на закате этой династии⁴, приняло в XIX в. психологически труднообъяснимые черты. Короли постоянно опасались своей аристократии, подозревая ее в замыслах, касавшихся захвата высшей власти, хотя причин к этому, особенно после решительного укрепления абсолютизма в 1660 г., не было никаких. Другими словами, это была тревога, схожая с фантомной болью, но она имела вполне реальные следствия. Датские короли предпочитали опираться на «новое дворянство» или на иностранцев: и те и другие целиком зависели от монарха, будучи обязаны ему своим возвышением. Существовало даже негласное положение о том, что в высшем административном органе державы, Канцелярии, не должно было служить более одного чиновника датского или голштинского происхождения. Хотя опасаться монархам следовало не отесненной от центральных политических ролей старой элиты, а группировок, принадлежащих к нарождающейся буржуазии или интеллигенции, увлеченной идеалами Просвещения. Наконец, еще одной ахиллесовой пятой датского абсолютизма были отношения монархов с помещиками (годсерами), чьи интересы чем дальше, тем больше расходились с государственным резонансом.

Конечно, в век Просвещения Дания не могла оставаться в стороне от этого идейного течения, оставившего глубокие следы в истории ее социального, духовного и культурного развития⁵, что нашло отражение в деятельности всемогущего временщика И. Ф. Струэнзе (1737–1772) и его единомышленников, называвших себя «друзьями реформ»⁶. Они подвергали суровой критике устаревшие хозяйственно-экономические и социальные модели,

возлагая все надежды национального развития на третье сословие. Однако Струэнзе и его кружок оставались кабинетными реформаторами или «реформаторами письменного стола», как их называли современники⁷. Поэтому его фактическое правление почти не оставило по себе следов, тем более что в 1784 г. произошел так называемый «переворот Гульдберга», ставившего себе целью возврат к старой правительственной системе и уничтожение всех достижений Струэнзе, какими бы скромными они ни были.

Но объективный процесс либерализации в политической и, прежде всего, в социальной и экономической жизни, запущенный временщиком, нашел свое продолжение после его гибели в известном освобождении социально-политической деятельности, а также в реформах сельской экономики и социальных устоев датского села. Правительство 1784 г. активно помогало развитию аграрного сектора и торговли (постройка Кильского канала) и, что важнее, не мешало медленному, но стабильному движению общества по направлению к духовному и социальному освобождению. Поэтому глубоко верно замечание одного из датских историков относительно того, что будущая, «июньская Конституция 1848 г. лишь закрепила успехи либерализации датского общества», достигнутые за предшествовавшие полвека, «отчего и абсолютизм на последнем этапе своего существования был столь мягок, а переход к новому [строю] — столь спокоен и гармоничен»⁸. И именно с 1784 г. датское общество твердо стало на путь экономического и социального реформирования в либеральном направлении — но лишь отчасти в политическом отношении. Новые люди при всей их реформаторской настроенности сочли бы абсурдной саму мысль об изменении формы верховной власти или о возможности доступа более или менее широких масс к управлению экономикой. Но при этом они сочувствовали беднейшим слоям населения и стремились помочь им посредством бесспорно гуманных постановлений и законов. Так, выделявшимся из общины крестьянам казна оказывала чувствительную помощь в размере 50–100 ригсдалеров на двор⁹; были смягчены наказания за маловажные проступки, практически ликвидировалась смертная казнь — и с датских холмов впервые со времен Средневековья исчезли стационарные виселицы¹⁰. В то же время имели место и реакционные нововведения. Правящий дом с начала 1790-х гг. заметно раздражала столичная пресса. В ней

не только велись дискуссии об альтернативных формах правления, но и встречались сомнения в божественности Святого Писания и нападки на пасторов как на «духовных тиранов». Наконец, в 1797 г. была создана правительственная Комиссия по делам печати, которая подготовила законопроект, принятый в 1799 г. Отныне все печатные издания перед распространением должны были предъявляться полицеймейстеру для цензурирования их. Кроме того, ранее свободная издательская деятельность была ограничена введением королевских лицензий¹¹.

Большое значение получил Закон 20 июня 1788 г. о барщине. Он ее не отменял, но вводил в четкие рамки — ранее определение нормы отработок зависело от помещичьего произвола. Теперь правительство обратилось к помещикам и их крестьянам с предложением совместно определить эту норму с учетом плодородия почвы, близости рынка и т. д. Достижение такого соглашения по всей стране заняло несколько лет, зато в 1799 г. оно было утверждено на вечные времена. Не менее важной была статья закона 1788 г. об отмене военно-приписной системы, которая ограничивала крестьян в выборе и смене места жительства. Кроме того, военно-приписная система фактически привязывала крестьян-фестеров к хозяину, отчего они по праву считали себя полукрепостными¹². Теперь помещики утратили важную привилегию в виде права на набор рекрутов, что они ранее использовали как метод устрашения и подчинения крестьян¹³.

Из предпосылок для первой свободной, то есть ограничивающей власть короля, конституции следует, прежде всего, назвать Великие сельские реформы (Store Landboreformer) конца XVIII в. Их результатом стал начавшийся переход от модели помещичьего сельского хозяйства к экономике, основой развития которой стала преобладающая масса новых крестьян-собственников. К 1818 г. в островной части королевства им принадлежала уже половина дворов; на Ютландском же полуострове фестеров осталось к этому времени всего несколько процентов¹⁴. Эти результаты реформ имели огромное значение для повышения доходности аграрного производства благодаря интенсификации сельского хозяйства в целом. Уже к 1800 г. урожаи зерновых и поголовье скота увеличились вдвое, заметно ускорился и рост населения¹⁵. Собственники, в отличие от полукрепостных фестеров-держателей, могли совершенно свободно выбирать сель-

скохозяйственные культуры, модель севооборота и т. д., то есть планировать свою деятельность в соответствии с требованиями европейского рынка. После всеобщего кризиса сбыта 1820-х гг., с 1840-х гг. начинается подъем цен на хлеб, а в 1840-х — вызванный им рост аграрного производства и сбыта¹⁶.

Увеличивавшиеся доходы от продажи зерна стали среди прочего основой перехода крестьян от натуральной к денежной экономике. Повсеместной стала сложная плодопеременная система, велась мелиорация переувлажненных неудобий и болот, мергелевание кислых почв, поднималась целина (главным образом на ютландских пустошах). На смену сельскохозяйственным орудиям ремесленного происхождения пришла фабричная продукция, что не только интенсифицировало аграрное производство — все более широкий спрос на нее стал в 1840-х гг. причиной зарождения и быстрого развития национальной индустрии.

В ногу с этим процессом шли психологические перемены в сознании крестьянства и бюргерства, остававшихся в экономической зависимости — в городе от промышленников, на селе от годсеров-помещиков. Поэтому росло стремление основной массы населения к полной самостоятельности, к повышению своего культурного уровня через образование. Следует признать, что правительство шло навстречу этим желаниям — с 1814 г. было введено всеобщее 7-летнее образование, в том числе и для девочек. На селе росла грамотность, и уже в середине XIX в. процент неграмотных датчан стал одним из самых низких в мире¹⁷.

Но гораздо раньше результаты школьной реформы сказались в области менявшейся этнопсихологии. В 1830-х гг. в датском городе и селе значительно расширилась и впервые в истории страны стала массовой тяга к экономическому, национальному, конфессиональному самоопределению. И в этом отношении государственная власть также шла навстречу новым веяниям, желанию сельских и городских масс участвовать в принятии решений, которые касались их не только напрямую — речь шла о политическом сотрудничестве в масштабах нации. Расширились демократические права локальных и центральных сословных собраний. Они получали возможность доводить свое мнение до сведения правительства — пока в рамках совещательной правовой системы. Впрочем, некоторые исследователи утверждают, что в отдельных случаях этим собраниям могла делегироваться и законодательная функция¹⁸.

Однако у этого процесса имелись и противники в лице консервативно настроенных кругов города и села. В традиционном статичном городском обществе ремесло и торговля были защищены цеховым законодательством, системой привилегий (лицензий), а вне города некоторые виды занятий были с давних пор запрещены. Однако под влиянием общеевропейских либеральных идей росло недовольство такими ограничениями. Немногочисленный поначалу круг датских либералов все более заметно поддерживался динамичной частью бюргерства, начавшей организовываться. Так в 1838 г. был создан Промышленный союз (Industriforeningen). Впрочем, в противовес ему сторонники сохранения цеховых уставов и привилегий образовали свой Ремесленный союз (Haandværkerforeningen). Это движение перекинулось и на деревню, где в 1840-х гг. крестьяне стали создавать сеть Сельских союзов (Landboforeninger), целью которых был выход беднейших и среднезажиточных хозяев из экономической зависимости от господ. Более общие цели ставили себе упоминавшиеся сословные собрания. В мае 1839 г. правительством было принято постановление об образовании четырех таких собраний (для материковой части королевства, островов, Шлезвига и Гольштейна). Их задачей стала разработка новых предложений правительству по реформированию гражданских и имущественных прав подданных, по налогам и общественным сборам¹⁹.

Демократия сословных собраний была пока весьма ограниченной. Их сессии происходили лишь раз в два года. При этом выборы в состав собраний были непрямыми, а выборщики должны были обладать значительным имуществом. Таким образом, члены собраний избирались лишь тремя процентами населения (в столице — полутора процентами). Зато при выборах не играло никакой роли дворянское происхождение, как это имело место, например, в Пруссии. Показательно, что в первый состав собраний попали даже ремесленники. Но еще важнее был тот факт, что среди их членов оказались опытные политики, умевшие профессионально направлять дискуссии к конструктивным решениям. Как говорилось выше, собрания имели только совещательные prerogatives по отношению к абсолютной королевской власти, да и то лишь во внутренних делах. Проблемы внешней политики, обороны государства и т. п. не входили в их компетенцию²⁰.

Но значение собраний не стоит преуменьшать — это была теплица, в которой давали всходы ростки демократических институтов и традиций будущего. Важно, что члены собраний были свободны в выборе предмета обсуждений и дебатов. Наиболее часто здесь дискутировались проблемы уравнивания налогов, отмены барщины и остатков крепостной зависимости, мероприятия по продолжению Великих аграрных реформ конца XVIII в. Заключение, которые при этом вырабатывались, имели свою трибуну. Они быстро становились достоянием широкой общественности, так как печатались в собственных ведомостях сословий, откуда нередко переходили в многотиражные газеты. И именно благодаря деятельности сословных собраний в 1840-х гг. в датской деревне впервые в ее истории сложилось свое общественное мнение²¹.

Такая ситуация не представляла опасности для абсолютистского режима, но она создавала для него чисто психологический дискомфорт. Поэтому правительство Кристиана VIII (1839–1848) оказывало на сословные собрания давление, их лидеров арестовывали, заключали в тюрьму, ведомости сословий жестко цензурировались. Но, демонстрируя таким образом свою самодержавную власть, король многое терял в глазах подданных, ранее, в общем-то, ему традиционно лояльных и даже преданных. Этот процесс начавшегося внутреннего распада столь стройной ранее абсолютистской системы ни для кого не был секретом — и менее всего для короля. Однако в силу своих внутренних качеств, своей психологии²², он не мог поступать иначе, несмотря на то что наиболее прозорливые представители датской аристократии настойчиво, но тщетно советовали ему сменить свою политику на более либеральную — в духе Просвещения²³. По-видимому, он был убежден в истинности классического тезиса «Система абсолютной власти больше всего подвержена опасности именно тогда, когда она пытается соответствовать духу времени»²⁴.

Более близкими этому духу оказывались массы. Происходило нечто в датской истории неслыханное — традиционно чуждые друг другу город и село стали объединяться в общей борьбе против режима. Городские ремесленники находили поддержку у хозяев из близлежащих сел, а требования тех и других принимали отточенную форму под пером либерально настроенной интеллигенции («академиков», как их называли в Дании), попутно борющейся и за собственные свободы. В 1846 г. либералы города

и крестьяне, требовавшие социальных перемен, создали (по инициативе первых) Общество друзей крестьян (Bondevennernes Selskab), сыгравшее впоследствии значительную роль в совершенствовании датской Конституции. У него имелась, в отличие от других социально-политических группировок, своя четкая программа: введение всеобщей воинской повинности, отмена барщины, передача земли в наследственную собственность фестерам и т. д.²⁵ То есть в целом они стояли за социальное и политическое равноправие крестьян по отношению к другим слоям населения.

После смерти Кристиана VIII (1848) и последовавших конституционных преобразований «друзья крестьян» активно включились в политическую жизнь и за полтора года добились впечатляющих успехов, проявив такую творческую энергию и организационную зрелость, что обошли в своей многосторонней деятельности остальные политические группировки. Велика их заслуга и в конституционном строительстве. После того как 28 января 1848 г. было официально гарантировано дарование стране свободной Конституции, они буквально за две недели подготовили для короля адрес с 7000 подписями их сторонников из 89 согнов, где требовали создания комиссии для решения назревших сельских проблем. А когда в марте абсолютистский режим рухнул, они сделали следующий решающий шаг, настаивая на всеобщем и равном участии в выборах в Законодательное собрание и представив уже готовый список кандидатов из 43 округов островной части королевства (всего их насчитывалось 53). А уже после принятия Конституции, на первых выборах в фолькетинг (1849) они, опираясь и на своих ютландских сторонников, провели в эту палату своих кандидатов (33 из 46), добившись в ней большинства²⁶.

Путь к такой впечатляющей победе был непрост. Задача предвыборной агитации осложнялась тем, что среди взрослого населения все еще было довольно много неграмотных, да и печать в те годы была дорога. Поэтому «друзья крестьян» сделали ставку на личные контакты с избирателями, опираясь на свои отделения на местах. Этот метод не только расширял возможности устной агитации путем психологического убеждения. Он содействовал установлению обратной связи, благодаря чему правление Общества получало информацию о менявшихся настроениях избирателей из самых дальних округов. Это позволяло оперативно

совершенствовать содержание пропаганды, а также вербовать сторонников из числа наиболее активных хусманов-домовников и батраков, объединяя их в избирательные комитеты. Использовали «друзья крестьян» и такие организационные формы работы с населением, как создание обществ страхования от пожаров, сберегательных и кредитных касс и т. д. Эти институты не только были объективно полезны для крестьян, но и выводили их из-под влияния годсеров, торговцев, местных чиновников и других политических противников Общества. Таким образом, сложилась настоящая школа, готовившая активистов и рядовых сторонников будущего местного самоуправления.

Но «друзья крестьян» вели не только созидательную, но и наступательную политику. Уже на первом съезде Общества, состоявшемся в г. Рингстеде в 1846 г., его членами было принято обязательство в будущем отдавать свои голоса только сторонникам свободной конституции, борясь с консерваторами и вовлекая в эту борьбу широкие круги крестьянства²⁷. И это решение сразу же было им широко распространено среди жителей города и деревни. То есть они добились сотрудничества бюргеров и крестьян, ранее немыслимого не столько по экономическим причинам (им нечего было делить, не в чем конкурировать), сколько по известному психологическому противостоянию города и села. А это, в свою очередь, сделало возможными и успешными массовые политические выступления 1848 г., самым мощным из которых стала мартовская демонстрация горожан и жителей села²⁸.

Всеобщее избирательное право являлось одной из приоритетных задач Общества, но именно его неуступчивость в этом вопросе оттолкнула от него либералов. И они вышли из рядов «друзей крестьян», образовав собственную группировку, впоследствии занявшую срединное положение между Обществом (позднее демократической народной левой партией Венстре) и консерваторами. Основным противоречием в этом размежевании стало уважение либералами частной собственности (в том числе и помещичьей), к которой «друзья крестьян» относились несколько нигилистически, перенося на земельную проблему политический принцип равноправия. То есть идею «справедливого» разделения земель между всеми сельскими жителями. Свою роль сыграло и чисто психологическое отчуждение, возникавшее между высокообразованной либеральной интеллигенцией и ос-

новой массой членов и сторонников Общества друзей крестьян, среди которых было немало полуграмотных пожилых людей.

Имелись и другие противоречия, также психологического плана, отделявшие либералов от народа — такое, например, как упоминавшееся взаимное неприятие города и деревни. И хотя «друзья народа» и либералы были едины во время борьбы за конституцию, первые выборы прошли под знаком конфронтации. Доходило до драк между горожанами и крестьянами, которые приходили в город голосовать за «своих», возникали настоящие волнения. В результате, когда в 1848 г. в Копенгагене и Орхусе наметился подъем радикального крестьянского движения, оно попало между двумя жерновами — городским и правительственным — и было задушено. Но все же самая высокая стена между этими группами населения воздвиглась, повторяем, в плане различий в воспитании и образованности.

Ядро группировки либералов составляли люди с высшим образованием, которые были в курсе всех новейших идей и политических веяний в Европе, чувствуя себя — и только себя — достаточно квалифицированными для того, чтобы быть у власти и нести за это ответственность. Поэтому они считали себя вправе представлять весь народ. Но именно эта квалификация отдаляла их от народа, который им не доверял, не видя в них национальных вождей даже в потенции. В отличие от «друзей народа», они были чужими даже чисто психологически, хотя нередко были преданы общему делу. Приведем пример: в 1855 г. на выборах в ландстаг крестьянские выборщики провалили кандидатуру графа А. В. Мольтке. Это был человек, обладавший огромными заслугами перед движением за свободную конституцию, который в 1848 г. много сделал для того, чтобы облегчить переход от абсолютной монархии к конституционной. Но теперь вместо него избрали потомственного фестера, хотя знали, что граф, человек безукоризненной частности, составил бы гордость любой партии. Либеральная «Дагбладет» писала по этому случаю: «Свобода, когда ею злоупотребляют на выборах, представляет собой большую опасность, чем Мольтке, если бы его избрали в ригсдаг, пусть даже он голосовал бы против ваших и наших пожеланий»²⁹.

Политика короля и правительства 1840-х гг. по отношению к важнейшим внутренним проблемам была характерна своей непоследовательностью, объяснить которую можно также

только психологическими причинами — в социальной и экономической сфере за это двадцатилетие каких-то метаморфоз не отмечено. И именно на психологию масс оказали свое воздействие известные события в Европе революционного 1848 г. Известие о Французской революции в феврале этого года прежде всего раздули тлевшую национальную проблему в герцогствах. Германская шлезвиг-голштейнская либеральная буржуазия, поддерживавшая герцогский дом в его стремлении к большей независимости от короны, столкнулась с обострившейся проблемой датско-немецкого двуязычия, точнее, с требованием местных датчан равноправия их языка с немецким во всех областях административной, культурной и бытовой практики.

Второй, еще более важной для королевской власти проблемой стал упоминавшийся подъем движения за свободную конституцию. Он был, бесспорно, вызван воздействием событий во Франции на позицию датских либералов. И это воздействие было также чисто психологическим, так как они не имели никаких политических контактов с идеологами и практиками революционного Парижа. Не говоря уже о том, что эта датская группировка выдвинула собственную программу единого государства, включая герцогства, после чего они стали называться национал-либералами.

Но подъему конституционного движения 1848 г. имелась и своя, чисто датская причина. Ради объективности следует признать, что перед Кристианом VIII стояла неразрешимая задача. С одной стороны, он должен был дать народу свободную Конституцию, а герцогствам — право на национальное самоопределение (и то и другое было бы в духе времени), а с другой — сохранить единство древней державы всей властью абсолютного монарха. Он умер (январь 1848 г.), не решив этой задачи, а его преемник Фредерик VII (1848–1863) пошел на более решительные действия, впрочем вызванные внешними обстоятельствами.

В феврале 1848 г. правительственные круги герцогств решили направить в Копенгаген делегацию с требованием свободной Конституции для Шлезвиг-Голштейна и принятия Шлезвига в Германский союз. Делегация была еще на пути в датскую столицу, когда там состоялась многотысячная демонстрация, пришедшая к дворцу и потребовавшая от нового короля свободной Конституции. Некоторые историки утверждают даже, что созрела «предреволюционная ситуация»³⁰. Но до столкно-

вений дело не дошло — очевидно, оттого, что Государственный совет благоразумно распустил королевский совет министров (19–20 марта), что означало конец абсолютной монархии, павшей в результате этой бескровной революции. А через два дня был образован новый совет министров, в который вошли сразу три лидера либерального движения (Орла Леман, Д. Г. Монрад и Л. Н. Видт), да и возглавил его граф А. В. Мольтке, известный своими вольнолюбивыми взглядами. В датской историографии это правительство получило название Мартовского.

Делегация от герцогств была еще на пути в Копенгаген, а в Голштейне начались волнения — там перемены в столице были восприняты как государственный переворот, направленный против короля и законного правительства. А когда новое правительство отклонило требования делегации, в герцогствах началось восстание против датской власти. В Киле было образовано Временное правительство, тут же признанное Германским союзом, направившим в его поддержку прусские войска. Поэтому первой акцией Мартовского правительства была всеобщая мобилизация³¹ и выдвижение армии на юг Ютландского полуострова. В апреле датчане потерпели от превосходящих немецко-герцогских сил поражение, после чего Ютландия была оккупирована противником вплоть до Орхуса. Эта война шла с перерывами до середины 1849 г., окончившись на условиях *status quo ante bellum*. Но само военное положение, недавняя угроза немецкого вторжения и на острова, оказывали сильное психологическое воздействие на участников разработки Конституции — членов образованного по указу короля выборного Законодательного собрания³². Для максимального ускорения этого процесса было решено принять за образец бельгийскую Конституцию 1831 г.³³

Однако война и демократические настроения масс заставили консерваторов уступить национал-либералам, что придало проекту Конституции более либеральный оттенок, чем было задумано изначально. По предложению Орлы Лемана верхнюю палату называли ландстингом, нижнюю — фолькетингом. А премьер-министр А. В. Мольтке дал общее имя парламенту — ригсдаг. Депутатский корпус ригсдага предполагалось создавать на основе всеобщего избирательного права, к чему многие члены Законодательного собрания были не готовы чисто пси-

хологически — такая демократическая традиция, исчезнувшая в глубокой древности, давно стерлась из людской памяти. Эти консерваторы утверждали, что в парламенте, избранном массой, станут численно преобладать крестьяне и малообразованные горожане. При этом они ссылались на пример недавно еще революционной Европы — там уже наступала реакция.

Текст Основного закона Датского королевства был принят 25 мая, а подписан королем 5 июня 1849 г.³⁴ Он был создан на принципе разделения власти; при этом законодательными прерогативами наделялись совместно король и парламент, исполнительная власть принадлежала, как и ранее, королю, а судебная — независимым судам. Согласно статьям Основного закона, Дания становилась конституционной монархией с двухпалатным парламентом, чьи депутаты утверждались согласно положению о всеобщем и равном избирательном праве. В выборах обеих палат могли участвовать все мужчины в возрасте от 30 лет. Исключение составляли все те же четыре группы населения: избирательного права лишались слуги, лица, получавшие пособие по бедности, некогда отбывавшие наказание по суду и банкроты³⁵. В категорию отверженных входили, таким образом, все рабочие и подмастерья — они приравнивались к слугам. Напротив, правоспособными оказались самостоятельные крестьяне-собственники и даже полукрепостные-фестеры. Разница имелась лишь в процедуре: для фолькетинга они были прямыми, а для ландстинга косвенными — через выборщиков, которые выделялись по отдельности каждым амтом. Имущественного ценза для кандидатов в члены фолькетинга не существовало, а для ландстинга он равнялся годовому доходу в 1200 ригсдалеров.

Весьма важным было конституционное положение об ответственности: для короля ее не стало вообще, а назначавшиеся монархом министры перед ним ее и несли. По мнению некоторых современных историков, определенная ответственность была возложена и на депутатов фолькетинга³⁶. Декларировались гражданские свободы и свобода совести, запрещалось введение цензуры, а судебная власть отделялась от исполнительной. Суды же отныне становились публичными, а процессы — состязательными. Вводилось самоуправление городских коммун и сельских общин везде, кроме Шлезвига и Исландии (до них очередь дойдет позже). Фредерик Барфод, писатель и политик,

принимавший участие в разработке Основного закона, утверждал, что «ни одна из современных монархий не имеет ни более свободной, ни более народной конституции», чем в Дании³⁷. И он был прав, по крайней мере, в отношении фолькетинга, который в середине XIX в. был гораздо теснее связан с народом, чем нынешний³⁸.

Именно по этой причине социально-психологическое неприятие крестьянами годсеров (и наоборот) иногда давало сбои — помещик был если не ближе, то понятнее фестеру, чем городской чиновник. С другой стороны, наиболее дальновидные и мыслящие годсеры одобрили Конституцию, хоть и лишившую их ряда прав, но имевшую перспективные достоинства. Один из помещиков разослал своим собратьям циркулярное обращение вполне частного характера, размноженное во многих экземплярах. В своем послании он уверял их, что, конечно, новая Конституция с ее всеобщим избирательным правом отняла у годсеров почти полную монополию на представительство в парламенте. Но не стоит только по этой причине замыкаться в оскорбленном бездействии или ожесточаться. Напротив, нужно делать все, чтобы провести как можно быстрее в жизнь требования «друзей крестьян» о равном обложении и переходе фестерских участков в собственность крестьян. И это по двум причинам.

Во-первых, годсеры тем легче справятся с проблемами, вызванными реформой, чем быстрее ее проведут. Во-вторых, писал он, «когда эти проблемы будут улажены, у вас появятся те же интересы, что у всех сельских жителей... А когда вы станете — благодаря своим земельным владениям и образованию — первыми среди равных, тогда вы получите возможность действовать на благо родины, и вы отдадите этому все свои силы»³⁹. Автор письма не говорит прямо о цели своего призыва, а именно возвращения к годсерам былого влияния в политической и экономической жизни страны, их роли представителей большей части населения. Он полагал (как и национал-либералы), что низы должны использовать всеобщее избирательное право для того, чтобы выявлять защитников их интересов в более высоких слоях общества. Но заметно, что его мнение лучше обосновано, чем у национал-либералов, столь далеких от проблем села. У них имелся единственный козырь — хорошее образование, а у деревенского помещика еще и общность интересов с крестьяна-

ми-землевладельцами. И главным из этих интересов, полагал автор циркуляра, станет, по окончании приватизации земли, стремление сохранить ее в частной собственности и ограничить налоги с нее — желание одинаково страстное у помещиков и крепких крестьян.

И еще одно замечание. В бурные 1848–1849 гг. примеру революционной Франции последовали многие европейские страны, многие из которых провели у себя реформы, скроенные в большей или меньшей степени по французской модели. Однако вскоре практически все эти демократические конституции были ликвидированы собственной реакцией. И лишь в Дании завоеванные народом достижения 1849 г. получили право на долгую жизнь. Конечно, за последующие десятилетия первая свободная Конституция и здесь претерпевала известные изменения. Но они не носили принципиального характера, были временными и часто поверхностными, никак не влияя на системообразующее содержание Основного закона. Его статьи после всех изменений имели тенденцию возвращения к первоначальной форме и глубинному смыслу, что и будет продемонстрировано ниже. Другое дело — область действия Июньской Конституции. Здесь вскоре произошли изменения не в пользу идей ее отцов-составителей.

Уже в январе 1852 г., учитывая политические векторы, намеченные великими державами на Лондонской конференции (1851–1852)⁴⁰, Фредерик VII был вынужден официально признать разделение королевства на четыре автономные части. Отныне Июньская конституция сохраняла свою силу только для королевской части государства, а герцогским Шлезвигу, Голштейну и Лауэнбургу была при этом дана гарантия создания и легализации отдельных сословных представительств. Теперь общие решения должны были приниматься лишь по делам, касавшимся всех четырех частей королевства⁴¹. За принятием этого трудного решения стояли годсеры, корпус старых чиновников и Общество друзей крестьян. Все они легко жертвовали принципами национальной политики ради практических выгод, которые несло сохранение в силе положений Конституции для королевской части державы. Довольно равнодушно они относились и к идеалам свободы, за расширение которой по-прежнему стояла либеральная группировка.

Зато во внутренних делах они добились значительных успехов. Их усилиями удалось продолжить Великие аграрные реформы XVIII в. и дальнейшую либерализацию городской экономической жизни. Общество друзей крестьян добилось правовых гарантий для хусманов, ограничения норм эксплуатации фестеров, были окончательно отменены барщина и десятина, организована необходимая для повышения квалификации крестьян система отделений Высшей сельскохозяйственной школы⁴². Требование бюргеров о свободе предпринимательства и занятий вообще, ранее принятое как подзаконный параграф о намерениях, в 1857 г. обрело силу закона.

Он же впервые был распространен и на женщин, ранее столь же бесправных, как и в Средние века⁴³. Точнее, в этом году было принято три закона, согласно которым незамужние женщины по достижении 25-летнего возраста получали права, равные с мужчинами. В том числе право на родительское наследство в равных частях с братьями, а не на половинную долю, как было ранее. Отныне она могла заниматься и предпринимательской деятельностью. Но если девушка выходила замуж, то вновь теряла все свои права. И лишь с 1880 г. бесправие замужних дам было ликвидировано — они получили возможность распоряжаться лично заработанными деньгами и имуществом. Правда, долго еще женщины не решались воспользоваться новыми возможностями (прежде всего политическими) по чисто психологической причине — слишком сильны в их сознании были старые традиции⁴⁴.

Окончательно исчезли и другие средневековые реалии, такие, например, как воротная плата, обязательная для всех прибывающих в город (во многих случаях, увы, этот побор ликвидировали вместе со старинными городскими воротами), что отразило, среди прочего, продолжавшийся процесс сближения города и деревни, стирания экономических и психологических границ между ними. Таким образом, молодая демократия оправдывала ожидания датчан в значимых областях экономической, социальной и культурной жизни страны.

Однако схожих перемен не наблюдалось в Шлезвиг-Голштейне. На герцогства, как упоминалось ранее, положения Июньской конституции не распространялись, там внутреннюю политику все еще определяли сословные собрания, а датский король сохранял свой статус абсолютного монарха. Такая ситуация под-

вергалась в герцогствах острой критике местными национал-либералами, но межэтническое (датско-немецкое) напряжение делало реформы пока невозможными. Положение стало меняться в 1863 г., когда в Копенгагене была принята так называемая Ноябрьская конституция, согласно которой Шлезвиг стал неотъемлемой частью королевства. Что же касается Голштейна и Лауэнбурга, то они сохранили свой старый статус автономных областей, по-прежнему оставаясь членами Германского союза⁴⁵. При этом Июньская конституция 1849 г. не утратила своей силы — для королевской части державы.

Это являлось, среди прочего, нарушением соглашений, достигнутых с германскими странами, и Австрия с Пруссией направили 16 января 1864 г. в Копенгаген ультиматум, требуя отмены Ноябрьской конституции в течение 48 часов. Министр-президент О. Бисмарк, незримо стоявший за этим актом, имел по ряду внутривластных причин целью окончательное решение шлезвиг-голштинской проблемы, желательно с применением вооруженной силы. Поэтому в ультиматуме содержалась, в случае его отклонения, угроза вторжения. Национал-либеральное правительство игнорировало это вмешательство во внутренние дела Дании, вполне отдавая себе отчет, чем это грозит стране. После чего прусско-австрийские войска общим количеством в 57 000 штыков вторглись в Данию со стороны южной границы Ютландии. Датские войска, уступавшие вооруженным силам союзников (40 000 чел.) и плохо подготовленные к военным действиям, терпели поражения на протяжении всей зимы–лета 1864 г., отчего союзникам удалось продвинуться до ютландского Лим-фьорда. Возникла опасность десантирования противника на острова.

Мирные переговоры начались в июле 1864 г. в Вене. Согласно мирному трактату, подписанному 30 октября, Дания отказывалась от всех трех герцогств, новую границу установили вдоль реки Конгео. Это была национальная катастрофа — под немецким владычеством осталось около 200 000 датчан, территория страны сократилась с 58 000 до 39 000 кв. км, а численность населения (учитывая и немецкую диаспору Шлезвига) упала с 2,5 до 1,7 млн человек⁴⁶. С утратой герцогств, то есть $\frac{2}{5}$ своей материковой части, Дания превратилась в одно из мельчайших государств Европы.

Национал-либералы требовали пересмотра мирных соглашений с установлением государственной границы по реке Эйдеру. Но поскольку именно они были ответственны за поражение, то король назначил новое правительство из консерваторов-годсеров. С утратой Шлезвига приходилось менять и Конституцию, что было вызвано уже самим фактом существования двух различных Основных законов — Июньского и Ноябрьского, имевших одинаковую силу. «Друзья крестьян» настаивали на оставлении лишь первой из названных Конституций, а национал-либералы требовали ввести в нее ограничения, с тем чтобы власть не перешла в руки низов, обладавших большинством голосов. Король же и годсеры-консерваторы были настроены на реставрацию старой, абсолютистской формы правления; их поддерживала часть крестьянства, недовольного всевластием чиновников. При этом «друзья крестьян» вступили в секретные переговоры с годсерами (апрель 1865 г.), а в сентябре эта коалиция выступила открыто, требуя предоставления избирательного права только землевладельцам — мелким и крупным. Кончилось тем, что «друзья крестьян» в лице своего лидера Й. А. Хансена, получившего к этому времени большинство в обеих палатах, пошли на соглашение с годсерами, ограничив избирательное право. Благодаря этому помещики сохранили на протяжении последующих 35 лет свое политическое влияние, чего ранее не мог предположить никто, включая и их самих⁴⁷.

Согласно пересмотренной Конституции, проект которой был готов 6 ноября 1865 г., положение о фолькетинге осталось без изменений, а ландстинг получил гарантии сохранения в нем решающей части консерваторов — годсеров и представителей крестьян. Из 66 депутатов этой палаты король должен был отныне назначать 12, а остальные 53 избирались путем непрямых выборов. Половина выборщиков при этом должна была выбираться существующим фолькетингом, остальные — из лиц, вносящих в казну самые высокие налоги. Таким образом, всеобщее и равное избирательное право, декларированное Июньской конституцией, было ликвидировано. Полномочия короля при этом расширились. Он мог теперь издавать законы в перерывах между сессиями ригсдага, за ним было оставлено и право вето в отношении парламентского законодательства. В ландстинге доминирующее положение заняли годсеры, а вли-

яние бюргеров и буржуазии соответственно упало. Общее число депутатов при этом возросло со 100 до 102, так что теперь один член ригсдага представлял 16 000 датских подданных. Новый вариант Июньской конституции 1849 г. был подписан 5 июня 1866 г.⁴⁸, он оставался в силе до 1915 г.

В пересмотренной Конституции указывалось, что любой новый закон вступал в силу лишь после его утверждения обеими палатами, но при этом не уточнялось, какая из них имеет решающую силу. Поэтому сразу же после подписания этого Основного закона началась ожесточенная борьба между крестьянами, доминировавшими в фолькетинге, и годсерским большинством ландстинга. В 1870 г. крестьянские группировки Дании объединились в партию Венстре (Левые), а годсеры вместе с примкнувшей к ним частью национал-либералов образовали партию Хойре (Правые).

Итак, в 1840–1870-х гг., на протяжении жизни одного поколения, правовое поле державы радикально изменилось. На смену абсолютизму пришла демократия, открывшая для значительной части населения новые возможности. Был решительно поднят национальный вопрос, но поражение, которое Дания потерпела в 1864 г.⁴⁹, надолго оставила в душах и исторической памяти датчан горький осадок. Опыт этой войны еще более укрепил традиционную для Дании политику нейтралитета и невмешательства. При этом вся национальная энергия обратилась исключительно на внутренние дела — и не без впечатляющего успеха. Особенно это было заметно в области индустрии, рост которой был поддержан аграрной продукцией, неуклонно возрастающей количественно и качественно и во все большем объеме уходившей на экспорт. Резкое падение цен на зерно после Крымской войны и начала массированных поставок хлеба из Америки заставило датское село переориентироваться на животноводство, что было совершено оперативно и безболезненно⁵⁰.

Промышленная революция стала причиной быстрого роста городов и их рабочего населения. Индустриальные рабочие принимали все более активное участие в политической жизни страны, в профсоюзном движении. Из Германии в Данию (прежде всего в Копенгаген) стали проникать социалистические идеи, а в 1871 г. бывший лейтенант Л. Пио, вдохновленный идеями Парижской коммуны, организовал датскую секцию I Интерна-

ционала. Ее лозунгом стали слова Л. Пио о том, что «рабочие добьются выполнения своих требований по закону или вопреки ему»⁵¹. В июне 1976 г. состоялся съезд представителей 56 рабочих организаций, на котором было декларировано создание Социал-демократической рабочей партии Дании. Ее программа в значительной степени копировала Готскую программу немецких социал-демократов.

В связи с этими событиями в свою решающую фазу вступила борьба за демократию. Главным противником конституционного движения на новом этапе стал министр внутренних дел, а с 1875 г. президент Канцелярии и министр финансов Я. Б. Эструп, боровшийся в ландстинге с венстре и с 1849 г. выступавший против всеобщего избирательного права, за дальнейшее расширение прав короля⁵². Он обладал огромными полномочиями. Так, когда в 1877 г. венстре, обладавшие большинством в фолькетинге, попытались заблокировать его финансовый закон, предусматривавший право короля издавать временные (provisoriske) законы⁵³ в обход парламента (параграф 25), он распустил ригсдаг на неопределенное время. Таким образом, Эструп создал антиконституционный прецедент, в дальнейшем неоднократно использовавшийся. Причем особенно активно в 1884–1894 гг., когда правительство, издавая временные законы, фактически вытеснило фолькетинг из области финансов, а значит, и из важнейшей для народа сферы налогообложения. Режим этой эпохи в датской историографии принято называть «диктатурой Эструпа»⁵⁴.

И не без оснований: согласно диктаторскому, по сути, Закону о наказаниях от 2 ноября 1885 г. репрессии распространялись на лиц, подстрекавших солдат к неповиновению или граждан к нарушению порядка, к разжиганию социальной вражды, тюремное заключение следовало за обычную критику правительственных акций или законов. При этом даже депутаты ригсдага лишались своего иммунитета. Так, в 1885 г. председатель фолькетинга К. Берг был брошен в тюрьму вопреки положению Конституции, согласно которому для репрессии такого рода требовалось парламентское решение. Оправданием этой противозаконной акции стало правительственное заявление о том, что тюрьма для депутата — не наказание, а «мера предосторожности»⁵⁵.

На протяжении этого периода формально страной правил король, на деле же государство подчинялось парламентской группе годсеров. К тому же снова, как в 1849 г., четыре социальные страты (правда, насколько иные) были лишены избирательных прав. Это были крестьяне, не имевшие собственного хозяйства и служившие по найму, все получавшие пособие по бедности (их набиралось до четверти от общего числа городских рабочих), члены семей, проживавших на снятой жилплощади, а также все прибывшие в избирательный округ менее чем за год до выборов. Таким образом, в 1880-х гг. $\frac{1}{5}$ часть избирателей города и деревни исключалась из выборного процесса.

Усложнились выборы и в ландстинг: в Копенгагене за половину кандидатов могли голосовать все избиратели, а за вторую часть — лишь получавшие годовой доход от 4000 крон. В других городах, правда, этот ценз был снижен до 2000 крон. При этом король лично назначал 12 депутатов ландстинга (при общем числе 66 чел.), причем пожизненно⁵⁶. Такие социальные рестрикции усиливали политическую власть годсеров. А созданием жандармского корпуса (1885 г., впервые в истории Дании) Эструп продемонстрировал готовность бороться со своими политическими противниками силовыми методами.

Ситуация обострилась в 1885 г., когда венстре стали демонстративно проваливать правительственные законопроекты. Эструп снова распустил ригсдаг и издал второй временный финансовый закон, который не ограничивал государственные расходы и рост налогов. Поскольку закон нарушал конституционные права большинства населения, в стране возникла предреволюционная ситуация. Многие крестьяне отказывались платить налоги, возникают многочисленные рабочие стрелковые клубы (Riffelforeninger), а руководство высших школ отказывается принимать поддержку государства как основанную на финансовых законах, принятых вопреки Конституции. В ответ правительство запретило преподавателям заниматься политикой и начало кампанию массовых увольнений из университетов и гимназий. Нашелся и «симметричный ответ» — в том же 1885 г. на Эструпа было совершено покушение, причем стрелял в него простой рабочий, правда безрезультатно⁵⁷.

Острая парламентская борьба продолжалась все годы уходящего XIX в. Правительство, раздиравшееся противоречиями

среди министров по вопросу налогов, сильно ослабло и ушло в 1900 г. в отставку. Но и новый кабинет, образованный крупным помещиком Ганнибалом Сегестедом, не обрел поддержки ни одной партии. Решающий перелом произошел в 1901 г., когда фолькетинг победил годсерский ландстинг, событие, которое получило от современников собственное имя «Смены системы» (Systemskiftet) — хойре отказались от дальнейшей борьбы. Король Кристиан IX был вынужден согласиться на формирование правительства из венстре. Отныне фолькетингу, стабильно обладавшему депутатским большинством, придавались правительственные функции, отчего датский парламентаризм наконец стал безупречным.

«Смена системы» произошла без изменения Конституции, ее просто стали по-иному толковать. При этом к власти пришла новая социальная сила — самостоятельные, крепкие крестьяне-горманы. Один из них, Оле Хансен, стал министром сельского хозяйства — это был, как писали современники, «первый крестьянин в королевском совете». Что же касается парламентаризма, то его главным признаком стала готовность нового правительства исходить в своей деятельности от воли депутатов фолькетинга. Что было признано всеми партиями, хоть эта решимость и не была отражена в тексте Конституции. Осуществился старый боевой лозунг депутатов нижней палаты: «Никого над фолькетингом и никого наряду с ним!»

Новое правительство ввело в 1902 г. в действовавшую конституцию либеральные изменения. Отныне избирательное право распространялось на всех лиц с 25 лет, и впервые в выборах могли участвовать женщины, батраки и слуги. И если королевское право назначать 12 депутатов ландстинга осталось неизменным, то выборы в эту палату отныне проводились без ограничения, связанного с имущественным цензом. Хотя они и не стали всеобщими — в них участвовали лишь члены коммунальных советов города и деревни⁵⁸. Нужно сказать, что такой успех в проведении традиционных требований венстре не только превзошел их ожидания, но и стал работать против этой партии. Упомянутое расширение избирательных прав было выгодно не столько им, сколько социал-демократам и другим радикальным группировкам, а также сравнительно молодой Партии реформ.

Эта последняя стремительно обрела все новых и новых сторонников, покидавших для этого старые партии. Особенно много «перебежчиков» было из Венстре, утратившей авторитет из-за упомянутого сближения ее с лидерами Хойре. В дальнейшем сам факт возросшей популярности Партии реформ было невозможно игнорировать. Добившись внушительного успеха на выборах 1901 г. (66% депутатов фолькетинга, учитывая и 11% примкнувших к реформаторам социал-демократов), она получила возможность сформировать правительство⁵⁹. Это действительно была коренная демократическая «смена системы», так как впервые правительство королевства не было назначено сверху, а вышло из партии, за которой стояло большинство в нижней палате парламента.

Однако лет через десять уже стали раздаваться голоса недовольных новой системой. Сигналом к критике правительства стало в 1908 г. «дело Альберти», министра юстиции в правительства Кристенсена. П. А. Альберти был уличен в крупных хищениях⁶⁰ и, несмотря на попытки Кристенсена оградить его от расследования, осужден на 8 лет заключения. Естественно, этот скандал подорвал доверие к правительству. Кроме того, выяснилось, что существующее избирательное право не гарантирует равноправие партий. Так, для получения депутатского мандата радикалам было достаточно всего 3000 голосов, тогда как консерваторам требовалось 10000. Разгорелись дебаты о необходимости принятия новой Конституции, которые завершились лишь в 1915 г., когда был подписан новый Основной закон⁶¹.

Согласно его статьям фолькетинг увеличивался до 140 депутатов, из которых 24 избирались в столице, 93 в других крупных одномандатных округах, а остальные места предназначались для кандидатов от мелких (островных, провинциальных и пр.) округов. В ландстинге вместо 12 депутатов, ранее назначаемых королем, 18 кандидатов избирались членами старого состава этой палаты. Другими статьями ликвидировались последние следы неравноправия женщин, а президент Канцелярии теперь официально именовался, как в Норвегии и Швеции, премьер-министром, что вполне соответствовало реальности. В 1913 г. в текст Конституции были введены статьи, снижавшие возрастной ценз на выборах в фолькетинг до 25 лет, а в ландстинг — до 35 лет. Право голоса получила городская и сельская прислуга

(Tuende). За этими демократическими положениями стоял лидер Социал-демократического союза Торвальд Стаунинг, вскоре занявший пост премьер-министра⁶².

Были приняты меры и по защите Конституции от реформ, которые могли быть восприняты большинством граждан негативно. Отныне такие изменения вводились лишь по результатам всенародного голосования, причем голосов должно было быть отдано не менее 45%. Любопытно, что во время очередного референдума (1953) по внесению такого рода изменений — речь шла о переходе от двухпалатного к однопалатному парламенту — сторонники реформы получили почти в точности такую же долю голосов, 45,8%, и выиграли в соответствии с буквой нового закона⁶³.

В отечественной и зарубежной науке традиционно принято объяснять побудительные причины крупных и мелких народных движений или конституционных реформ исключительно социальными и экономическими обстоятельствами, реже — инициативой отдельных исторических лиц. Между тем такого рода явления нередко имеют своей движущей силой чисто психологические факторы (здесь имеется в виду не этнопсихология, а психология отдельных социальных групп). Тому есть масса примеров и доказательств; обратимся лишь к тем, что приведены в настоящей статье.

Сюда можно отнести болезненную подозрительность, с которой датские короли относились к своей аристократии в XVII–XIX вв., хотя дворянская элита к этому времени давно уже утратила свои антимонархические потенции. Ничем иным, кроме сдвига в психологии масс нельзя объяснить их стремление к самоопределению, принявшее в первой трети XIX в. взрывной характер, — ведь социальное положение низов города и села оставалось прежним. Этой же причиной можно объяснить упорное отторжение Кристианом VIII и его правительством идеи сословных собраний — института вполне лоялистского и ничем королевской власти не грозившего. И поле высокой напряженности во взаимоотношениях жителей города и села, ставшее особо заметным в середине XIX в., также находит лишь психологическое объяснение, так как в социальном и экономическом плане городские низы и крестьянская масса находились на одном уровне.

Сказанное относится не только к беднейшим стратам датского общества, возможно подверженных известному ожесточению, вызванному бедностью и нищетой. Столь же неприязненные чувства по отношению друг к другу испытывали национал-либералы и сельские «друзья крестьян». Имея общие цели, они постоянно обособлялись по причине высокой образованности первых и известной провинциальности вторых, а что это, как не психологическая несовместимость? Сюда же можно отнести случай, когда в 1855 г. «друзья крестьян» забаллотировали одного из самых достойных кандидатов в ригсдаг и их единомышленника А. Мольтке, явно лишь оттого, что графское достоинство делало его чужим для «классово близких», но сугубо демократичных кругов этой партии.

Особое внимание при этом стоит обратить на фактор национального самосознания. Если в период абсолютизма групповое сознание датчан основывалось на религии, лояльности к монархам или принадлежности к той или иной социальной страте, то в XIX в. новое, теперь уже национальное сознание опирается на исторические, языковые и более современные этические критерии. А это придало движению за демократические перемены несравненно более массовый и активный характер, чем когда-либо ранее.

Таких фактов и явлений в истории датского конституционного строительства можно найти множество — в небольшой статье перечислить их невозможно. Но и уже приведенные здесь примеры обогащают, по нашему мнению, причинно-следственную палитру в инструментарии исследователей иных сюжетов и тем, а не только избранного здесь периода в истории становления поныне действующего датского Основного закона.

¹ Памятник опубл. в.: Kong Valdemar den andens Jyske Lov. Besørget af N. M. Petersen // Nordiske Oldskrifter udgivne af Det Nordiske Litteratur-Samfund. Bd. IX. Kjøbenhavn, 1850. S. 3–88.

² Цит. по: Hansen B., Haue H., Livijn C., Sørensen P. Danmark i tusinde år. København, 1991. S. 19. (Далее: Hansen o. a., 1991).

³ Цит. по: Cedergreen B. S. Oplysning og Tolerance, 1721–1784. København, 1965. S. 35. (Далее: Cedergreen B., 1965).

⁴ Со смертью бездетного Фредерика VII в 1863 г. последнего из Ольденбурггов на датском троне сменил представитель Глюксбургского дома под именем Кристиана IX.

⁵ О влиянии на духовную жизнь датчан этого периода философских систем Вольтера, И. Г. Гердера, Дж. Э. Коллинза см. в: *Возгрин В. Е.* Датские историки XVII–XVIII вв.: начало пути к национальной позитивистской историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011. С. 237–238.

⁶ Проекты преобразований И. Ф. Струэнзе касались свободы печати, стремления достигнуть в деятельности высших органов правительственной власти большей быстроты, порядка и простоты, установления твердого государственного бюджета, упорядочению государственных финансов, улучшения судопроизводства, отмены пыток, уничтожения покровительственной системы, поднятия земледелия в связи с улучшением положения крестьян, замены натуральной ренты денежной, перечисления некоторых доходов (как зундская пошлина) из королевских в разряд государственных, уравнивания прав граждан, отмены прерогатив дворянства.

⁷ *Cedergreen B. S.*, 1965. S. 437.

⁸ *Brøndsted M.* Reform og Fallit, 1784–1830. København, 1964. S. 110. (Далее: *Brøndsted*, 1964).

⁹ *Christensen O., Milthiers F., Skrubbeltrang.* Det danske Landbrugs Historie. Bd. V. København, 1945. S. 414.

¹⁰ *Brøndsted*, 1964. S. 110.

¹¹ *Ibidem.* S. 194–195, 201.

¹² «Полукрепостное» положение фэстеров и домовников-хусманоль определялось тем, что оно при личной свободе были накрепко привязаны военно-приписной системой к своему участку земли, принадлежавшей помещику. Помещик же и проводил рекрутские сборы — по своему выбору (*Brorsen L., Johansen K., Møller E.* Landbrugets bygninger 1850–1940. København, 2002. S. 7).

¹³ *Bjørn C.* The Peasantry and Agrarian Reform in Denmark // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 25. 1977. P. 123–124.

¹⁴ *Ladewig Petersen E.* Fra standssamfund til rangssamfund. København, 1980. S. 112.

¹⁵ *Hald A.* Danmark mellem feudalisme og kapitalisme: arbejdsrapporter til periodelæsning. Aarhus, 1974. S. 56.

¹⁶ Подробнее см. в: *Возгрин В. Е.* Датское крестьянство в XVI — середине XIX в. Гл. 3. Аграрные реформы и буржуазная перестройка деревни // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Том третий. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М., 1986. С. 301–306.

¹⁷ *Haue H., Olsen J., Aarup-Kristensen I.* Det moderne Danmark 1840–1992: forudsætninger og forløb. København, 1993. S. 7 (Далее: *Haue o. a.*, 1993).

¹⁸ *Ibidem.* S. 34.

¹⁹ *Skovmand R.* Folkestyrets fødsel 1830–1870. København, 1964. 544 s. S. 138–139. (Далее: *Skovmand*, 1964).

²⁰ Текст Положения о введении сословных собраний приведен в: *Bojsen Schmidt J.* Fra Danehof til Folketing. København, 1963. S. 51–54. (Далее: *Bojsen Schmidt*, 1963).

²¹ *Haue o. a.*, 1993. S. 10.

²² Кристиану VIII в чисто личном плане были близки идеалы демократии. Так, еще в 1814 г., в бытность свою регентом Норвегии, он стоял за принятие знаменитой Эйдсвольской Конституции, за что и был избран норвежцами королем. Впоследствии, уже вернувшись в Данию, он ввел Закон о сельских коммунах (1842), позволявший крестьянам участвовать в выборах администрации амтов

и согнов (т. е. округов и волостей). Эти выборы стали с течением времени настоящей школой для сторонников местного самоуправления и становления сословной Конституции (*Skovmand*, 1964. S. 190, 193, 195).

²³ *Jørgensen E. S. Partier og partimodsætninger 1848–1864 // Den politiske magtkamp 1866–1901. Viborg, 1968. S. 14. (Далее: *Jørgensen*, 1968).*

²⁴ Дэвис Н. Сердце Европы. М.; Вроцлав, 2009. С. 465.

²⁵ *Jørgensen*, 1968. S. 9.

²⁶ *Ibidem*. S. 10.

²⁷ *Petersen K. Danmarkshistoriens hvornår skete det. Fra istiden til 1960, år for år. København, 1969. S. 273. (Далее: *Petersen*, 1969).*

²⁸ Об этой необычно массовой демонстрации см. в: *Scocozza B., Jensen G. Danmarkshistoriens hvem, hvad og hvornår. København, 1999. S. 234. (Далее: *Scocozza, Jensen*, 1999).*

²⁹ Цит. по: *Jørgensen*, 1968. S. 14.

³⁰ *Skovmand*, 1964. S. 240.

³¹ Именно в этот решающий для державы момент в датском законодательстве было внесено изменение, на котором уже три года настаивали «друзья крестьян», — воинская повинность стала всеобщей (*Haue o. a.*, 1993. S. 12).

³² Право на участие в выборах Законодательного собрания получили все мужчины от 30 лет и старше, за исключением упоминавшихся четырех групп населения. *Haue o. a.*, 1993. S. 13.

³³ *Petersen*, 1969. S. 276.

³⁴ Текст Основного закона Датского королевства 28 мая 1848 г. опубликован в: *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 55–73.

³⁵ *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 61.

³⁶ *Vammen H. Den tomme stat. Angst og ansvar i dansk politik 1848–1864. København, 2011. S. 323. (Далее: *Vammen*, 2011).*

³⁷ Цит. по: *Skovmand*, 1964. S. 288.

³⁸ В настоящее время депутатов в фолькетинг выбирают по партийным спискам, а не как в середине XIX в. по одномандатным округам, где все, в общем, знали друг друга чуть ли не с детства.

³⁹ Цит. по: *Jørgensen*, 1968. S. 16.

⁴⁰ О значении Лондонской конференции 1851–1852 гг. для Дании в дальнейшей перспективе см. в: *Vammen*, 2011. S. 200.

⁴¹ *Petersen*, 1969. S. 278.

⁴² *Landbohøiskole* — система вечерних курсов для крестьянской молодежи, где юноши и девушки приобретали навыки в современных методах агрикультуры, началах сельской экономики, ведении домашнего хозяйства и т. п.

⁴³ До 1857 г. датская женщина была бесправной на протяжении всей жизни. Когда она жила в родительской семье, то ее имущество находилось в распоряжении отца. Если же он умирал, то ей назначали опекуна, получавшего те же права, передававшиеся им в случае замужества ее супругу. Женщина не могла даже заниматься какой-либо экономической деятельностью и была лишена права на равную долю в разделе детьми родительского наследства.

⁴⁴ *Dybdahl V. Det nye samfund på vej: 1871–1913. København, 1982. S. 24. (Далее: *Dybdahl*, 1982).*

⁴⁵ Текст Ноябрьской Конституции опубликован в: *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 90–104.

⁴⁶ *Petersen*, 1969. S. 287.

⁴⁷ *Jørgensen E. S. Den reviderede grundlovs tilblivelse // Den politiske magtkamp 1866–1901. Viborg, 1968. S. 31–33.*

⁴⁸ Дополнения и изменения, внесенные в Июньскую конституцию 1849 г. летом 1866 г., опубликованы в: *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 105–113.

⁴⁹ В отечественной и зарубежной историографии войну 1864 г. принято называть Второй шлезвигской (Первая имела место в 1848–1850 гг.).

⁵⁰ Переход от зернового хозяйства к животноводческому в масштабах страны был облегчен финансовой помощью государства и акционерного банковского капитала. Стадо крупного рогатого скота за 1860–1900 гг. увеличилось в полтора раза, средняя удоимость поднялась с 1000 л в год до 2500 л, а общее количество молока за тот же период — с 760 000 до 2720 000 л в год. Объем производства масла вырос с 24 000 т в 1861 г. до 107 000 т в 1903 г. *Bryld C.-J., Haue H. Det agrare Danmark 1680–1980'erne. 1982. S. 185.*

⁵¹ Цит. по: *Petersen*, 1969. S. 292.

⁵² *Birkelund P., Hilsted F., Koch-Olsen I., Paulsen J. Danmarkshistoriens blå bog. København, 1971. S. 96.*

⁵³ Временные финансовые законы впервые были введены в правовой корпус в апреле 1877 г. В дальнейшем нарушения Конституции такого рода повторялись (*Scocozza, Jensen*, 1999. S. 259).

⁵⁴ *Dybdahl V. De nye klasser: 1870–1913. København, 1965. S. 176.*

⁵⁵ *Ibidem. S. 179.*

⁵⁶ *Dybdahl*, 1982. S. 139–140.

⁵⁷ *Petersen*, 1969. S. 298.

⁵⁸ *Dybdahl*, 1965. S. 502.

⁵⁹ Первое парламентское правительство в истории Дании возглавил профессор права Й. Х. Дойнтцер, занявший посты президента Канцелярии и министра иностранных дел. Однако в реальности движущей силой нового правительства стал министр культуры, бывший учитель Й. К. Кристенсен, абсолютно доминировавший на политической сцене Дании до 1908 г.

⁶⁰ В сентябре 1908 г. было обнаружено, что Альберти вывел из активов Зеландского крестьянского банка и фонда Союза экспортеров масла сумму в 15 млн крон, им присвоенную (*Petersen*, 1969. S. 308).

⁶¹ Текст Конституции 5 июня 1915 г. опубликован в: *Bojsen Schmidt*, 1963. S. 124–126.

⁶² *Grelle H. Thorvald Stauning. Demokrati eller kaos. København, 2008. S. 121, 131.*

⁶³ *Scocozza, Jensen*, 1999. S. 339.

Т. А. Шрадер

**ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-СКАНДИНАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ
(ВОПРОС ИССЛЕДОВАНИЯ
СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ЕВРОПЫ)**

Сотрудничество русских и скандинавских ученых за период второй половины XIX в. и начала XX в. в различных областях науки, в том числе географии и геофизики, было плодотворным и многосторонним. На основе ряда работ о межгосударственных отношениях России со Скандинавскими странами, русской научной литературы о проведении международных экспедиций в указанный период¹ и архивных документов Российского государственного исторического архива и Петербургского филиала Архива РАН автором была поставлена задача дать краткий обзор установления научных контактов между странами.

Успехи математической географии к XIX в. позволили поставить перед учеными ряда стран актуальную задачу — уточнение формы нашей планеты и ее размеров. Выполнение этой сложной работы, однако, зависело не только от чисто технических возможностей, но требовался еще благоприятный климат в межгосударственных отношениях, без которого оказывалось невозможным объединение усилий ученых.

Одним из направлений таких исследований было измерение дуги меридиана. Особо необходимо отметить два крупных мероприятия, выполненных в XIX в. Россией и Швецией. В первую очередь надо указать на градусное измерение дуги меридиана от реки Дунай (Измаил) до Ледовитого океана (Фугленес, Норвегия), выполненное учеными Пулковской обсерватории под руководством академика В. Н. Струве и специалистами

из Скандинавии: барон Вреде, директор Стокгольмской обсерватории доктор Зеландер и директор норвежской обсерватории доктор Ганстен.

К 1840-м гг. русскими учеными была измерена дуга меридиана на протяжении около 1300 километров от берега Дуная до Лапландских высот (до пункта Торнео). Эти работы могли бы быть продолжены до Ледовитого океана и русскими, но Академия наук России приняла решение, что продолжить работу на Скандинавский возвышенности надо со скандинавами. Директор Пулковской обсерватории был направлен в Стокгольм с целью получения у шведского короля Оскара разрешения для проведения дальнейшего измерения. Поездка была успешной. В Швеции была создана комиссия. Проект измерения дуги был утвержден королем, и были сделаны надлежащие распоряжения со стороны обоих государств.

Совместные научные работы проводились при очень благоприятном отношении к этому мероприятию как русского, так и шведского правительств. Научная же ценность полученных результатов для стран-участниц была велика. В результате проведенных работ был решен вопрос о постепенном повышении скандинавского материка над уровнем Балтийского и Ледовитого океанов. Русское правительство было заинтересовано в скорейшем завершении научных работ, так как Военно-топографическое депо при составлении точных карт европейской части России нуждалось в определении формы и размеров земного шара.

Другим, не менее важным международным мероприятием является русско-скандинавское измерение дуги меридиана на Шпицбергене. Результаты этой экспедиции значительны тем, что измерения проведены на высоких широтах земного шара, а это позволило более точно вычислить величину сжатия Земли у полюсов. Русско-шведское сотрудничество проводилось на рубеже XIX и XX вв. (с 1899 по 1901 г.) В 2003 г. автором в сборнике «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» была опубликована статья «Шведско-русское сотрудничество в изучении Шпицбергена (конец XIX — начало XX вв.)»², в которой был довольно подробно проработан ход подготовки экспедиции, обсуждение деталей этого научного проекта учеными из России и Швеции. В данной работе автор не будет повторять

детали, отмеченные в указанной статье. Представляется более интересным предоставить вниманию переписку между правительственными лицами касательно важности этого научного мероприятия

Необходимо отметить, что к середине XIX в. сложилась сложная международная обстановка. Автор не будет углубляться в исторические детали межгосударственных отношений между Россией и Швецией. Но надо подчеркнуть, что вопрос принадлежности архипелага Шпицбергену какой-либо из стран Европы был на острие политических дебатов. К концу XIX в. на территории архипелага Шпицберген обнаружили залежи каменного угля. Нидерланды, Англия и Швеция доказывали, что архипелаг принадлежит им. Россия утверждала, что Шпицберген «ничейная земля», хотя многие представители российской общественности считали, что эта земля должна принадлежать России. Германия, исходя из постулата «ничейной земли», начала создавать компании для разработки угля и поиска новых залежей. В 1890-е гг. в Швеции началась в прессе яростная атака на Россию. Темой дебатов в прессе были две темы: 1. Россия помышляет на скандинавскую территорию, готовит нападение; 2. Швеция может быть вовлечена в войну вместе с Германией. Шведский путешественник Свен Гедин утверждал о угрозе с востока. В России опубликовали издание «Брошюра Свена Гедина "Слово предостережения" и полемика вызванная ею в Швеции»³, в которой опровергались нападки С. Гедина на Россию и подчеркивались дружеские отношения России и Швеции.

Только в конце 1880 гг. после подписания ряда соглашений между Швецией и Россией (Декларация от 1886 г. по поводу развития торговых сношений между Швецией и Россией и ряда конвенций по ряду вопросов), после того как Шпицберген был признан «ничейной землей», стало возможным поднять вопрос о совместном научном сотрудничестве.

В 1898 г. Шведская академия наук предложила Русской академии наук принять участие в предполагаемых градусных измерениях. Русские государственные деятели отнеслись к предложению шведской стороны внимательно и несколько настороженно. В письме министра иностранных дел графа Муравьева от 20 марта 1898 г. на имя министра финансов С. Ю. Витте под грифом «секретно» сообщалось следующее: «...всякое дей-

ствии шведско-норвежского правительства, имеющее единоличный характер и могущее служить к упрочению исключительного влияния скандинавских королевств на Шпицберген, было бы совершенно несогласно с нашими политическими интересами на Крайнем Севере, на который ныне обращено особое внимание нашего правительства. Вследствие сего, по моему мнению, представлялось бы необходимым принять настоящее предложение шведской Академии наук, дабы наш отказ не был истолкован общественным мнением в смысле признания нами, что остров Шпицберген находится вне наших интересов»⁴.

Высказывая свое мнение министру иностранных дел, президент Академии писал: «Измерения эти (градусные. — *Т. III.*) составят продолжение самых крупных градусных измерений, уже исполненных Россией и Швецией, и, несомненно, как произведенные в больших широтах дадут весьма важный материал для точного суждения о фигуре Земли. Императорская Академия наук, считая вполне необходимым присоединение к исследованиям шведской академии, предполагает для полноты исследований произвести сверх того наблюдения магнитные, качанием маятника и др.»⁵.

Как видно из приведенных документов, предстоящей научной экспедиции придавалось большое научное и политическое значение. Исходя из этого, правительство дало согласие на участие ученых в Шпицбергенской экспедиции, предоставив им необходимые денежные средства. В том же 1898 г. были созданы научные комиссии. С русской стороны в комиссию по снаряжению экспедиции вошли представители Академии наук, морского и военного ведомств. Возглавил эту комиссию президент Императорской Академии наук в. к. Константин, во главе шведской был принц Густав. Назначение лиц царствующих династий придавало этому делу особую государственную важность.

На заседаниях русской и шведской Шпицбергенских комиссий были подробно обсуждены вопросы снаряжения и программа научных работ. Научная экспедиция на Шпицбергене продолжалась два года. Шведские ученые зимовали на Семи островах, русские — в Стур-фьорде. Научная деятельность комиссий по разработке полученных материалов и написанию отчетов и статей прекратилась только в 1918 г. В течение 20 лет русские и шведские ученые поддерживали научные контакты.

Автор данной статьи не считает необходимым подчеркнуть следующее. Учёные России и Швеции собрали очень большой по объёму материал по геофизике, магнитному полю Земли, фауне, флоре архипелага Шпицберген. Была измерена дуга меридиана в 3,5 градуса, на долю русской части экспедиции пришлось 2,5 градуса меридиана. Научная мировая общественность с напряжением следила за ходом работ. Газеты, научные журналы того времени подробно освещали ход экспедиции, ее успехи и трудности жизни в условиях северных льдов⁶.

В 1903 г. на имя президента Академии наук и министра просвещения России пришло письмо из Военного министерства, военно-топографического управления от 13 октября 1903 г. В нем говорилось, что в русское посольство в Берлине было доставлено письмо председателя Международного геофизического союза, в котором сообщалось об единогласно принятом решении XIV Общего собрания Международного геофизического союза выразить благодарность русскому правительству, ученым, командированным на Шпицберген, за услуги, оказанные им науке вообще и геодезии в частности⁷.

Русское правительство, со своей стороны, высоко оценило заслуги шведских ученых. Президент Академии наук на имя министра иностранных дел направил письмо с просьбой наградить членов Королевской шведской комиссии в высоких отличиях, учрежденных для иностранцев орденами Св. Станислава II степени и Св. Станислава III степени. Двое членов Королевской шведской комиссии, доктор Дунер и доктор Розен, 8 мая 1900 г. были удостоены этих высоких наград⁸.

Итак, несмотря на то что Шпицбергенская экспедиция осуществлялась в период обострившейся борьбы европейских держав за архипелаг Шпицберген, подготовка и снаряжение одной из крупнейших научных экспедиций и тесное научное сотрудничество русских и шведских ученых дали прекрасные научные результаты

До конца XIX в. биологические и гидрографические исследования северных морей проводились разрозненно, по разным программам, а иногда и без них. В то же время резко возросло значение рыбного и звериного промыслов по мере увеличения промышленного населения и городов. Непосредственно заинтересованными в развитии рыбного промысла являлись Нор-

вегия и Россия. Именно в конце XIX в. ощущался недостаток теоретической базы ведения рыбного промысла. В 1897 г. Шведская академия наук пришла к выводу о необходимости созыва международной конференции для объединения исследований в связи с возросшими задачами рыболовства.

В феврале 1899 г. шведско-норвежский представитель двумя нотами обратился в Министерство иностранных дел России с приглашением участвовать в Международной конференции по организации совместного международного биолого-гидрографического исследования бассейнов Северного и Балтийского морей, а также европейской части Северного Ледовитого океана⁹.

В письме министра иностранных дел гр. Муравьёва министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову в марте 1899 г. читаем: «...выработанный шведскими учеными проект приведения в связь и систематизации производимых ныне отдельных друг от друга различными государствами работ в области биологии и гидрологии сказанных бассейнов Немецкого и Балтийского морей и Северного Ледовитого океана заслуживает, по мнению моему, сочувствия Императорского Правительства не только вследствие представляемого им интереса, но и ввиду тех практических выводов, которые могли бы служить основанием к выработке начал международного законодательства для рыбных промыслов во всех территориальных пространствах вышеназванных морских бассейнов, где уже оказывается настоятельная потребность в мерах для ограждения от истребления рыбных и звериных запасов»¹⁰.

К тому времени русское правительство предприняло некоторые шаги по организации научно-промысловых исследований на Мурмане. Так, Государственный комитет для помощи поморам Русского Севера организовал в 1899 г. научную экспедицию под руководством зоолога Н. М. Книповича. Эта экспедиция проводила рыболовецкие исследования в районе Баренцева моря. В эти же годы налаживались контакты между учеными России и Скандинавии в области биологии и гидрографии. В статье «Краткий обзор работ экспедиции для научно-промысловых исследований Мурманна»¹¹ Н. М. Книпович писал о сотрудничестве, установившемся во время его командировки в 1897 г. в Стокгольм, Христианию (ныне Осло) и Копенгаген, где он посетил крупнейшие научно-исследовательские станции,

ознакомился с работами, проводимыми скандинавскими учеными в интересующих его областях науки.

По приезде в Россию Н. М. Книпович возглавил вышеназванную экспедицию, впервые в мире используя специально оборудованное для гидрографических работ судно «Андрей Первозванный». Учёные Скандинавии последовали этому примеру.

На приглашение Шведской академии наук русское правительство ответило согласием и назначило представителем от России на Конференции зоолога доктора Гримма. Деятельность Международной конференции по вопросу исследования северных морей в российской литературе не была широко отмечена, хотя для развития науки и укрепления контактов между Россией и Скандинавией она имела большое значение.

15 июня 1899 г. состоялось торжественное открытие Конференции в здании шведского риксдага. На конференции присутствовали делегаты Дании, Великобритании, Германии, Норвегии, России, Ирландии и Швеции. В результате работы конференции была выработана единая программа гидрографических и биологических исследований, причем на долю России выпал один из крупнейших районов европейской части Ледовитого океана — районы от Мурмана до Новой Земли. Каждое государство, принимавшее участие в Конференции, выделяло определенную сумму для обозначения работы Центрального бюро как центра исследований и обмена опытом. Цель Международного бюро — объединение научных работ, выработка единых методов исследований и подготовка участников исследований, на основе учрежденной при Бюро по проекту Фр. Нансена особой лаборатории. Русское правительство, ссылаясь на значительные расходы проведения экспедиций в северных водах (Шпицбергенской и на Новосибирские острова), поначалу отказалось выделять сумму для Международного бюро. Императорская Академия наук тогда организовала научную комиссию, в которую входили виднейшие российские ученые и члены правительства. Эта комиссия детально изучила вопрос участия России в выполнении международной программы и пришла к выводу о необходимости включения русских ученых в международные работы и внесения российской доли финансов для работы Международного бюро.

В мае 1901 г. в Христиании состоялось заседание Комиссии Международной конференции. Представителями России на Ко-

миссии были Н. М. Книпович и от Великого княжества Финляндского О. Ф. Нордквист. В Комиссию вошли ученые Великобритании, Дании, Норвегии, Германии, Голландии и Швеции, и основными вопросами работы комиссии было учреждение Международного совета, выборы председателя Совета, Центрального бюро и международной лаборатории. Копенгаген был избран местом работы Центрального бюро, Христиания — международной лаборатории. Руководителем лаборатории, которая, по замыслу, становилась школой высококвалифицированных специалистов, был избран Ф. Нансен.

Благодаря настойчивым требованиям русских ученых председатель Государственного совета России в 1903 г. подписал акт об отпуске из Государственного казначейства необходимой суммы для работы Международного бюро¹³. Таким образом, Россия стала полноправным членом Международного совета. Доктор Н. М. Книпович с 1901 по 1914 г. являлся постоянным представителем России, а в предвоенные годы был избран вице-президентом Международного совета.

Итак, рассмотрев основные вехи развития научных контактов России со Скандинавскими странами, можно сказать, что в конце XIX в. и в начале XX в., несмотря на политические разногласия между государствами, между учеными Скандинавии и России сложилось плодотворное сотрудничество в различных областях науки. Ранее было упомянуто о награждении ряда скандинавских ученых за их огромный вклад в период работы Шпицбергенской экспедиции. Также можно отметить, что на имя министра народного просвещения был получен ряд писем от президента Академии наук России с просьбой о награждении ряда шведских и норвежских ученых орденами Св. Анны и Вс. Станислава, учрежденным для иностранцев за выдающиеся успехи в исследованиях и помощь, оказанную русским ученым. Так, известные шведские ученые — геолог-палеонтолог Г. Гольм, зоолог К. Вестерлунд, член Стокгольмской академии наук проф. А. Натгорд и провизор университета в Христиании В. Брёггер были награждены указанными орденами.

В данной статье были рассмотрены контакты между русскими и скандинавскими специалистами в изучении северных районов Европы, а также учреждение Международной организации по исследованию биологии и гидрографии северных морей,

но связи между учеными соседних стран были очень разнообразны, касались различных областей науки и, как правило, взаимно дополняли друг друга.

¹ Струве В. Я. Дуга меридиана. М., 1857; Рыльке С. Д. Градусное измерение. СПб., 1886; Жданов А. М. О русских градусных измерениях. СПб., 1893; Чернышев Ф. Н. О ходе работ экспедиции по градусным измерениям на о-вах Шпицбергена в 1899–1900 // Изв. Акад. наук. 1901; Васильев А. С. На Шпицбергене и по Шпицбергену во время градусного измерения // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. Т. XXXXIX. Одесса, 1915; Ефимов П. И. Русское градусное измерение на Шпицбергене в 1899–1901 гг. М., 1958.

² Шрадер Т. А. Шведско-русское сотрудничество в изучении Шпицбергена (конец XIX – начало XX вв.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2003. С. 140–148.

³ Канцелярия Совета министров. СПб., 1912.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 565. Оп. 8. № 29377. Л. 3.

⁵ Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – ПФА РАН). Ф. 13. Оп. 1. № 12. Л. 1.

⁶ Ymer. 1899. S. 210; Ymer. 1901. S. 346; Ymer. 1902. S. 432, 538; Pettermanns Mitteilungen. 1900. D. 46. S. 148, 196, 218, 247; 1902. D. 48. S. 120, 216; Aftenposten. 1900, 5 juni; St. Petersburger Zeitung. 1900. S. 23, 24, 25, 27, 28, 29 и др.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 143. № 89. Л. 87.

⁸ ПФА РАН. Ф. 13. Оп. 1. № 3. Л. 62, 93.

⁹ РГИА. Ф. 398. Оп. 72. № 28059. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Известия Императорской академии наук. 1900. № 5.

¹² Сборник, посвященный научной деятельности полярного академика Н. М. Книповича (1885–1939). М.; Л., 1939; Д-р Гримм. Международная конференция по вопросу исследования Северных морей, бывшая в Стокгольме в июне 1899 г. // Вестник рыбопромышленности. 1899. № 9.

¹³ РГИА. Ф. 1152 (Департамент Государственного экономического совета). № 207. Л. 12.

Е. Н. Арзамасцева

**ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ
В ФИНЛЯНДСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ КАРИКАТУР ИЗ ЖУРНАЛА «KURIKKA»)***

Карикатуры являются важным источником для изучения отражения в коллективном сознании людей политической власти в лице чиновников и государственных деятелей. Особенное значение в качестве индикатора общественных настроений они играют при изучении отношения населения национальной окраины к политике, проводимой властью империи. Финский журнал политической карикатуры «Курикка» (фин. — «Kurikka», что в переводе на русский значит «дубина», «дубинка») возник в 1904 г. и издавался вплоть до 1954 г.¹ Этот журнал был выразителем идей финских социал-демократов, пользовавшихся в то время большой поддержкой населения, и, по заявлениям редакторов самого журнала, был самым распространенным журналом карикатур в Финляндии. По данным, напечатанным в журнале в 1906–1909 гг., его тираж каждого выпуска составлял 7500 экземпляров. «Курикка» выходил в Гельсингфорсе дважды в месяц — 1-го и 15-го числа. Примечательно, что данное издание распространялось не только на территории Великого княжества Финляндского. Подписаться на него можно было в остальных частях Российской империи и в Америке. Также важным фактом является то, что после всеобщей забастовки 1905 г. в княжестве была провозглашена свобода

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: «От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.», шифр в ИАС: 5.38.275.2014.

печати, поэтому в 1906–1910 гг. газеты и журналы в Финляндии не подвергались систематическим цензурным проверкам². Таким образом, можно утверждать, что благодаря большому числу читателей и отсутствию жесткой цензуры журнал «Куриikka» оказывал определенное влияние на конструирование образа российской власти на территории Великого княжества.

После всеобщей забастовки 1905 г. в Финляндии царило воодушевление. Активно шли процессы подготовки реформы представительной системы и образования политических партий. Однако издатели журнала «Куриikka» явно заметили, что постепенно российская власть начала снова укреплять свои позиции в Великом княжестве. Этому посвящена карикатура из апрельского номера журнала за 1906 г. под названием «Пасхальная ведьма»³. В подписи говорится: «Интересно, что это такое странное летит сюда? — Это бюрократическое правительство Витте-Дурново⁴, которое совершает разведывательную поездку в Финляндию с целью снова привести во власть свежие реакционные силы»⁵.

В июле 1906 г. на страницах журнала появилась карикатура «Белостокский гурман»⁶, ставшая откликом на Белостокский погром в Гродненской губернии, произошедший в начале июня того же года. На ней крупным планом изображена внушительная фигура генерал-губернатора Гродненской губернии, поедающего еврея. На втором плане виден офицер, замахивающийся нагайкой на бегущего человека, а также распростертые по земле тела, разбросанные предметы одежды и сапоги. Текст под карикатурой написан как бы от лица самого губернатора и раскрывает смысл ее названия: «Постановление Государственной Думы о том, что я был бы антисемитом, не соответствует действительности. Чем больше будет евреев, тем дольше я могу оставаться толстым»⁷.

Хотя событие, проиллюстрированное данной карикатурой, и не было напрямую связано с Великим княжеством, весьма любопытным представляется сам факт ее появления в финском журнале. Также стоит отметить, что в качестве символа произошедшего погрома журнал «Куриikka» изображает конкретное лицо — генерал-губернатора Гродненской губернии, которого также делает и главным виновником трагедии.

В ноябре 1906 г. в журнале была опубликована карикатура «Воссоединение»⁸. На ней изображены Пётр Николаевич Дурново и сменивший его на посту министра внутренних дел Пётр

Аркадьевич Столыпин, тепло приветствующие друг друга. Столыпин говорит: «Здравствуй, старый друг, я попытался во всем следовать твоей политике»⁹. Следует заметить, что Дурново печально прославился на этом посту тем, что применял жестокие меры во время первой русской революции. Дурново отвечает: «Создание быстрых судов¹⁰ совпадает с моими желаниями»¹¹. На заднем плане карикатуры виднеются виселицы, в дальнейшем их образ будет неоднократно появляться на страницах журнала. Так, на карикатуре «Мост согласия людей» изображены два берега — Финляндия и «Устрашающая русская империя», соединенные «мостом согласия»¹². По нему идут известные финские политики, такие как И. Даниельсон-Кальмари, Л. Мехелин и другие. Прямо с моста они угождают в мешок, который держит довольный бородатый мужчина в императорской короне с надписью «Бюрократия». Позади него виднеется виселица и повешенные на ней люди. Вся сцена происходит под аккомпанемент русского мужика, играющего на гармошке, который олицетворяет собой русскую газету «Новое время», публиковавшую большое количество антифинляндских материалов.

Часть карикатур была посвящена русским представителям местной власти в Финляндии. В феврале 1908 г. генерал-губернатор Николай Николаевич Герард, занимавший эту должность с ноября 1905 года и к тому же являвшийся впервые назначенным на эту должность гражданским лицом, ушел в отставку. Финляндское общество долго гадало, кто же придет ему на смену. Эти события иллюстрирует карикатура, названная «Во время перемены»¹³. В ее правой части изображен уходящий человек, силуэтом напоминающий Н. Н. Герарда, в левой — новоприбывший чиновник, в направлении которого развернулись члены Финляндского сената. Подпись под карикатурой поясняет, что сенаторы шепотом обсуждают между собой гостя: «Теперь уже достоверно известно, что это генерал Бекман? Разве это не может быть Ренненкампф? Или Рейнбот? Или Закомельский?»¹⁴. Лео Мехелин, председатель хозяйственной части сената, шепчет: «Как бы то ни было», и затем, обращаясь в сторону гостя, говорит на ломаном русском языке: «Садитте, позаалуста!»¹⁵

Уходу с поста генерал-губернатора Н. Н. Герарда была также посвящена карикатура «На цветах и розах»¹⁶. В центре изображения помещена гора из всевозможных венков и цветов, а окру-

жающие ее скорчившиеся люди подобострастно протягивают адреса и прошения бюсту Герарда на вершине этой горы. За Герардом как бы из тени выступает новый генерал-губернатор Владимир Александрович Бекман. Эта карикатура высмеивает необыкновенные для проводов генерал-губернатора Финляндии овации, устроенные по преимуществу шведоманами и младофиннами¹⁷. Журнал «Курилка» как выразитель идей социал-демократической партии к этим «овациям» не присоединился.

Большое количество карикатур связано с вопросом о так называемых «военных миллионах». Россия обязала Финляндию выплачивать ей денежную компенсацию за освобождение финнов от воинской повинности. Сенат Финляндии считал требования России незаконными, поэтому деньги не выплачивались. В России же Министерство финансов уже посчитало эти деньги в бюджет государства. На одной из карикатур, опубликованных в апреле 1907 г., изображен российский министр финансов, считающий расходы и доходы империи¹⁸. Два года спустя проблема с выплатой «военных миллионов» продолжала оставаться весьма актуальной, поэтому на карикатуре, помещенной на обложку журнала от 30 января 1909 г., изображен собирательный образ «рюсся» (пренебрежительное название русского в Финляндии), который съедает (а точнее, пожирает) кусочек финляндского благосостояния¹⁹. Ниже под картинкой подпись: «Говорят, аппетит растет во время еды»²⁰.

Отдельный блок карикатур посвящен российской Государственной Думе и обсуждению в ней «финляндского вопроса». Некоторые карикатуры обыгрывают цитату из речи Столыпина по финляндским запросам в Государственной Думе. Так, на одной из них, озаглавленной «Редактирование газеты в Лаппеенранта», изображены военные с саблями, разгоняющие журналистов²¹. Подпись гласит: «В России сила не может стоять выше права», — сказал Столыпин. «Но в Финляндии может»²². Та же фраза приводится и в другой карикатуре²³. Человек слева не подписан, но можно предположить, что это В. А. Бекман, занимавший пост генерал-губернатора Великого княжества в 1908–1909 гг. Столыпин ударяет кулаком по столу: «В России сила не ставится выше права — но, если Финляндия не склонится к требованиям России, она пропала!»²⁴

В связи с тем, что дискуссии в Думе проходили очень оживленно, ряд карикатур высмеивал нападки представителей пра-

вых партий на финляндскую автономию. К примеру, на одной из них В. М. Пуришкевич с нахальным видом пишет что-то на заборе. Подпись под карикатурой поясняет его действия: «Пуришкевич во время написания работы. Планирует будущее Финляндии»²⁵. Данный карикатурный портрет, нарисованный финским художником, раскрывает характер политического деятеля и стиль его провокационных действий — в руке Пуришкевич держит полицейский свисток. На другой карикатуре Пуришкевич изображен в виде собаки, которая набрасывается на скачущую во весь опор лошадь, олицетворяющую российскую Думу, к спине которой привязана Дева-Финляндия²⁶.

Карикатура, названная «Финское право в Думе», показывает, какое будущее, по мнению журнала, уготовано Финляндии²⁷. На ней изображены весы, на которых расположились политические партии Государственной Думы — от националистов до социал-демократов. Благодаря нажиму правых партий весы превратились в гильотину, которая обезглавила женщину, по всей видимости олицетворяющую Финляндию.

Весы присутствуют и на другой карикатуре, посвященной будущему Великого княжества, которая получила название «Нивелирование»²⁸. На ней бородатый человек в русской форме с лицом, выражающим некоторое недоумение, и распухшим от алкоголя носом (что подтверждается двумя бутылками водки и рюмкой в нижней части изображения) держит весы, на одной чаше которых лежит «закон святой России», а на другой — «закон Финляндии»²⁹. Русский закон перевесил, так как человек с весами положил на них свою саблю.

Особое внимание в творениях карикатуристов журнала «Курилка» уделено визуальному образу человека-символа российской власти этого периода — Петру Аркадьевичу Столыпину, человеку, который твердо проводил курс на русификацию Финляндии, и даже последние слова которого были связаны с Финляндией³⁰. Примечательно, что журнал создает целую галерею различных «портретов» Столыпина, так как от номера к номеру прослеживается изменение и развитие образа данного представителя российской власти. На карикатуре «Кто спасет муниципальный совет» изображен Столыпин, весьма любезно выслушивающий финскую депутацию, взывающую к нему: «О великий Столыпин, не утверждай новый муниципальный

указ! Сохрани нас от великого и ужасного избирательного права! Аминь!»³¹

На другой карикатуре, названной «Грешная жена рядом с господином», женщина, олицетворяющая собой старофинскую газету «Ууси Суометар», плачет³². Она боится, что после того, как она столько врала людям, они не выберут ее (подразумевается старофинская партия) на выборах. На все проблемы женщины Столыпин, предстающий в образе святого с нимбом на голове, отвечает: «Ничего! Главное, чтобы ты была мне послушна»³³. В декабрьском номере журнала за 1908 г. создан образ мистического и таинственного Столыпина, размышляющего за курением табака. Он решает, что если не удастся получить деньги от Франции, то нужно будет высосать их из Финляндии³⁴.

На обложке майского номера журнала «Куриikka» за 1909 г. помещена карикатура, воспроизводящая известную картину финского художника Аксели Галлен-Каллела «Защита Сампо»³⁵. Подпись к карикатуре гласит: «Наша недавняя избирательная кампания, или Защита Сампо в настоящее время»³⁶. Таким образом, Столыпин предстает в образе злой старухи колдуньи Лоухи, хозяйки Похьёлы из эпоса «Калевала». Тему выборов также затрагивает картинка, где Столыпин выступает в роли шарманщика. А его обезьянка — это старофинская партия³⁷.

На некоторых карикатурах Столыпин показан как человек, представляющий угрозу для Великого княжества. На карикатуре, опубликованной в июньском номере журнала за 1908 г., Столыпин топчет льва, который, вероятнее всего, олицетворяет Финляндию, так как именно этот символ изображен на ее гербе. Название гласит, что это «новое разбирательство по Финляндскому делу»³⁸. На другой карикатуре, опубликованной в рождественском номере 1910 г., Столыпин с очень зловещим и кровожадным видом точит саблю³⁹.

На карикатуре под названием «Искажённое представление Финляндского дела и последствие этого» показано, что Столыпин прочитал, как сказано в подписи «Разбойные истории газеты “Новое время”», после чего ему повсюду мерещатся стреляющие человечки с ружьями, пушками и финскими флагами. Столыпин говорит (фраза приводится на финском языке с использованием некоторых русских слов, а также искажением на русский манер финских фраз): «Финляндии не нужна ни автономия, ни консти-

туция, ни конференция. Финляндии нужна цензура, жандармы и нагайка — вот, много нагаек!»⁴⁰

В мае 1911 г., когда положение Столыпина на посту председателя Совета министров становилось все более шатким, журнал напечатал карикатуру «Цирковой артист на национальной сцене»⁴¹. На ней Столыпин, с трудом балансируя, идет по канату в цирковом костюме, а люди бросают в него камнями. Подпись к карикатуре сообщает, что положение Столыпина — глупое и бессмысленное⁴².

В целом, рассматривая журнал «Курилка» в качестве источника по изучению образа российской власти в представлении финляндцев, необходимо отметить, что несмотря на то, что он был основан в 1904 г., вплоть до 1906 г. на его страницах практически не появлялись карикатуры, изображавшие русскую бюрократию. Однако начало так называемого «второго периода русификации» вызвало настоящий расцвет подобных карикатур, причем чаще всего они помещались на обложку журнала. Если среди «ранних» карикатур иногда встречались изображения российской власти, не связанные напрямую с событиями, касавшимися Великого княжества, то в карикатурах 1908–1911 гг. основное внимание уделялось роли России в определении будущего Финляндии. Журнал стремился создать отрицательный образ российской власти, хотя стоит упомянуть, что финляндские «буржуазные» чиновники часто подвергались на его страницах не меньшим нападкам.

В основном на карикатурах изображались российские чиновники, занимающие высшие посты в империи: С. Ю. Витте, П. Н. Дурново, П. А. Столыпин; генерал-губернаторы Великого княжества: Н. Н. Герард и В. А. Бекман, а также активно выступающий против финляндской автономии русский политический деятель ультраправого толка В. М. Пуришкевич. На страницах журнала «Курилка» также нередко встречаются и изображения собирательного образа российской власти.

Одним из любимых приемов художников-карикатуристов было использование стереотипов: собирательные образы России и русской власти неизменно сопровождались такими атрибутами, как водка, шапка, сабля, борода, рубаха, сапоги и т. д. Конкретные представители российской власти чаще всего изображались в одежде, не подчеркивающей их национальность. Следует отметить, что языковой стиль, в котором сделаны под-

писи в карикатурах, также является важным штрихом к «портрету» русской власти. Часто в тексте под изображениями использовались русские слова или искаженные на русский манер финские слова, чтобы подчеркнуть незнание финского языка российскими чиновниками, в том числе занимавшими должность генерал-губернатора Великого княжества.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в карикатурах журнала «Куриikka» Россия была показана устрашающей империей, где царила бюрократия, вешавшая недовольных. Вдобавок, по мнению журнала, российская власть стремилась всеми средствами ограничить автономию Великого княжества и серьезно ослабить его благосостояние, заставив финляндцев выплачивать «военные миллионы» в российскую казну.

¹ Подробнее о журнале «Куриikka» см.: Uino A. Kurikka – palanen työväenlehdistön historiaa // Historiallinen Aikakauskirja. 1986. № 4.

² Kosonen K. Interpreting Maps in the Press – the Finnish Historical Experience // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. СПб., 1999. С. 159.

³ Kurikka. 15.04.1906. № 7–8.

⁴ Сергей Юльевич Витте тогда занимал пост председателя Совета министров, а Пётр Николаевич Дурново был министром внутренних дел.

⁵ Kurikka. 15.04.1906. № 7–8.

⁶ Ibidem. 15.07.1906. № 14.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem. 01.11.1906. № 21.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Имеются ввиду военно-полевые суды.

¹¹ Kurikka. 01.11.1906. № 21.

¹² Ibidem. 01.10.1908. № 19.

¹³ Ibidem. 15.02.1908. № 4.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem. 01.03.1908. № 5.

¹⁷ Финляндия. Обзор периодической печати. Выпуск XV. СПб., 1910. С. 19.

¹⁸ Kurikka. 15.04.1907. № 7.

¹⁹ Ibidem. 30.01.1909. № 2.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem. 01.07.1908. № 13.

²² Ibidem.

²³ Ibidem. 30.01.1909. № 2.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem. 01.04.1909. № 7.

- 26 Ibidem. 01.07.1910. № 13.
- 27 Ibidem. 01.12.1911. № 24.
- 28 Ibidem. 15.09.1910. № 18.
- 29 Ibidem.
- 30 *Бок М. П. П. А. Столыпин. Воспоминания о моем отце.* М., 1992. С. 342.
- 31 Kurikka. 15.11.1908. № 22.
- 32 Ibidem. 15.07.1908. № 14.
- 33 Ibidem.
- 34 Ibidem. 01.12.1908. № 24.
- 35 Ibidem. 15.05.1909. № 10.
- 36 Ibidem.
- 37 Ibidem. 01.05.1909. № 9.
- 38 Ibidem. 15.06.1908. № 12.
- 39 Ibidem. 01.12.1910. № 23–24.
- 40 Ibidem. 01.02.1909. № 3.
- 41 Ibidem. 15.05.1911. № 10.
- 42 Ibidem.

Е. О. Дубинко-Гуща

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДАНИИ В 1970–1980-Е гг.

Зарубежная историография внешней политики Дании в 1970–1980-е гг., несомненно, представляет большой научный интерес, поскольку через изданные в конце XX — начале XXI в. исследовательские работы можно не только проследить оценки тех или иных авторов политической линии небольшого скандинавского государства, но и рассмотреть целый спектр складывавшихся тогда международных отношений на Севере Европы.

В этом отношении очевидно важным является фундаментальная работа, посвященная, прежде всего, сотрудничеству Скандинавских стран шведского исследователя Ф. Вендта, который подготовил монографию «Сотрудничество северных стран: достижения и препятствия»¹. Очень важно, что в этой книге подробно рассматриваются различные стороны взаимоотношений стран Северной Европы, анализируются особенности исторического процесса и их влияние на эволюцию политического, правового и культурного взаимодействия северных стран, открытие новых форм сотрудничества в области здравоохранения, защиты прав потребителей и окружающей среды. Сама работа имеет достаточно расплывчатые хронологические рамки, поскольку охватывает историю сотрудничества и взаимодействия Скандинавских стран начиная со Средних веков. Однако все же основной акцент автор сделал уже на периоде после окончания Второй мировой войны, послужившего, как известно, точкой отсчета для качественно новых форм сотрудничества. Тогда, как подчеркивает автор, на фоне изменений, произошедших

в международной системе во второй половине XX в., еще более актуальными стали вопросы экономической и военной интеграции северных стран. С этой точки зрения особую ценность представляет приведенный Ф. Вендтом анализ переговорных процессов между северными странами относительно создания экономического союза НОРДЕК, а также участия в таких альтернативных проектах, как ЕАСТ и ЕЭС. Сравнительно небольшой раздел посвящен проблемам общей политики безопасности северных стран и спорному вопросу о создании безъядерной зоны.

Проблемам северной интеграции посвящена работа и другого шведского автора О. Э. Андерсона. В своей монографии, изданной при поддержке Северного совета, особое внимание, прежде всего, уделено общественному мнению, касающемуся успехов и недостатков регионального сотрудничества северных стран². Здесь представляют несомненный интерес с точки зрения сравнительного анализа политики стран Северной Европы в контексте региональной интеграции, приведенные в книге данные социологических опросов жителей Скандинавских стран.

Интенсивному научному обмену между скандинавскими исследователями и тесному сотрудничеству между научно-исследовательскими центрами в области изучения международных отношений Скандинавских стран способствовало также наличие общескандинавских журналов «Cooperation and Conflict», «Scandinavian Political Studies», «Bulletin of Peace Proposals», «Internasjonal Politikk», «Journal of Peace Research», «Scandinavian Journal of History», «Kungliga Krigsvetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift», «Internationella Studier».

При этом общая специфика формирования внешней политики стран Северной Европы отдельно уже рассмотрена исследователем Б. Сунделиусом³. Его статья, опубликованная в 1984 г., стала частью целого проекта, осуществленного группой скандинавских исследователей по изучению влияния внутренних факторов на внешнюю политику Скандинавских стран.

В этом отношении выбор приоритетов в политике безопасности и послевоенная интеграция Норвегии и Дании в НАТО наиболее глубоко разработаны уже в норвежской историографии. Главной темой исследований в данном направлении стала роль Великобритании в формировании атлантического вектора (К. Э. Эриксен⁴, М. Скодвин⁵). Также данной проблемы

коснулся и финский исследователь, профессор Ю. Невакиви, который особо рассмотрел неудачную попытку создания скандинавского оборонительного союза в 1940-е гг.⁶ В частности, он на основании изученных им материалов дипломатической переписки, хранящейся в архиве британского Форин Офис, подтвердил, что именно Великобритания выступала инициатором проведения переговоров о создании скандинавского оборонительного союза в 1946 г., за три года до вступления Дании и Норвегии в НАТО.

Норвежская историография по проблемам внешней политики Дании также имеет свое естественное развитие и в работах собственно датских авторов. Причем здесь явно присутствует попытка осуществления сравнительного анализа стратегий безопасности в политики Дании и Норвегии, которая была предпринята в исследовании датского историка Н. Петерсена⁷. Автор явно стремится показать, что, несмотря на то что Дания и Норвегия сделали одинаковый выбор в пользу присоединения к НАТО в 1949 г., процесс принятия решений имел существенные отличия в обеих этих странах. Данное исследование, основанное на архивных документах МИДа Дании, департамента по международным делам Норвегии, госдепартамента США и британского Форин Офис, представляет собой серьезный вклад в дипломатическую историю стран Европы и Америки.

Участью Дании в военно-политическом блоке НАТО посвящена и другая работа этого историка — «Дания и НАТО в 1949–1987 гг.». Она была изданная Научно-исследовательским центром истории обороны в Осло⁸. Автор использовал подход игровых стратегий к внешней политике Дании, что делает восприятие исторических факторов несколько механическим. Тем не менее книга отражает исторические периоды политики безопасности Дании после окончания Второй мировой войны и является полезной для изучения деятельности Дании в НАТО.

Комплексный анализ политики безопасности Дании в контексте биполярного противостояния времен холодной войны предпринят также в работе датского исследователя Б. Хьюрлина⁹. В ней он уделил значительное внимание противоречивой политике Дании в отношении НАТО, проанализированы «нулевое решение» датского правительства по вопросу общего бюджета альянса и причины появления концепции «данизация».

Важной темой, волновавшей скандинавских исследователей, является попытка разработки теории скандинавского сотрудничества в области внешней политики и безопасности. В этой связи серьезного внимания заслуживает теория «северного баланса», разработанная скандинавскими исследователями Н. Андреном¹⁰, С. Линдбергом¹¹, Э. Норинном¹².

Э. Норин рассмотрел особенности практического использования трехмерной модели «северного баланса» с точки зрения различных позиций стран Северной Европы по вопросам обороны и внешней политики. С. Линдберг исключил Данию из «северного баланса» в силу ее тесных связей с Общим рынком и договоренностей с Германией в области обороны в рамках НАТО. Н. Андрен выделил центробежные и центростремительные силы, влияющие на равновесие «северного баланса» на глобальном и региональном уровнях.

Проблемы безопасности и создания безъядерной зоны в Северной Европе составляют отдельное направление в норвежской историографии. Различные подходы к вопросу гарантий безъядерного статуса Северной Европы отражены в научных дискуссиях Й. Й. Хольста¹³ и Г. Моде¹⁴. Позиции стран Северной Европы относительно размещения ядерного оружия на своих территориях изложены в статье финского дипломата, сотрудника посольства Финляндии в Брюсселе Р. Ньюберга¹⁵. Большое внимание стратегическому положению Дании в Балтийском регионе, ее политике в рамках НАТО и вопросу о Гренландии уделено в статье специального помощника заместителя министра обороны США Д. С. Закхейма¹⁶.

На фоне переговоров о вступлении Дании и Норвегии в Европейские сообщества в 1960–1970-е гг. влияние общественно-политических движений, объединявших противников европейской интеграции в этих странах, значительно возросло. Преимущества и недостатки участия в европейской экономической интеграции, альтернативные проекты экономической интеграции стран Северной Европы широко дебатировались как в политических, так и научных кругах. В связи с этим следует отметить работы Б. О. Ардаля¹⁷ и Н. Й. Йоргенсена¹⁸. Указанная книга норвежского дипломата Н. Й. Йоргенсена, работавшего на разных должностях в посольствах Норвегии в Брюсселе и Копенгагене, проливает свет на многие нюансы переговоров

о вступлении Норвегии и Дании в ЕС и первого председательствования Дании в этой организации.

Проблемы функционирования партийной системы Дании с точки зрения развития внешней политики и политики безопасности в 1953–1977 гг. изучены в работе И. Фарбю¹⁹. Автор вывел кривую поляризации политических партий, совпадающую с эволюцией международной системы от холодной войны к разрядке, затем к новому нарастанию международной напряженности.

Отдельную тему исследований составляют внешнеполитические программы политических партий в их предвыборных агитациях. Стратегии и тактики политических партий Дании накануне первых выборов в Европарламент были рассмотрены в работах К. Сёренсен²⁰, О. Борре²¹. Отношение датских избирателей к европейской интеграции было проанализировано исследователем Т. Уорре на основе проведенных социологических опросов²².

Интеграционным проектам в области обороны и свободной торговли стран Северной Европы посвящено немало исследований, среди которых можно, прежде всего, отметить работы Н. Андрена²³ и Б. Строта²⁴. Сотрудник Шведского института международных отношений Н. Андрен выделяет исторические причины неудачных попыток создания скандинавских оборонительного и экономического союзов, рассуждает об особенностях «паутинной интеграции», характерной для стран Северной Европы. Путем сопоставления дихотомий внешних / внутренних, краткосрочных / долгосрочных и экономических, а также политических факторов, влияющих на углубление интеграции северных стран, историк университета Гетеборга Б. Строт пришел к выводу об отсутствии «северной альтернативы» европейскому экономическому сотрудничеству.

Интерес представляет исследование Б. Хульдта о моделях голосования стран Северной Европы в рамках ООН. Автор дает количественную характеристику степени их разногласий в период холодной войны²⁵.

Внешняя политика Дании в отношении стран «третьего мира» рассмотрена в статье Х. Х. Хольма²⁶. Автор анализирует влияние нового международного экономического порядка на внешнюю политику Дании и делает вывод о тесной взаи-

мосвязи идеологических и экономических мотивов политики Дании в отношении развивающихся стран.

В континентально-европейской историографии внешняя политика Скандинавских стран, естественно, не получила столь широкого освещения. Немногочисленные публикации, посвященные общим вопросам международных отношений в Северной Европе, представлены в виде статей в таких журналах широкой международной тематики, как «Aussenpolitik» (Гамбург), «Europa-Archiv» (Бонн), «Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft» (Вена), «International Defense Review» (Женева), «Revue militaire Suisse» (Лозанна), «Revue du Marché commun» (Париж), «Défense nationale» (Париж), «Common Market Law Review» (Лейден). При этом авторами статей зачастую являются сами скандинавские исследователи.

В британской историографии проблемы внешней политики стран Северной Европы также обсуждались в общих журналах по международной политике, например: «International Affairs», «Contemporary Review», «Journal of Common Market Studies», «Electoral Studies», «World Economy». Проблемы Новейшей истории и внешней политики Скандинавских стран также зачастую представлены публикациями самих скандинавских историков. Так, основные дилеммы внешней политики Дании затрагиваются в работах датского историка Э. Бьеля²⁷. Однако имеются и собственно британские специалисты по международным отношениям стран Северной Европы. Например, актуальные проблемы внешней политики и безопасности Скандинавских стран рассматриваются в работах К. Ачера²⁸.

Среди монографий британских исследователей по истории Скандинавских стран следует выделить коллективную монографию профессора Лондонской школы экономики Б. Тернера в соавторстве со шведским политиком и журналисткой Г. Нордквист²⁹. Эта книга представляет собой первый сравнительный анализ современного политического, экономического и социального развития пяти стран Северной Европы. Авторы исследуют истоки северной модели и трудности ее дальнейшего функционирования, вызванные новыми тенденциями мирового развития. Современное развитие Скандинавских стран рассматривается с точки зрения широкой исторической перспективы, которая позволила авторам проследить эволюцию моделей

развития северных государств, раскрыть исторические, социальные и экономические причины, обусловившие выбор ими различных путей развития. Особое внимание уделяется участию Скандинавских стран в международных организациях и противоречиям, помешавшим созданию скандинавского оборонительного союза и организации Северного экономического сотрудничества НОРДЕК.

Отдельное направление в европейской историографии составляют публикации польских авторов. Трибунами обсуждения актуальных проблем внешней политики Скандинавских стран стали такие научные периодические издания, как «Sprawy Międzynarodowe», «Studia Scandinavica», «Komunikaty Instytutu Baltyckiego», «Acta Poloniae Historica».

В исследованиях польско-скандинавских отношений М. Анжеевского³⁰, Р. Попиньского³¹, пришедшихся на вторую половину 1980-х гг., были использованы источники на датском, норвежском и английском языках, что способствовало более широкой интерпретации исторических фактов. Авторы значительное место отводят польско-датским отношениям, предвосхищая особую роль Дании в будущей интеграции стран Балтийского региона.

Роль политических институтов в формировании внешней политики проанализирована в работах М. Гжибовского³². Автором осуществлен сравнительный анализ истории политических партий и эволюции их позиций по вопросам внешней политики стран Северной Европы, структура и роль парламента в формировании внешней политики Дании.

В американской историографии важное место отведено проблемам региональной безопасности северных стран. Значительное число публикаций по данной тематике представлено в таких научных журналах, как «Washington Quarterly», «Scandinavian Review», «Journal of Baltic Studies».

Концептуальный взгляд на теорию «северного баланса» предложен Н. Андреном³³. В статье рассматриваются региональные проблемы безопасности и внешней политики северных стран, составляющие «северный баланс» в контексте дихотомии отношений «Восток — Запад» в период холодной войны. Автор отмечает, что северная «паутинная интеграция», присущая взаимоотношениям северных стран на протяжении десятилетий,

очень мало влияет на их внешнюю политику в области безопасности³⁴. Вывод Н. Андрана о том, что северное сотрудничество является стабилизирующим элементом в регионе, по-прежнему остается актуальным в свете реализации проекта «Северное измерение», охватывающего страны Балтии и Россию.

Проблемы «северного баланса» в контексте взаимоотношений с СССР рассматриваются в статье П. Хегге, корреспондента норвежской газеты «Афтен Постен» в Вашингтоне и ведущего обозревателя советско-норвежских отношений в 1980-е гг.³⁵ В частности, автор указывает на негативную коннотацию «северного баланса» для советских политиков и дипломатов и анализирует влияние СССР на региональную интеграцию северных стран. Особое внимание уделяется проблемам участия Финляндии и Норвегии в ЕАСТ.

Стратегические интересы СССР в северном регионе и их влияние на внешнюю политику северных государств рассмотрены в статье Б. Хульдта³⁶. При этом акцент сделан на геополитической и военной расстановке сил в регионе.

Создание безъядерной зоны в Северной Европе было одним из наиболее важных и противоречивых вопросов на повестке дня северных стран в 1980-е гг. Политика безопасности Дании и проблемы достижения консенсуса в фолькетинге по вопросам внешней и оборонной политики рассмотрены в работах Н. Хэйерупа, директора Датского общества внешней политики и члена Европейского парламента от Либеральной партии «Венстре» (1979–1984)³⁷.

Взаимоотношения Скандинавских стран и НАТО рассмотрены в статье И. Дерфера³⁸. Несмотря на противоречивую позицию Дании по вопросам формирования военного бюджета и размещения в Европе ракет средней дальности, автор не ставит под сомнение приоритетность отношений с НАТО для небольших Скандинавских стран. Тем более что представители Дании и Норвегии принимали активное участие в разработке «отчета Армея», принятого в качестве доктрины НАТО в 1967 г. и положенного в основу политики разрядки в 1970-е гг.³⁹

Из монографий, изданных в США по внешней политике Скандинавских стран, особую ценность представляет книга норвежского исследователя Г. Лундстада⁴⁰. На основе богатой источниковой базы, которую составили материалы из архивов

США и Норвегии, автор проливает свет на проблему отказа от нейтралитета и выбора новых приоритетов во внешней политике Скандинавских стран после окончания Второй мировой войны. Большое внимание уделяется переговорам Дании, Швеции и Норвегии по созданию скандинавского оборонительного союза в рамках «карлштадтской формулы». Книга способствует пониманию как внутренних, так и внешних причин присоединения Дании и Норвегии к НАТО, помогает проследить истоки зарождения атлантической ориентации этих государств.

Таким образом, наиболее актуальными темами, привлекавшими внимание зарубежных исследователей в 1970–1980-е гг., были проблемы североевропейской интеграции, укрепления безопасности в регионе за счет создания безъядерной зоны и разоружения. В научной литературе явно уже тогда сформировались теоретические подходы к изучению «северного баланса» и его роли в отношениях между Востоком и Западом.

¹ Wendt, F. Cooperation in the Nordic countries: achievements and obstacles / F. Wendt. — Stockholm: Almqvist a. Wiksell Intern. for Nordic Council, 1981. — 408 p.

² Anderson, O. E. Working together? / O. E. Anderson, A. Ussing. — Stockholm: Nordic Council, 1983. — 61 p.

³ Sundelius, B. Foreign policy-making in the Nordic countries: an introduction / B. Sundelius // Coop. a. Conflict. — 1984. — Vol. 19, № 1. — P. 87–91.

⁴ Eriksen, K. E. Storbritannia, NATO og et skandinavisk forbund / K. E. Eriksen, M. Skodvin // Intern. Politikk. — 1981. — № 3. — S. 437–511.

⁵ Skodvin, M. Norden eller NATO? Utenriksdepartement og alliansespørgsmålet 1947–1949 / M. Skodvin. — Oslo: Universitetsforl., 1971. — 354 s.

⁶ Nevakivi, J. Scandinavian talks on military cooperation in 1946–1947: a prelude to the decisions of 1948–1949 / J. Nevakivi // Coop. a. Conflict. — 1984. — Vol. 19, № 3. — P. 165–175.

⁷ Petersen, N. Danish and Norwegian alliance policies, 1948–49: a comparative analysis / N. Petersen // Coop. a. Conflict. — 1978. — Vol. 14, № 4. — P. 193–210.

⁸ Petersen, N. Denmark and NATO 1949–1987 / N. Petersen. — Oslo: Nat. Defence College, 1987. — 52 p. Petersen, N. Denmark and NATO 1949–1987 / N. Petersen. — Oslo: Nat. Defence College, 1987. — 52 p.

⁹ Heurlin, B. Danish security policy / B. Heurlin // Coop. a. Conflict. — 1982. — Vol. 4, № 17. — P. 237–259.

¹⁰ Andrén, N. Prospects for the Nordic security pattern / N. Andrén // Coop. a. Conflict. — 1978. — Vol. 13, № 4. — P. 181–192.

¹¹ Lindberg, S. The illusory Nordic balance. Threat scenarios in Nordic security planning / S. Lindberg // Coop. a. Conflict. — 1981. — Vol. 16, № 1. — P. 57–70.

¹² Noreen, E. The Nordic balance: a security policy concept in theory and practice / E. Noreen // *Coop. a. Conflict.* — 1983. — Vol. 18, № 1. — P. 43–56.

¹³ Holst, J. J. A nuclear weapon free zone in Nordic Europe — some observations / J. J. Holst // *Coop. a. Conflict.* — 1984. — Vol. 19, № 1. — P. 83–85.

¹⁴ Maude, G. Conflict and cooperation: the Nordic nuclear-free zone today / G. Maude // *Conflict a. Coop.* — 1983. — Vol. 18, № 4. — P. 233–244.

¹⁵ Nyberg, R. Security dilemmas in Scandinavia. Evaporated nuclear options and indigenous conventional capabilities / R. Nyberg // *Coop. a. Conflict.* — 1984. — Vol. 19, № 1. — P. 59–82.

¹⁶ Zakheim, D. S. NATO's Northern front: developments and prospects / D. S. Zakheim // *Coop. a. Conflict.* — 1982. — Vol. 4, № 17. — P. 193–205.

¹⁷ Aardal, B. O. Economics, ideology, and strategy: an analysis of the EC-debate in Norwegian and Danish organizations, 1961–1972 / B. O. Aardal // *Scand. Polit. Studies.* — 1983. — Vol. 6, № 1. — P. 27–49.

¹⁸ Jørgensen, N. J. Norge mot Europa?: EF's utvikling og norsk Europa-politik / N. J. Jørgensen. — København: Forlaget Europa, 1982. — 252 s.

¹⁹ Faurby, I. Party system and foreign policy in Denmark / I. Faurby // *Coop. a. Conflict.* — 1979. — Vol. 14, № 4. — P. 159–170.

²⁰ Sørensen, C. L. Danish party policies on European and Nordic cooperation / C. L. Sørensen // *Coop. a. Conflict.* — 1979. — Vol. 14, № 4. — P. 171–191.

²¹ Borre, O. The Danish election to the European Parliament in June 1979: a new referendum? / O. Borre, J. Elkilt, O. Tonsgaard // *Scand. Polit. Studies.* — 1979. — Vol. 2, № 3. — P. 299–310.

²² Worre, T. The 1979 European election in Denmark: an analysis of participation, choice of party, and attitude towards Europe / T. Worre // *Coop. a. Conflict.* — 1981. — Vol. 16, № 2. — P. 73–89.

²³ Andrén, N. Prospects for the Nordic security pattern / N. Andrén // *Coop. a. Conflict.* — 1978. — Vol. 13, № 4. — P. 181–192.

²⁴ Stråth, B. The illusory Nordic alternative to Europe / B. Stråth // *Coop. a. Conflict.* — 1980. — Vol. 15, № 2. — P. 103–114.

²⁵ Huldt, B. The Nordic countries and the New International Economic Order: consensus and disagreement within the Nordic group / B. Huldt // *Coop. a. Conflict.* — 1979. — Vol. 14, № 2. — P. 149–157.

²⁶ Holm, H. H. Danish Third World policy: the feedback problem / H. H. Holm // *Coop. a. Conflict.* — 1979. — Vol. 14, № 2. — P. 87–103.

²⁷ Bjøl, E. Denmark and the changing importance of the Baltic / E. Bjøl // *The military buildup in the High North: American and Nordic perspectives* / ed. S. Jervell, K. Nyblom. — Landham, 1986. — P. 91–106; Bjøl, E. Denmark: between Scandinavia and Europe? / E. Bjøl // *Intern. Affairs.* — 1986. — Vol. 62, № 4. — P. 601–617.

²⁸ Nevakivi, J. Scandinavian talks on military cooperation in 1946–1947: a prelude to the decisions of 1948–1949 / J. Nevakivi // *Coop. a. Conflict.* — 1984. — Vol. 19, № 3. — P. 165–175; Archer, C. Greenland and the Atlantic alliance / C. Archer. — Aberdeen: Centre for Defense Studies: Univ. of Aberdeen, 1985. — 69 p.; Archer, C. Nordic security / C. Archer // *Contemporary Rev.* — 1983. — № 243. — P. 57–63.

²⁹ Turner, B. The other European community / B. Turner, G. Nordquist. — London: Weidenfeld a. Nicolson, 1982. — 307 s.

³⁰ Andrzejewski, M. Niektóre aspekty stosunków polsko-skandynawskich w okresie międzywojennym / M. Andrzejewski // *Studia Scandinavica.* — 1984. — № 7. — S. 59–72.

³¹ Popiński R. Ewolucja stosunków polsko-skandynawskich / R. Popiński // *Sprawy Międzynar.* — 1985. — Rocz. 38, z. 4. — S. 61–72.

³² Grzybowski, M. Organizacja i aktywność parlamentów nordyckich / M. Grzybowski. — Warszawa: Univ. of Warsaw, 1984. — 123 s.; Grzybowski, M. Systemy konstytucyjne państw skandynawskich / M. Grzybowski. — Warszawa: Wyd-wo Sejmowe, 1998. — 160 s.

³³ Andrén, N. The Nordic balance: an overview / N. Andrén // *The Washington Quart.* — 1979. — Vol. 2, № 3. — P. 49–62.

³⁴ *Ibidem.* P. 60.

³⁵ Hegge, P. E. The Soviet view of the Nordic balance / P. E. Hegge // *Washington Quart.* — 1979. — Vol. 2, № 3. — P. 63–74.

³⁶ Huldt, B. The strategic North / B. Huldt // *Washington Quart.* — 1985. — Vol. 8, № 3. — P. 99–109.

³⁷ Haagerup, N. J. Denmark's view on NATO and other security issues / N. J. Haagerup // *Scand. Rev.* — 1984. — № 72. — P. 35–41; Haagerup, N. J. Scandinavian NATO without nuclear weapons? / N. J. Haagerup // *Washington Quart.* — 1986. — Vol. 9, № 1. — P. 5–14.

³⁸ Dörfer, I. Scandinavia and NATO: à la carte / I. Dörfer // *Washington Quart.* — 1986. — Vol. 9, № 1. — P. 15–30.

³⁹ *Ibidem.* P. 28.

⁴⁰ Lundestad, G. America, Scandinavia and the Cold War 1949–1948 / G. Lundestad. — Oslo: Universitetsforl.; New York: Colombia Univ. Press, 1980. — 434 p.

Б. С. Жаров

**СКАНДИНАВСКИЕ СЛОВАРИ ПРОФЕССОРА
В. Ф. МАКСИМОВА**

Всем понятно, какое важное значение переводные, или двуязычные, словари имеют для общения людей, говорящих на разных языках. Естественно, это в полной мере относится и к скандинавско-русским словарям. Большую роль в этой области лексикографии сыграли преподаватели кафедры скандинавской и нидерландской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Первым, несомненно, следует назвать Валерия Павловича Беркова (1929–2010), одного из наиболее известных в нашей стране и за рубежом лексикографов. В 1962 г. он опубликовал «Исландско-русский словарь», первый в истории словарь для этой пары языков, до сих пор остающийся единственным. Заинтересовавшись теоретическими проблемами словарного дела, он написал много работ, которые вылились в докторскую диссертацию по двуязычной лексикографии. На протяжении нескольких десятков лет В. П. Берков один работал над созданием огромного «Русско-норвежского словаря», который был выпущен в 1987 г., а затем не раз переиздавался — словаря во многих отношениях новаторского, указывающего пути для будущих поколений составителей словарей. В 2003 г. в Осло вышел «Большой норвежско-русский словарь», который на протяжении многих лет создавался норвежско-российским коллективом под руководством В. П. Беркова. Помимо названных словарей, В. П. Берков выпустил несколько менее крупных.

Сарра Семеновна Маслова-Лашанская (1916–1990) была руководителем коллектива, который создал опубликованный

в Москве в 1976 г. «Русско-шведский словарь», в состав коллектива входили также другие преподаватели кафедры. Елена Всеволодовна Краснова — один из двух авторов «Датско-русского словаря», выпущенного в 2005 г. в Копенгагене.

Все названные словари составляли лингвисты. Но в Санкт-Петербурге / Ленинграде жил и работал человек, который, не будучи лингвистом по образованию, оставил тем не менее яркий след в скандинавско-русской лексикографии. Это Владимир Федорович Максимов (1914–2000) — профессор, доктор технических наук, один из крупнейших специалистов в области лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, охраны труда и охраны окружающей среды.

В. Ф. Максимов родился в городе Александрове Владимирской области. Позже его семья переехала в Архангельск, где он закончил среднюю школу, а затем получил высшее образование в Архангельском лесотехническом институте. После переезда в Ленинград он почти всю жизнь проработал в Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности, который в наши дни носит название Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров. Более 20 лет он возглавлял одну из крупнейших выпускающих кафедр по направлению «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов». Им были созданы научные лаборатории по проблемам охраны природных вод, очистки и рекуперации газопылевых выбросов многих целлюлозно-бумажных комбинатов в нашей стране. Он был организатором этой специальности, а также специализации «Производственная безопасность». Им создан новый факультет — для лиц, имеющих высшее образование, но нуждающихся в экологической подготовке, и этот факультет он возглавлял несколько лет. Множество книг и учебно-методических пособий по этим направлениям создано им или под его руководством. Он воспитал 14 кандидатов и 5 докторов технических наук.

Деятельность по всем этим направлениям всегда требовала массу времени и сил. Тем более удивительно, что В. Ф. Максимов находил время для составления словарей. Им опубликованы три фундаментальных словаря, о которых речь пойдет дальше.

Первое, что поражает, — это словари трех языков: шведского, норвежского и датского, правда находящиеся в родстве, но,

несомненно, разных. При этом В. Ф. Максимов никогда не был в Дании и Норвегии, а в Швеции был только один раз в 1961 г. около недели в составе делегации Ленинградского отделения Общества дружбы со Швецией, одним из организаторов которого он был.

Создавались словари в период огромных достижений в развитии науки и техники, сопровождавшийся появлением новых явлений и технологий и, соответственно, возникновением новых терминов для их обозначения.

Еще в 1930-е гг. В. Ф. Максимов регулярно просматривал шведский журнал «Svensk Papperstidning», поскольку было широко известно, что Швеция занимает ведущие позиции в области целлюлозно-бумажной промышленности. Однако шведско-русских словарей соответствующей тематики не существовало в принципе. То, что он сделал, было естественным порывом: лично для себя он стал составлять небольшой словарь. Но, не остановившись на этом, он целеустремленно собирал материал, постепенно расширяя тематику, поскольку других технических словарей для этой пары языков также не было.

В. Ф. Максимов записывал шведскую техническую терминологию сначала в тетрадях, затем черед пришел карточек в картотеке. Работа начиналась в те далекие времена, когда не было компьютеров, Интернета с его мощными ресурсами и такой ныне элементарной вещи, как ксерокс, он использовал минимум вспомогательных средств. Слова фиксировались с помощью обычной перьевой ручки и чернильницы с чернилами — боюсь, немногие сейчас представляют, о чем идет речь, а В. Ф. Максимов любил как раз простую ручку и чернильницу. Записывались слова на двусторонних карточках размера библиотечных, которые почему-то были в страшном дефиците, или же на чистой стороне библиотечных карточек. Объем словаря при таких условиях работы получался огромным. В. Ф. Максимов рассказывал, что по окончании работы материал шведско-русского политехнического словаря в Москву в Издательство иностранных и национальных словарей везли четыре человека: он сам и еще трое крепких мужчин.

Впервые плоды словарной работы В. Ф. Максимова увидели свет в вышедших, начиная 1940-х гг. общих шведско-русских словарях Д. Э. Милановой¹, которые содержали научно-техни-

ческую терминологию в значительном объеме. Как говорилось в предисловии к словарям, особое внимание уделялось тем отраслям, которые имели особо важное значение для Швеции: машиностроению, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности. В Шведско-русском словаре Д. Э. Милановой 1959 г. из 62 000 слов 8000 были научно-техническими терминами.

Затем пришел черед специальных скандинавских политехнических словарей, первым из которых появился на свет Шведско-русский словарь. В. Ф. Максимов был прекрасным организатором всегда и во всем. Он проработал шведско-иностранные технические словари. После того как были обследованы все отечественные библиотеки, он перешел на шведские библиотеки и шведские издания. По его просьбе библиотеки города выписывали всевозможные публикации, в том числе многочисленные выпуски Шведского центра научно-технической терминологии, а также разного рода рекламные справочники — все, что могло содержать нужный материал.

Техническая тематика понималась широко. Если существует пищевая промышленность, то необходимо было включить и сельскохозяйственную лексику, к разделу рыбообрабатывающей промышленности примкнул перечень промысловых рыб, к судостроению — лексика мореплавания и т. п.

Итогом почти тридцатилетней работы стал Шведско-русский политехнический словарь с 60 000 терминов, вышедший в Москве в 1964 г.² Возможно, кто-то на этом остановился бы. Но В. Ф. Максимов еще долгие годы продолжал пополнять свою шведскую картотеку. Стремительно развивались наука и техника, обновлялась терминология, его картотека пополнялась. И 30 лет спустя, в 1994 г., когда представилась возможность он, будучи в возрасте 80 лет, опубликовал новое, расширенное издание Шведско-русского политехнического словаря³, в котором содержалось более 70 000 терминов.

Практически одновременно с подготовкой шведско-русского словаря В. Ф. Максимов стал собирать «впрок» материал для других скандинавских словарей. В 1970 г. был выпущен Норвежско-русский политехнический словарь с 50 000 терминов, в работе над которым принял также участие его сын Леонид. Здесь учитывалась специфика наиболее важных отраслей норвежской экономики⁴.

Затем пришел черед датского словаря. В 1987 г. уже выходит Датско-русский политехнический словарь⁵. Работа над его составлением была уже совместная, и я также был привлечен к подготовке этого важного словаря. Причем, припоминая свое первое впечатление от пребывания в кабинете В. Ф. Максимова, где приходилось работать, запомнилось то, что вдоль стен стояли не так, как обычно, стеллажи с книгами, а шкафы с библиотечными ящиками, в которых находились словарные карточки. Если мне память не изменяет, количество словарных карточек приближалось к 200 000 — материал к словарям трех языков.

Во время первого этапа работы над словарем мы встречались раз в неделю. В большом портфеле, который я называл словарным, я приносил порцию проработанных карточек. Мы долго обсуждали сделанное, снимали возникшие вопросы, затем я уходил с очередной порцией карточек, уже подготовленных Владимиром Федоровичем и его сыновьями Леонидом⁶ и Георгием, также участвовавшими в работе над этим словарем.

Круг общения В. Ф. Максимова был безграничен. При возникновении какой-то проблемы ему ничего не стоило позвонить знатоку в нужной области той или иной науки и сразу получить авторитетный ответ, ему всегда шли навстречу.

В работе над словарем приняли участие научные редакторы отдельных разделов. Большую организационную помощь оказывала редакция научно-технических словарей издательства «Русский язык». Составителям данного словаря пришлось провести там две недели в одно жаркое лето. На более позднем этапе к работе подключилось — в новых исторических условиях это стало возможным — копенгагенское издательство «Гюльдендаль», что еще более повысило надежность словаря.

Миллионы людей пользуются словарями. Но очень немногие из пользователей вспоминают тех, кто делал эти словари. Поэтому исторической справедливостью будет выразить благодарность за три больших и очень нужных специалистам скандинавско-русских словаря их создателю — профессору Владимиру Федоровичу Максиму, сто лет со дня рождения которого исполняется в 2014 г.

¹ Шведско-русский словарь / Д. Э. Миланова. М., 1949. 650 с.; 2-е изд. М., 1959. 1296 с.; 3-е изд. М., 1962. 1057 с.; 4-е изд. М., 1973. 760 с.

² Шведско-русский политехнический словарь. Около 60 000 терминов / В. Ф. Максимов. М., 1964. 1257 с.

³ Шведско-русский политехнический словарь. Более 70 000 терминов / В. Ф. Максимов, Л. В. Максимов, Г. В. Максимов; Под ред. В. Ф. Максимова. М., 1994. 976 с.

⁴ Норвежско-русский политехнический словарь. Около 50 000 терминов / В. Ф. Максимов, Л. В. Максимов. М., 1970. 768 с.

⁵ Датско-русский политехнический словарь. Около 55 000 терминов / В. Ф. Максимов, Л. В. Максимов, Г. В. Максимов, Б. С. Жаров. М.; Копенгаген, 1987. 675 с.

⁶ Леонид Владимирович Максимов умер в 1992 г.

Н. В. Белкина

**СЛОВА КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ
(НА ПРИМЕРЕ ФИНСКИХ И РУССКИХ НЕОЛОГИЗМОВ
2013 г.)**

Язык — это система, которая не может постоянно находиться на одном месте. Он постоянно развивается, обогащается новыми понятиями и словами. Живой язык всегда пребывает в состоянии непрерывного изменения, и в результате этого в нем появляются новые слова, связанные с новыми открытиями, событиями, достижениями человечества. Новая лексика, несомненно, отображает инновации и в экономической, общественно-политической, и в духовной, культурной сферах, что образует понятие «культурологическое пространство».

Известно, что конец XX в. называют веком неологизмов. В развитых языках количество неологизмов, зафиксированных в газетах и журналах в течение одного года, составляет десятки тысяч. Процесс обновления языка, то есть процесс неологизации, — один из компонентов общего развития языковой системы. Как известно, неологизмы (от греческого *neos* — «новый», *logos* — «слово») — это слова, выражения или новые значения у уже существующих слов, появление которых в языке на определенном этапе его развития было вызвано необходимостью в именовании новых реалий или обозначении новых понятий, а также потребностью в новых выразительных средствах¹. Причем неологизмы представляют собой слова, которые являются абсолютно новыми лексическими единицами для данного исторического периода. Подобные слова еще не успели войти в активный словарный запас, поэтому могут быть не знакомыми определенной части населения.

Таким образом, новые слова и выражения (неологизмы) создаются для обозначения последних, появившихся недавно понятий, возникающей в той или иной культурной среде. Они номинируют политические и социальные явления, называют реалии моды (одежду, прически, обувь и пр.), продукты питания. При этом, как правило, старые слова приобретают новые значения или новые слова заимствуются из языка-донора. Также новые слова зачастую образуются из уже существующего в языке лексического и словообразовательного материала и в соответствии со способами, продуктивными в языке.

Для адекватного понимания новых слов необходимо учитывать как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, с помощью которых можно объяснить причины появления того или иного неологизма, в частности, культурную коннотацию, т. е. все возможные ассоциации, фоновые знания (культурный фон, на котором функционируют языковые единицы).

В настоящее время в российской лингвистике имеется значительное количество работ, посвященных изучению неологизмов. В частности, один из составителей двухтомного Большого англо-русского словаря, доктор наук Н. Н. Амосова, определяет неологизм как «слово, недавно появившееся в языке и ощущаемое говорящими как новое слово, связанное именно с текущим моментом жизни данного народа. Слово до тех пор считается новым, пока в нем ощущается новизна»². Похожее, но несколько иное определение дает преподаватель кафедры Общего и русского языкознания филологического факультета РУДН О. И. Александрова, которая считает, что это «новые слова или выражения, свежесть и необычность которых ясно ощущается носителями данного языка»³.

Иначе, хотя и достаточно близко к данным определениям является мнение академика, специалиста в области лексики, фразеологии, словообразованию, грамматике, этимологии русского языка и языку писателей д. филол. н. Н. М. Шанского. Он относит к неологизмам и слова, которые были созданы для обозначения тех предметов, которые уже имеют названия в языке. Однако этот крупный исследователь подчеркивает необязательный характер таких слов, объясняя их появление в языке «...необходимостью дать свежее, новое наименование тому, что свое обозначение в языке уже получило»⁴.

Также постарался дать собственное определение неологизмам крупнейший советский языковед, доктор филологических наук, профессор МГУ П. Я. Черных. Он в своей работе «Историко-этимологический словарь современного русского языка» определяет неологизмы как «...новое, недавно появившееся слово в речи, новшество в словарном составе языка»⁵. Где-то схожими к его представлениям являются взгляды ряда других известных лингвистов, таких как И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова, Л. М. Полищук, видевшие неологизмами новые слова, которые до этого не были зафиксированы в словаре. Однако, с другой стороны, автор монографии «Новые слова и словари новых слов» (М., 1983) Н. З. Котелова, критикуя данную точку зрения, отмечает, что «в этом случае к неологизмам будут отнесены и случайно пропущенные в словарях слова, и слова, сознательно игнорируемые авторами общих словарей по тем или иным причинам. Кроме того, если так понимать неологизмы, в языке, не имеющем словарей, не будет и новых слов»⁶.

Таким образом, определение неологизма остается в определенном смысле нерешенным вопросом, поскольку в российской лингвистике до сих пор нет единой точки зрения и относительно критериев определения слова как новой лексической единицы. Тем не менее в развитых языках каждый год появляются десятки тысяч неологизмов⁷. Большинство из них имеют недолгую жизнь, но некоторые закрепляются в языке надолго, входят не только в живую обиходную его ткань, но и становятся неотъемлемой частью словесности⁸.

По мнению известного советского лингвиста Р. А. Будагова, появление новых слов в языке связано с потребностью общества и оно осуществляется в выражении значения новых слов, появляющихся вследствие развития науки, культуры и техники, общественных отношений и т. д.⁹ Как отмечает в своих трудах Н. З. Котелова, важнейшими проблемами лексикологии является выявление особенностей развития языка в современном мире, как язык «ведет» себя в определенный период времени. Это требует, — как она считает, — совершенной работы лексикографов¹⁰. Развивая отчасти данную точку зрения, д. филол. н. С. И. Алаторцева указывает, что «неологизм появляется сначала в пределах какого-либо ограниченного социума, группы людей. И для носителей языка подобные лексические инновации еще

долго обладают выраженной стилистической окраской. Лишь с течением времени, когда у слова теряется эффект новизны и расширяется его сфера употребления, слово становится более или менее стилистически нейтральным»¹¹.

Тем не менее, существует несколько классификаций неологизмов, в основе которых лежат различные параметры¹². Очевидно при этом, что важным является кодификации, а также определение неологизмов по признаку стилистического оттенка, или по фактам употребления, или по количеству языков-реципиентов, по тематической типологии, по времени появления новых слов и т. д.

В этом отношении по кодификации можно классифицировать неологизмы на зафиксированные новые слова и незафиксированные, причем очевидно, что неологизмы, употребляемые в речи более одного раза, являются языковыми единицами и подлежат потенциальной кодификации. Что же касается параметра признака стилистического оттенка неологизма, то он здесь явно делится «на номинативные (госхоз) и номинативно-стилистические (стиляга)»¹³.

Также при классификации неологизмов параметр, отражающий факты употребления языковых и речевых неологизмов, требует учитывать, что к языковым неологизмам относятся и лексические, и семантические. Причем очевидно, что новые слова, появляющиеся в языке для обозначения новых вещей и понятий, принято называть собственно лексическими неологизмами (имиджмейкер, саммит, Интернет и т. д.). Если же используется старая форма слова, но ей приписывается новое значение, то говорят о семантическом неологизме. Кроме того, лексические неологизмы можно разделить на словообразовательные и заимствованные¹⁴. Причем очевидно, что заимствования, недавно вошедшие в язык, являются неологизмами, и наоборот, неологизмы, недавно проявившиеся в принимающем языке, являются заимствованиями. К семантическим неологизмам также относят словарные лексические единицы, получившие новое значение или дополнительный оттенок значения, а речевые неологизмы делятся на окказиональные неологизмы (окказионализмы) и потенциальные слова.

Касаясь же параметра, определяющего неологизмы по количеству языков-реципиентов, то здесь, несомненно, следу-

ет выделять неологизмы и неологизмы-интернационализмы. Причем необходимо указать, что в последнее время нередко один и тот же неологизм появляется сразу в нескольких языках, некоторые из них входят в активный словарный запас, другие остаются окказионализмами.

Важным также остается параметр классификации неологизмов по тематической типологии, где их можно разделить на социальные, научные, технические, медицинские, спортивные, финансовые, экономические, политические, культурные, общественно-политические, повседневные, терминологические и т. д. Не менее существенным является еще параметр классификации по времени появления новых слов. Действительно, фиксация времени появления неологизмов помогает при изучении многих исторических процессов.

Опираясь на исследования, которые были проведены компанией «Public.ru»¹⁵ и финского Института исследования языка¹⁶, можно четко заметить, какими новыми словами обогатился русский язык по итогам 2013 г. и какие слова, а также словосочетания приобрели особое знаковое или дополнительное значение.

Аналитики компании «Public.ru»¹⁷, исследовав более 7500 материалов средств массовой информации России, постаравшись зафиксировать неологизмы, а также учесть авторскую креативную лексику и вернувшиеся обратно в активное употребление редко используемые слова, термины и выражения. Здесь на первом месте в рейтинге оказалось слово «украинских революционеров» «евромайдан», а на втором — «титушки»¹⁸. И наконец, замыкает тройку лидеров новояза — 2013 г. слово «диссернет». В течение всего года СМИ активно публиковали громкие разоблачения в плагиате от интернет-сообщества, которое, по их собственному определению, «посвящает свой труд разоблачениям мошенников, фальсификаторов и лжецов» от образования и науки.

Тем не менее в этом же ряду неологизмов 2013 г., образованных от фамилий, стоят такие слова, как «пехтинг»¹⁹ и «мизулинг»²⁰, а также слово прошлого года, которое набрало еще большую популярность в уходящем, — «сердюковщина»²¹. Как отклик на общественно-политические события года на страницах органов массовой информации в 2013 г. появились такие неологизмы, как «госдура», «экоузник» и «алкокурьер», «креакл» (креативный класс), а также выражение «закон подлецов»²².

В конце 2013 г. в России обострилась ситуация с мигрантами, результатом чего появились еще нарицательными слова и словосочетания «*антимигрантский рейд*» и «*бирюлёвская овощебаза*». Последнее теперь используется и в переносном смысле для обозначения места волнений на национальной почве.

Одновременно, в финском языке, по данным интернет-сайта²³, появились такие слова, как «*oleskeluyhteiskunta*»²⁴, «*gayby*» (eng. *gay* + *baby*)²⁵, «*pöhinä*»²⁶, «*mummolaki*»²⁷, «*kukkahattutäti*»²⁸, «*vela*»²⁹. Также возникли термины, обозначающие гастрономические новшества нашего времени, которые нашли свое отражения на страницах газет и другой печатной продукции в форме «*митболов*»³⁰. Из других финских интернет-ресурсов³¹ известно, что появилось еще одно весьма необычное слово — «*natsitorttu*»³². Также очень популярным стало слово — «*nyhtöpossu*»³³. Свое место среди «гастрономических слов» появилось еще понятие — «*blondie*»³⁴, а также «*gluttaus*»³⁵.

В сегменте технологических новинок в 2013 г. лидером журналистского внимания стал «*йотафон*» — российский двухэкранный смартфон, а в финском языке «*phablet*» (eng. *phone* + *tablet*)³⁶ и «*puhelinparkki*»³⁷, а также «*alastonskanneri*», «*vartaloskanneri*»³⁸.

Социальные сети привнесли в группу неологизмов такие слова, как «*лук*», «*лифтолук*», «*туалетолук*», «*дакфейс*», а также «*селфи*» (фото самого себя, снимок-автопортрет), которое, однако, вошло в обиход российских журналистов только после того, как стало словом 2013 г. по версии Оксфордского словаря³⁹. По данным финских интернет-ресурсов⁴⁰ язык обогатился также словами «*feimi*»⁴¹, «*klikkausjournalismi*»⁴², «*some-katselu*»⁴³, «*virtuaaliterkkari*»⁴⁴, «*nettirasismi*»⁴⁵.

Безусловно, все вышеперечисленные примеры могут, следуя используемой классификации, распределены по соответствующим группам. При этом надо отметить, что некоторые ранее известные слова приобрели в 2013 г. особое значение, став знаковыми для общественно-политических явлений года.

Наибольший рост динамики упоминаемости терминов в материалах органов массовой информации в 2013 г. зафиксирован в системе «Public.ru» у слова «*евроинтеграция*». Очевидно, что популярность слова связана с желанием вступления Украины в Европейский Союз. Не менее часто в предолимпийский для

России год журналисты вспоминали и о «*факелоносцах*». Еще одним информационным трендом 2013 г. стало обсуждение «единого учебника истории» — в СМИ набрали популярность устойчивые словосочетания «*иго Золотой Орды*» и «*Великая российская революция*».

Неологизмы и возросшая упоминаемость слов и словосочетаний в 2013 г. достаточно ярко характеризуют основные направления общественной и политической жизни этого года. Какие из данных слов останутся далее, а какие уйдут в историю, покажет время.

¹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1986. С. 116.

² Амосова Н. Н. Лексикология английского языка. Л., 1955. С. 26.

³ Александрова О. И. Неологизмы и окказионализмы // Вопросы современного русского словообразования лексики и стилистики. Самара, 2004. С. 115.

⁴ Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. С. 170.

⁵ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1999. С. 569.

⁶ Котелова Н. З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 17.

⁷ Тем не менее сейчас в некоторых странах (Россия, США, Франция, Япония) уже существуют целые центры неологии, занимающиеся научным исследованием неологизмов, стандартизации языка, организующие информационно-справочную службу. Создаются словари неологизмов, представляющие материал для исследований по истории и теории языка.

⁸ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952. С. 125.

⁹ Будагов Р. А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике. М., 1951. С. 106.

¹⁰ Котелова Н. З. Неологизмы. С. 30–31.

¹¹ Алаторцева С. И. Проблемы неологии и русская неография // Дис. ... доктора филологических наук. СПб., 1998. С. 42.

¹² Крупнейший российский языковед, профессор Костомаров В. Г. (см.: Современный русский литературный язык. Учебник / Под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. М., 2003. С. 218) делит неологизмы на четыре группы:

1) называющие реалии и понятия, которых раньше не существовали;

2) называющие явления, которые уже имели место в жизни общества, но не получили по тем или иным причинам, в частности идеологического характера, своего наименования;

3) обозначающие реалии, не существующие в действительной жизни, но прогнозируемые, возможные в фантазиях, при дальнейшем развитии науки и техники;

4) дублирующие слова с тем же значением. Это могут быть полные (идеографические) синонимы, тождественные по значению и стилистической окраске.

¹³ Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. С. 141, 145.

¹⁴ Словообразовательные неологизмы — новые слова, которые образуются по моделям словообразования какого-либо языка. Заимствованные неологизмы подразделяют на внешние — это неологизмы, заимствованные из других языков, и внутренние — неологизмы, которые пришли в литературный язык из жаргонов и сленгов данного языка.

¹⁵ См.: www.public.ru.

¹⁶ См.: <http://www.kotus.fi/>.

¹⁷ Режим доступа: <http://www.rb.ru/article/glavnye-slova-2013-goda/7267117.htm>. Дата посещения: 14.03.2013.

¹⁸ Слово «*титушки*» означало определение лица спортивной внешности, занимающегося провокациями. Оно произошло от имени украинского спортсмена Вадима Титушко, ставшего известным после нападения на журналистов, освещавших события акции оппозиционного протеста. Кроме лидеров рейтинга, на страницах российских СМИ зафиксированы еще «*майдановцы*», «*майдауны*», «*майданутые*», «*майданобайкеры*» и «*майданобайтеры*», «*майданофраза*», «*майданофил*», «*евросодом*» и «*таежный союз*».

¹⁹ Так в определенных слоях общества стали называть процесс разоблачения российских чиновников.

²⁰ Слово, имеющее негативное обозначение в отношении проявлений борьбы в России с гомосексуализмом и педофилией.

²¹ Слово, обозначающее коррупцию, злоупотребления чиновников, а также безнаказанность коррупционеров.

²² Так в определенных слоях общества стали называть закон, направленный против усыновления российских сирот американскими семьями.

²³ Режим доступа: <http://www.kotus.fi/index.phtml?s-4181#2013>. Дата посещения: 31.03.2013.

²⁴ Этим словом обозначается общество тех, кто относится ко всему с безразличием.

²⁵ Слово, которое дословно можно перевести — «*гейбенек*», т. е. ребенок, воспитывающийся в однополой семье.

²⁶ Слово, которое можно перевести как «шум в прессе».

²⁷ Слово, обозначающее «*закон бабушек*», то есть закон, дающий право на проживание престарелых родителей вместе с детьми, не имеющими статуса гражданина.

²⁸ Дословно это слово можно перевести как «*тетя в цветочной шляпке*», т. е. обозначает человека, считающего себя вправе поучать других.

²⁹ Дословно это слово можно перевести как «*осознанно бездетный*», т. е. человек, сознательно отказавшийся иметь детей.

³⁰ Т. е. вид тефтелей, которые готовятся в печке, имеют размер средний между фрикаделькой и более крупной тефтелей. Название «*митбол*» происходит от английского слова *meatball* (фрикаделька), которое, в свою очередь, состоит из двух исходных слов *meat* (мясо) и *ball* (шарик, мячик).

³¹ Режим доступа: http://yle.fi/uutiset/natsistskaya_plyushka_gyeibenok_serichnevyi_-_kakie_yeshche_novye_slova_prokralis_v_finskii_yazyk_zh_poslednie_paru_let/7072928. Дата посещения: 17.03.2013.

³² Дословно — «нацистская плюшка». Слово, обозначающее популярную в Финляндии традиционную рождественскую выпечку, и, очевидно, возникло вследствие того, что некоторым в Финляндии, очевидно, мерещится в праздничном лакомстве его сходство со свастикой.

³³ Название «*nyhtöpossu*» происходит от английского слова *pulled pork 'revitty sianliha'*, т. е. свинина, разделенная на волокна.

³⁴ Это слово происходит от явного заимствования из английского языка и означает пирожное из белого шоколада, антоним «*брауни*», в рецептуру которого не входят темный шоколад или какао.

³⁵ «*Глютенка*» — диета, при которой человек придерживается безглютенового рациона, не имея медицинских к тому показаний.

³⁶ «*Плафон*», смартфон с необычайно большим, как у планшета, экраном.

³⁷ «*Телепарковка*», приспособление, обычно какой-нибудь забавной формы, в котором можно зафиксировать телефон для подзарядки или просто для того, чтоб его было легче найти.

³⁸ Сканирующий портал тела человека для досмотра.

³⁹ Ранее в российских СМИ вместо «*селфи*» использовалось слово «*самострел*».

⁴⁰ Uudet sanat kuvastavat yhteiskuntaa. Режим доступа: http://www.kielikukkanen.fi/2011/uudet_sanat_kuvastavat_yhteiskuntaa_0111_01.html. Дата посещения: 17.03.2013.

⁴¹ От английского слова «*fame*», т. е. «*звезда*» — насмешливое обозначение человека, ставшего известным благодаря социальным сетям.

⁴² Дословно — «*клик-журналистика*», написание новостей и в особенности заголовков в «жареной» манере с целью увеличить количество «кликов» и привлечь рекламодателей.

⁴³ Дословно — «*соцмедиа-просмотр*», т. е. процесс просмотра фильма или телепередачи, который сопровождается одновременным активным комментированием увиденного в соцсетях, в особенности распространено при просмотре спортивных передач.

⁴⁴ Слово, обозначающее виртуального консультанта (работающий в сети консультант по здоровому образу жизни).

⁴⁵ Слово, обозначающее сетевой расизм.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. И. Мусаев

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ
СВОБОДНО-ЦЕРКОВНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ ФИНЛЯНДИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Движение свободных церквей представляло собой характерное явление общественной жизни стран Северной Европы начиная с середины XIX в. Его развитие связано с кризисными явлениями, затронувшими государственные лютеранские церкви северных стран во второй половине XIX — начале XX в. Поиск новых форм церковной организации — так называемое «движение пробуждения» — нашел выражение, с одной стороны, во внутрицерковном движении, а с другой стороны — в появлении свободных общин, независимых от государства и официальной церкви. От внутрицерковных организаций свободные церкви отличались также тем, что имели преимущественно зарубежное происхождение (при этом их членами становились главным образом коренные жители северных стран), хотя некоторые общины зарождались и на местной почве.

Наиболее крупными и влиятельными среди свободноцерковных организаций (нашедших немало последователей в этот период не только в Скандинавии, но и во многих других странах Европы, вплоть до России) были общины баптистов, адвентистов, пятидесятников и методистов. Названные движения объединяет то, что они зародились на англо-американской почве и своим происхождением в той или иной степени связаны с кальвинистским течением в протестантизме (методистская церковь имеет связь также с англиканством).

Свободно-церковное движение появилось в Финляндии в середине XIX в. под влиянием англо-американской и шведской

церковной традиции. С 1850-х гг. начала действовать община баптистов. В 1880 г. проповедник К. И. Линдборг основал в г. Васа методистскую общину, а в ноябре 1884 г. была организована первая шведская методистско-епископальная община в Гельсингфорсе. Баптистские и методистские священники приезжали из Швеции и наибольший успех имели среди шведского населения Финляндии. Методисты в 1891 г. имели в Финляндии четыре прихода: в Гельсингфорсе, Або (Турку), Васа и Экенесе (Таммисаари). С того же года новый пастор шведской методистской общины в Гельсингфорсе Н. И. Розен повел активную проповедническую работу и среди финноязычного населения. В 1906–1907 гг. по инициативе преемника Н. И. Розена пастора К. Гуртинга в центре Гельсингфорса был выстроен методистский храм св. Эммануила¹.

В 1880-е гг. в Финляндии появились также представители Армии спасения (Salvation Army, фин. Pelastusarmeija) — движения, возникшего на основе Христианской ассоциации возрождения, созданной английским священником-методистом Уильямом Бутсом. Для него характерно сочетание религиозной пропаганды с социальной работой. Первое собрание Армии спасения в Гельсингфорсе было проведено в ноябре 1889 г. С тех пор собрания приняли регулярный характер, а начальницей Армии спасения в Финляндии была назначена Ядвига фон Гартман. Сам предводитель Армии спасения У. Бутс в 1909 г. посетил Гельсингфорс и С.-Петербург².

Правовое положение новых общин было определено постановлением от 11 ноября 1889 г., подписанным императором Александром III, которое разрешало образовывать легальные общины тем протестантским течениям, которые основывались на Библии и апостольском Символе веры. С того же года лица, принадлежавшие к нелютеранским исповеданиям, получили право занимать должности на государственной службе. Вскоре после принятия закона 1889 г. была основана так называемая Свободная миссия — первая свободно-церковная община, возникшая на местной почве. В начале XX в. в Финляндии возникла община пятидесятников³.

Если в первое время деятельность свободно-церковных организаций ограничивалась в основном Западной и Центральной Финляндией, то с начала XX в. они начали проникать также

в восточную часть Великого княжества и заниматься проповеднической деятельностью в районах Выборгской и Куопиоской Карелии, населенных православными. Православному духовенству и ранее приходилось противостоять в приходах Финляндской православной епархии лютеранскому натиску; теперь же, наряду с лютеранской, для финляндского православия появилась новая угроза. Настоятель православной церкви прихода Тайпале (в Куопиоской губернии) в 1906 г. сообщал, что его приход стали посещать «проповедники-сектанты: свободно-церковники, баптисты и чины армии спасения»; эти проповедники, по его мнению, были более опасны, чем лютеране⁴. Между Евангелическо-лютеранской церковью Финляндии и свободными общинами отношения складывались не всегда гладко. Однако при ведении «просветительской» работы в Карелии между представителями различных протестантских течений наблюдались сотрудничество и координация действий в условиях наличия общего противника в лице православия и русского влияния.

Как и деятельность лютеранских проповедников, «просветительская» работа активистов свободно-церковных организаций не ограничивалась финляндской Карелией и простиралась также на другую сторону административной границы. В справке Министерства внутренних дел обращалось внимание на активную пропаганду, которой занимались представители методистской церкви. Руководителем методистских миссионеров назывался доктор Альберт Симонс, «называющий себя суперинтендантом методистской епископальной церкви в Финляндии и России, известный Министерству по его неоднократным ходатайствам о разрешении свободного исповедания этого вероучения, до настоящего времени не легализованного, однако, в России»⁵. По сообщению «Московских ведомостей», методистско-епископальная карельская миссия имела свою главную квартиру в г. Борго (Порвоо), которая была там основана в марте 1909 г. Этот отдел карельской миссии был ориентирован главным образом на российскую Карелию и имел свой печатный орган — журнал «Rauhan sanomat» («Мирные известия»), издававшийся в Таммерфорсе (Тампере). Пропагандой среди финляндских карелов занимался комитет, учрежденный в Выборге в конце декабря 1906 г. с целью организации свободно-церковной карельской

миссии; его председателем был проповедник М. Сааринен. При миссии содержались проповедники, комитетом был организован и специальный женский миссионерский союз. Кроме того, в Келломяки на Карельском перешейке было основано «Восточно-карельское евангелическое общество»⁶.

Свой вклад в пропагандистскую деятельность в Финляндии пыталась вносить также Петербургская община евангельских христиан, которая хоть и не была финской по составу, но поддерживала связи с финляндскими, и лютеранскими, и свободно-церковными миссионерскими организациями⁷. «Финляндская газета», сообщая о беседе, которую проводил в Выборге евангелистский проповедник из Петербурга, замечала следующее: «Несмотря, однако, на то, что приезжие петербургские проповедники не отличаются ни красноречием, ни глубиной и оригинальностью мысли, послушать их собирается значительное число православных русских людей г. Выборга, и нельзя сказать, чтобы из простого любопытства»⁸.

Газета «Русское знамя» в статье «Новый заговор против православия в Финляндии» уделило внимание и Армии спасения: «Известно, что Армия спасения относится с презрением к проповеди и Таинствам Церкви Христовой и стремится заменить церковные уставы и порядки своими произвольными порядками и действиями и своей шумной солдатской игрой. Даже таинство крещения отвергается, как у баптистов. Тем не менее эта армия привлекает к себе бедных людей подаванием, а состоятельных и молодых — своей новизной и обещанием предоставить власть над умами народа с правом ораторства на собраниях. Армия спасения уже имеет и в Петербурге многих своих влиятельных членов, занимающихся всевозможными протекциями и ходатайствами в целях шведо-финских подкопов под Православие»⁹. В статье также говорилось о связях Армии спасения с российскими общинами евангельских христиан (пашковцев)¹⁰ и штундистов¹¹. Упоминался, в частности, епископ штундо-баптистов В. Р. Шмиленко, который приписался к купечеству и имел несколько квартир в Петербурге; он, как сообщалось, уже организовывал отправку своих миссионеров в православную Карелию¹². Настороженное отношение к деятельности Армии спасения проявлялось в записке финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна в Департамент духовных дел

в 1911 г.: в ней говорилось о подозрениях, что эта организация, «стремящаяся сплотить своих членов в компактные массы, с придачей им притом характера, пародирующего военную организацию», не лишена скрытых целей и может быть небезопасна для общественного порядка в стране¹³. С этим, скорее всего, было связано нежелание имперских властей допустить открытие учреждений Армии спасения на территории России: соответствующие ходатайства, поданные представителями этой организации в 1911 и 1914 гг., были отклонены Министерством внутренних дел¹⁴.

В 1909 г. в Гельсингфорсе открылось отделение петербургской общины евангельских христиан. Проповедник Александр Иванов начал читать проповеди на русском языке в церкви св. Эммануила. А. И. Иванов, бывший православный псаломщик, познакомился в евангелическими учениями в начале XX в., проживая в Англии. Вернувшись в Петербург, он перешел в евангельское христианство. Его религиозное рвение и талант проповедника привлекли внимание лидера российских евангелистов И. С. Проханова, который назначил Иванова проповедником сначала в Выборг, а затем в Гельсингфорс¹⁵. Основную массу слушателей проповедей А. И. Иванова составляли русские мастеровые, рабочие и мелкие служащие, а также матросы российских военных кораблей и солдаты гельсингфорсского гарнизона. Популярность проповедей Иванова среди солдат и матросов стала вызывать беспокойство властей. В 1912 г. в Департамент полиции поступило секретное донесение начальника Финляндского жандармского управления, в котором отмечалась «усиливающаяся деятельность в городе Гельсингфорсе секты методистов», «которые, отрицая церковь и священные обряды, стали проповедовать, между прочим, и идеи антимилитаризма». Штаб Свеаборгской крепости издал указ, запрещающий нижним чинам посещать религиозные собрания, проводимые Ивановым, а с самого проповедника взял подписку, что он обязуется не пускать солдат и матросов на свои проповеди¹⁶.

В 1913 г. среди гельсингфорсских евангельских христиан произошел раскол, причиной которого послужил сюжет из Деяний апостолов, повествующий о дарах Святого Духа, данных ученикам Христа в день праздника Пятидесятницы. В отличие от большинства христианских течений, принимавших положе-

ние о том, что дары Святого Духа были продемонстрированы людям лишь однажды, последователи новой секты считали возможным получение даров в результате крещения Святым Духом. А. И. Иванов возглавил эту группу, называвшую себя «свободными русскими евангелистами», и снял для нее отдельное помещение под молельню на Аннанкату. Из-за явлений религиозного экстаза, имевших место во время проповедей Иванова, его последователей иногда называли «трясунами» или отождествляли с пятидесятниками. Сам Иванов неоднократно выступал против этого и настаивал на самоназвании своей общины «Русские евангельские христиане»¹⁷.

В 1910-е гг. сектантское влияние на православных продолжало вызывать беспокойство руководства Финляндской епархии. В частности, в приходах Иломантси, Тайпале и Корписелькя в епархиальном отчете за 1911 г. отмечалось появление баптизма, который, впрочем, на православных оказывал незначительное влияние, находя больше последователей среди лютеран. В Тайпале, кроме того, продолжали действовать хихулиты (лестадиане).¹⁸ Епархиальный отчет за 1913 год констатировал: «Большие карельские приходы Салми и Суоярви сектантским движением еще не затронуты. В остальных ведется проповедь всякими протестантскими сектами, особенно баптистами, свободноцерковниками, пятидесятниками, Армией спасения, хихулитами и даже скопцами. Явных отпадений в упомянутые секты не замечено, но колеблющихся и тайных приверженцев много. Особенно подкупает православных секта пятидесятников, развивающаяся среди заводского населения в д. Ляскеле Сердобольского прихода»¹⁹. В Гельсингфорсе, Выборге и Терийоки, среди преимущественно русских прихожан, активность стали проявлять русские методисты, приезжавшие из Петербурга. В 1912 г. из православия в методизм перешли 28 человек, в 1913 г. — 38²⁰.

Совет Православного Карельского братства во имя Великомученика и Победоносца Георгия 28 декабря 1912 г. (10 января 1913 г.) проводил совещание, с участием представителей Финляндской духовной консистории и гельсингфорсского и терийокского приходов, для обсуждения мер борьбы с влиянием методизма²¹. Евангелисты, как констатировалось на совещании, пользовались в столице Великого княжества определенным успехом: «Собрания их бывают довольно многолюдные.

Во время проповедей на русском языке слушателей бывает от 200 до 300 человек. Слушатели преимущественно простой народ — рабочие, служащие разного рода, мелкие торговцы»²². Основную опасность для православных члены совета братства усматривали в том, что сектантские проповедники «в своих проповедях большею частью косвенно, а иногда и совершенно открыто, высказывают критическое отношение к учению и установлениям православной церкви и, пользуясь недостаточным умственным развитием своих слушателей, переносят замечаемые иногда у православных священников пороки и недостатки (например, нетрезвость, корыстолюбие, недостаток интереса к чтению слова Божьего и тому подобное) на весь строй жизни православной». В целях привлечения большего числа слушателей сектанты старались как можно дешевле продавать Священное Писание, не упуская случая подчеркнуть, что у православных оно продается дороже²³. Проблемы борьбы с сектантством обсуждались и на епархиальном съезде духовенства, происходившем на Валааме в июле 1913 г. Отмечалось, что «в Гельсингфорсе образовалась особая евангелическая община из бывших православных людей, и все более или менее видные города и селения епархии планомерно объезжаются евангельскими проповедниками»²⁴.

В мае 1913 г. на средства Георгиевского братства и причтов Гельсингфорса, Выборга и Терийоки в Финляндию был приглашен московский епархиальный миссионер Н. Ю. Варжанский, который провел в Гельсингфорсе несколько бесед «о сектантстве и диспутов с самими сектантами, известными в городе под наименованием “ивановцев”» (имелись в виду, по всей видимости, как раз последователи А. И. Иванова). «Финляндская газета» писала о беседе о сущности православия, проводившейся 2 (15) мая в помещении Александровской русской гимназии: «Н. Ю. Варжанский с успехом разбивал и подробно разъяснял все казуистические уловки “ивановцев”, которыми последние пользуются для уловления в свои сети темных масс простонародья; присутствовавший на собрании руководитель секты сам побоялся выступить»²⁵. Согласно решению особого совещания духовенства г. Выборга, в городе были организованы кратковременные миссионерские курсы, которые работали под руководством Н. Ю. Варжанского с 24 октября (6 ноября) по 8 (21) ноября 1913 г. На курсы вызыва-

лись «священники, диаконы и псаломщики зараженных и угрожаемых со стороны сектантов приходов епархии в количестве до 35 человек»²⁶. В начале ноября Н. Ю. Варжанский провел еще три беседы о сектантстве в зале училища памяти Н. И. Бобрикова в гельсингфорсском районе Сёрнес (Сёрняйнен). Особенно много публики собралось на третью беседу 6 (19) ноября. Речь шла о чине священства, и миссионер «с несокрушимой логикой доказал вред сектантского толкования о возможности совершать каждому Богослужения»²⁷. Меры, принимавшиеся для противодействия сектантской пропаганде, давали результат; в епархиальном отчете за 1914 г. отмечалось, что число отпадений из православия в секту евангельских христиан уменьшилось: в отчетном году в эту секту перешли лишь шесть человек²⁸.

Раскол А. И. Иванова и его сторонников с методистами усугубился в годы Первой мировой войны. Российские методисты были далеки от антивоенной пропаганды, неоднократно выражали свои верноподданнические настроения, молились о победе русского оружия и сами вступали в армию. Последователи Иванова в то же время начали организовывать «секретные собрания» на частных квартирах, продолжая антимилиитаристскую агитацию. Этого власти уже никак не могли терпеть, тем более что агитация начинала приносить плоды: участились побеги военнослужащих, причем Иванов давал им пристанище и оказывал помощь из общинных средств. В ноябре 1915 г. А. И. Иванов и трое его последователей были арестованы и высланы в Тургайскую область под надзор полиции, а собрания их общины были запрещены²⁹. «Финляндская газета», подводя итоги деятельности Православной церкви в Финляндии в 1915 г., комментировала эти события следующим образом: «Так называемые “евангельские христиане” продолжали свою пропаганду в Финляндии, хотя и не с таким успехом, как в прежние годы, и увлекли некоторых легковверных из православия в свою общину. Вожди “евангелистов” во главе с А. Ивановым, по сообщению финляндских газет, в последнее время выселены в глубь Империи, хотя пребывание их там еще менее желательно»³⁰. Собрания членов секты, однако, не прекратились и продолжались на частных квартирах вплоть до 1917 г.³¹

В независимой Финляндии церковь не была отделена от государства, однако руководство Финляндской республики де-

кларировало религиозную свободу. Конституция Финляндии, принятая в 1919 г., установила невмешательство государства во внутри-церковные вопросы. Закон 1923 г. провозгласил свободу религиозной совести. С этого времени граждане Финляндии получили возможность выходить из евангелическо-лютеранской церкви, не вступая в какую-либо другую общину. В 1923 г. была образована «Финляндская свободная церковь» (Suomen vapaan kirkko), ставшая самой крупной зарегистрированной свободно-церковной общиной в стране³². Немногочисленные последователи свободных церквей имелись и среди беженцев и эмигрантов из России, осевших в Финляндии после 1917 г. В Терийоки действовало русское отделение Финской свободной церкви, а в Хельсинки был основан «Русский Евангелический приход в Финляндии», в который вошли баптисты, методисты и представители некоторых других протестантских течений³³.

¹ Терюкова Е. А. Из истории возникновения методизма в России: русская община епископальных методистов в Гельсингфорсе в начале XX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002. С. 220, 223.

² Терюкова Е. А. Финляндский аспект истории появления Армии спасения в Петербурге в начале XX века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002. С. 92–93.

³ Мусаев В. И. Религия и церковь в странах Северной Европы: Учебное пособие. СПб., 2012. С. 251–252.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 442. Д. 2185. Л. 31.

⁵ Там же. Ф. 821. Оп. 5. Д. 1040. Л. 113–114.

⁶ Там же. Л. 113; Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 13. С. 334, 338; Миссионерское обозрение. 1907. № 1–6. С. 394–395.

⁷ Московские ведомости. 1909. 19 августа.

⁸ Финляндская газета. 1909. 27 марта (9 апреля).

⁹ Русское знамя. 1907. 24 июля.

¹⁰ Евангельские христиане («пашковцы», «прохановцы», «редстокисты») — протестантское течение, получившее распространение в России в конце XIX — начале XX в. Возникла под влиянием проповедей английского миссионера лорда Г. В. Редстока. Секту, основанную на его учении, организовал его последователь, отставной полковник В. А. Пашков. В 1884 г. «общество» было закрыто, а сам Пашков был вынужден уехать за границу. Тем не менее общины пашковцев продолжали существовать, и новый этап развития движения был связан с именем И. С. Проханова.

- ¹¹ Штундисты (от нем. «Stunde» — «час») — ряд сект в России, появившихся под влиянием немецких колонистов. Явились основой российского баптизма.
- ¹² Русское знамя. 1907. 24 июля.
- ¹³ *Терюкова Е. А.* Финляндский аспект истории появления Армии спасения в Петербурге. С. 94.
- ¹⁴ Там же. С. 95.
- ¹⁵ *Терюкова Е. А.* Из истории возникновения методизма в России. С. 224–225.
- ¹⁶ Там же. С. 226–227.
- ¹⁷ Там же. С. 225.
- ¹⁸ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2493. Л. 30.
- ¹⁹ Там же. Д. 2617. Л. 8.
- ²⁰ Там же. Д. 2555. Д. 14; Д. 2617. Л. 22 об.
- ²¹ Там же. Д. 2493. Л. 16 об.; Д. 2555. Л. 14–14 об.
- ²² Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге. Ф. 388. Оп. 1. Д. 5. Л. 84 об.
- ²³ Там же. Л. 85.
- ²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Там же. Д. 2617. Л. 37 об.
- ²⁵ Финляндская газета. 1913. 8 (21) мая.
- ²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2617. Л. 37 об. — 38; Финляндская газета. 1913. 8 (21 мая), 20 ноября (3 декабря).
- ²⁷ Финляндская газета. 1913. 20 ноября (3 декабря).
- ²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2678. Л. 18.
- ²⁹ *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965. С. 250.
- ³⁰ Финляндская газета. 1916. 23 января (5 февраля).
- ³¹ *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России. С. 250.
- ³² *Мусаев В. И.* Религия и церковь в странах Северной Европы. С. 252.
- ³³ *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 203.

М. В. Шкаровский

**РУССКАЯ ОБЩИНА
ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
И ХЕЛЬСИНКИ В XX в.**

Русская Покровская община занимает особое, довольно значительное место в истории религиозной жизни Финляндии в XX в. Она была основана в декабре 1925 г. в Вийпури (Выборге) бывшей купчихой, а позднее монахиней Анной Дмитриевной Пугиной (1866–1950) после перехода Финляндской православной церкви на финский язык в богослужениях и григорианский церковный календарь, что вызвало неприятие многих русских эмигрантов. Первое время группа таких эмигрантов в Выборге, входившем тогда в состав Финляндии, тайно от властей собиралась на квартирах для совершения молитв по старому стилю. Затем эту группу поддержала А. Д. Пугина, которая при посещении в 1925 г. Коневского монастыря пришла к мысли об открытии в своем доме частной церкви¹.

Возглавлял Покровскую общину в качестве настоятеля в течение почти 23 лет, с момента основания до своей смерти 19 июля 1948 г., известный в Финляндии пастырь протоиерей Григорий Евфимьевич Светловский (1872–1948), служивший в 1917–1925 гг. настоятелем церкви Казанской иконы Божией Матери в г. Терийоки (ныне г. Зеленогорск Ленинградской области). 7 декабря 1925 г. пастырь был по распоряжению выборгского губернатора выселен из Терийоки в Выборг за проведение весной того же года Пасхального богослужения по юлианскому календарю. В марте 1926 г. отец Григорий получил разрешение властей на проведение богослужений в течение 12 дней, в Страстную седмицу и на Пасху, но не было антими́нса, а посланный за ним

в Коневецкий монастырь к сосланному на покой архиепископу Финляндскому Серафиму (Лукьянову) член общины Стефан Хотенко из-за распутицы не успел к Пасхе. По другим сведениям, первая всенощная служба была совершена 11/24 апреля, в канун Вербной субботы. В мае члены общины представили требуемые по закону 20 подписей финляндских граждан под обращением к правительству с просьбой зарегистрировать общину. На Троицу гостем нового прихода был архиепископ Серафим (Лукьянов), однако он отказался взять на себя окормление общины².

Известный в Финляндии историк, профессор Наталья Башмакова, в своем исследовании «Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939» пишет об этих событиях так: «С 3 по 10 июля 1923 года прошли переговоры с Константинопольским патриархом Мелетием, в ходе которых была утверждена автономия Финляндской православной церкви в составе Вселенского патриархата с безоговорочным переходом на новый стиль начиная с 1924 года. Многие русские восприняли нововведение как отклонение от исконно православной веры. В 1926 г. в Выборге протоиереем отцом Григорием Светловским и некоторыми активными прихожанами была основана частная Покровская община, подлежащая экзарху западноевропейских православных церквей митрополиту Евлогию»³.

Официальную регистрацию община получила постановлением Государственного совета Финляндии в качестве частной религиозной организации 23 декабря 1926 г., что считается днем ее рождения. Сразу же была послана телеграмма в Париж митрополиту Евлогию (Георгиевскому) с просьбой дать благословение на освящение храма. Через несколько дней пришел ответ: «Благословляю протоиерея Светловского освятить храм в честь Покрова Божией Матери». В 1926–1939 гг. община собиралась на богослужения в Покровском домовом храме, устроенном в частном деревянном доме А. Д. Пугиной в Выборге и освященном о. Григорием Светловским перед Рождеством — 2 января 1927 г., в день памяти отца Иоанна Кронштадтского⁴.

Покровская община входила в состав русского Западноевропейского экзархата под управлением митрополита Евлогия (Георгиевского), в 1931 г. перешедшего из юрисдикции Московского патриархата в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Сам владыка Евлогий так прокомментировал ее создание: «Этот

акт имел значение отдушины, и новое, более либеральное, финляндское правительство с этим посчиталось и отнесло нашу организацию к линии “свободы совести”. Согласно закону, приход был включен в реестр религиозных организаций с правом совершать богослужения»⁵. Митрополит писал и о негативной реакции на деятельность русской общины главы Финляндской православной церкви архиепископа Германа (Аава): «Он и его Управление начали травить наш Выборгский приход, главным образом нападая на меня (как на русификатора). О. Светловский решил на травлю не отвечать, чтобы не потонуть во взаимном анафематствовании»⁶.

Каноническое подчинение Покровской и возникшей в 1927 г. в Хельсинки Никольской общины митрополиту Евлогию вызвало также недовольство Архиерейского Синода Русской православной церкви за границей, который в том же 1927 г. обвинил владыку в «водружении алтаря» на чужой канонической территории и во вмешательстве в дела автономной Финляндской епархии⁷. В ответ на эти обвинения митрополит Евлогий писал в своем послании: “Я думал, что с приездом в Лондон Арх [иепископа] Серафима я поручу ему управление этой общиной — тем более, что он очень сочувствовал учреждению этой независимой от официальной Финляндской Церкви общины и даже выдал ей св. Антиминс (то есть водрузил алтарь). Одновременно с этим я написал и управляющему Финляндской Церковью Арх [иепископу] Герману, прося его разрешить мне иметь упомянутую общину в качестве метоха”, и получил ответ, что Выборгская община вышла из состава Финляндской Церкви и что церковное управление этой Церкви не имеет к ней теперь никакого отношения. Вот и вся правда о моем “утверждении алтарей” и вмешательстве в дела Финляндской Церкви»⁸.

В декабре 1935 г. Покровский приход посетил викарий митрополита Евлогия, служивший в Праге епископ Бельский Сергей (Королев), который по поручению владыки объехал Швецию, Норвегию и Финляндию. По свидетельству митрополита Евлогия, приезд епископа в Выборг вызвал ликование. 29 декабря владыка Сергей рукоположил во диакона члена Покровской общины Григория Сандина. С 28 ноября 1938 г. протоиерей Григорий Светловский был благочинным церковью русского Западноевропейского экзархата в Финляндии. Численность членов входивших в благочиние Покровской и Никольской общин в это

время доходила до полутора — двух тысяч человек, среди которых подавляющее большинство составляли русские эмигранты⁹.

После начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг., когда стало ясно, что советские войска могут занять Выборг, произошла эвакуация. В декабре 1939 г. многие прихожане уехали в г. Кангасниemi, в 65 километрах от г. Миккели. Туда же переехали основательница общины А. Д. Пугина и протоиерей Г. Светловский. Затем о. Григорий с большим трудом добился у финляндских властей разрешения вновь посетить находящийся на осадном положении город, для того чтобы вывезти имущество церкви. Он выехал 27 января 1940 г. и в течение почти двух недель собирал и складывал иконы, священные сосуды, книги, облачения. 10 февраля с 40 ящиками церковной утвари и имущества общины протоиерей уехал в г. Кангасниemi, а 19 февраля в дом, в котором размещалась церковь, попала бомба и он был полностью разрушен¹⁰.

После окончания войны большинство прихожан переехало в Хельсинки, где о. Григорию удалось получить разрешения властей об открытии нового храма взамен утраченного. В середине июля 1940 г. был снят в аренду дом для проживания клира и проведения богослужений в районе Мейлахти, где уже в том же году возобновились богослужения. Хотя в ходе Второй мировой войны финские войска в июле 1941 г. вновь временно заняли Выборг, Покровская община осталась в Хельсинки. В ходе советских бомбардировок ее новый домовый храм не пострадал¹¹. После окончания войны митрополит Евлогий (Георгиевский) принял решение вернуться в лоно Русской православной церкви. Финские приходы были переданы в ведение митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), и, таким образом, 12 октября 1945 г. Покровская община была воссоединена с Московским патриархатом.

Митрополит Григорий посетил Хельсинки с 7 по 12 октября 1945 г. Основной целью его визита было оформить переход в юрисдикцию Русской православной церкви Ново-Валаамского и Коневского монастырей. В Покровской церкви владыка посвятил в диаконы Владимира Волкова, который остался служить там, помогая престарелому настоятелю о. Григорию. 19 июля 1948 г. скончался возглавлявший приход в течение 22 лет протоиерей Григорий Светловский. Согласно высказанному им еще до своей кончины желанию в настоятели был выбран о.

Владимир Волков, возведенный в священнический сан 9 октября этого же года.

1 января 1950 г. умерла основательница общины Анна Пугина, завещавшая свой личный капитал в пользу церкви. В июне 1951 г. на эти деньги и многолетние пожертвования других прихожан Покровская община смогла приобрести в собственность участок с домом на северо-западной окраине Хельсинки в районе Мунккиниemi, по адресу: Тиилимяки, 25. По проекту финского архитектора Илмари Ахонена силами самих прихожан в течение 15 месяцев был построен новый каменный храм, который освятили в честь Покрова Божией Матери 1 февраля 1953 г. Возведенный из красного кирпича храм был встроен между двумя существовавшими зданиями, и представляет единое архитектурное целое с расположенным справа приходским домом. Почти весь объем здания занимает двусветный церковный зал. Над входом поместили изображение Покрова Божией Матери, иконостас был выполнен племянником художника Ильи Репина¹².

В 1959 г. скончался настоятель о. Владимир Волков, и через некоторое время на эту должность был назначен протоиерей Борис Павинский. С 1960 г. правящим архиереем Патриарших приходов в Финляндии стал митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов), председатель Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата. 20 сентября 1965 г. митрополит Никодим выступил на богословском факультете Хельсинкского университета с докладом о церковном единстве. Это был его первый визит в Финляндию. В 1968 г. владыка вновь посетил Хельсинки, возглавляя делегацию Русской православной церкви на торжествах, посвященных празднованию столетия освящения Успенского кафедрального собора Финляндской православной церкви. Он также совершил богослужения в Покровском храме. Большой активностью отличался назначенный митрополитом Никодимом благочинный приходов Московского патриархата в Финляндии протоиерей Игорь Ранне. Он, в частности, старался больше объединить русские Покровский и Никольский приходы Хельсинки, проводя совместные заседания церковных советов.

В 1970-е гг. эта традиция продолжилась, кроме того, начался богословский диалог между Русской православной церковью и Евангелическо-лютеранской церковью Финляндии. Некоторые члены Покровской общины активно участвовали в организации

переговоров и являлись переводчиками на них. В это же время начали укрепляться связи между богословскими школами Русской православной церкви и молодежными православными организациями Финляндии. При каждом посещении делегаций из СССР Хельсинки, их члены совершали богослужения в Покровском храме. В мае 1974 г. свой первый визит главам Лютеранской и Православной церкви Финляндии нанес Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. В ходе этой поездки он совершил богослужения в Покровской и Никольской церквях.

В 1975 г. Покровский приход посещают ректор Ленинградской Духовной академии архимандрит Кирилл (Гундяев, нынешний Святейший Патриарх Московский и всея Руси) и протопресвитер Александр Шмеман из Нью-Йорка. Они также выступили с докладами на съезде духовенства в Куопио. В 1976 г. новым правящим архиереем Патриарших приходов в Финляндии стал архиепископ Выборгский Кирилл (Гундяев). В этом же году по состоянию здоровья протоиерей Борис Павинский попросил освободить его от должности настоятеля храма, на его место назначили иеромонаха Лонгина (Тальпина, впоследствии архиепископа Дюссельдорфского). Именно здесь будущий владыка начинал свой духовный путь, в 1978–1979 гг. он исполнял обязанности настоятеля Покровской церкви уже в сане игумена¹³.

Здесь же некоторое время жил и приобретал свой духовный опыт настоятель православного прихода в Осло игумен Климент. В это время в храме была начата практика проведения литургий раз в месяц на финском языке. Иногда их совершали архиереи Финляндской православной церкви. Так, например, в 1980 г. — митрополит Оулусский Лев, на Крещение 1981 г. — епископ Йоенсууский Алексей.

В августе 1981 г. настоятелем прихода был выбран священник Андрей Кудрявцев. В сентябре того же года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен совершил свой второй визит в Финляндию, во время которого служил Божественную литургию в Покровском храме. В декабре 1984 г. архиепископ Выборгский Кирилл в последний раз посетил свои финляндские приходы — вскоре он был переведен на Смоленскую кафедру. Новым правящим архиереем этих приходов был назначен председатель Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополит Минский Филарет, неоднократно служивший в Покровской церкви.

Вторая половина 1980-х гг. стала еще одним переломным моментом в жизни прихода. Завершился период резкого сокращения количества прихожан, и их численность в связи с постепенным переездом значительного количества русских финнов из СССР в Финляндию вновь стала расти. В 1987 г. в дни празднования 60-летия русских Покровского и Никольского приходов был освящен жилой дом Московского патриархата в Хельсинки.

Новым настоятелем Покровской церкви в 1985 г. был назначен о. Георгий Кильгаст, а после его смерти с марта 1986 г. — отец Михаил Поляченко. Еще в начале 1984 г. в Покровскую общину прибыла псаломщицей инокиня Марина (Дыба) из Корецкого монастыря, которая до настоящего времени служит регентом и псаломщицей храма, приняв монашеский постриг с именем Мария. В начале 1985 г. на приход впервые приехал новый священник-стипендиат Ленинградской Духовной академии Виктор Лютик, в 1999 г. он был избран настоятелем Покровской церкви. Митрофорный протоиерей Виктор Лютик, занимает этот пост до настоящего времени¹⁴.

Сейчас Покровский приход сохраняет свои старые традиции. Например, ежемесячно одна литургия и всенощная проходят на финском языке, раз в год проводится благотворительный базар. Устраиваются регулярные приходские праздники в помещениях Российского центра науки и культуры, акафисты с последующей духовной беседой с настоятелем и чаепитием по средам. Псаломщица монахиня Мария организовала прекрасную библиотеку, видеотеку и фонотеку. Часто в богослужениях в храме принимают участие находящиеся в гостях у прихода известные хоровые коллективы, певцы и артисты. Все посещающие с визитом Финляндию иерархи Русской православной церкви, как правило, совершают литургию в Покровском храме. Последние годы большую торжественность богослужениям придает диакон Димитрий, около десяти лет несущий это послушание.

Особенно важное значение имеют устраиваемые о. Виктором Лютиком дважды в год в зале Российского центра науки и культуры научные конференции — Покровские и Сретенские чтения, в которых выступают с докладами многие ведущие богословы и церковные историки из Санкт-Петербурга, Москвы, Великого Новгорода и других российских городов. Ежегодно приезжали и приезжают на эти конференции и русские православные ар-

хиереи: архиепископ Дюссельдорфский Лонгин, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии архиепископ Петергофский Амвросий и др. В ходе работы конференций проводятся концерты духовной музыки и пения. Следует упомянуть также, что протоиерей Виктор Лютик издает единственный русский церковный журнал в странах Северной Европы — «Северный Благовест».

¹ Мусаев В. И. Между Западом и Востоком: Православие в автономной и независимой Финляндии (1890–1930-е гг.). СПб., 2014. С. 490.

² Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник. М.; Париж, 2007. С. 414–415; Мусаев В. И. Современные конфессиональные проблемы региона специализации. Религия и церковь в странах Северной Европы: Учебное пособие. СПб., 2012. С. 219–220; Трохова И. В. Церковная история Выборга и его окрестностей. СПб., 2007. С. 163.

³ Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии // *Studia Slavonica Finlandensia*. Т. VII. Helsinki, 1990. С. 57.

⁴ Там же. С. 56–57; Трохова И. В. Указ. соч. С. 164.

⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 499.

⁶ Там же. С. 500.

⁷ Церковные ведомости. 1927. № 1–2. С. 4; Мусаев В. И. Между Западом и Востоком. С. 462.

⁸ Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 161–162.

⁹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Указ. соч. С. 500; Pavinsky H. Russian Orthodox Parishes in Finland // *Orthodoxy in Finland. Past and present*. Kuopio, 1984. P. 97–100; Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 170.

¹⁰ См.: Лютик Виктор, протоиерей. Приход Покрова Пресвятой Богородицы в Хельсинки // Северный Благовест. 2007. № 2 (11). С. 26–30.

¹¹ Жаворонкова Н. Пасха / Публ. и комментарии В. Ю. Черняева // Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012. С. 324.

¹² См.: Михаил, епископ. Патриаршая Покровская община в Хельсинки // Журнал Московской патриархии. 1954. № 11.

¹³ См.: Лютик Виктор, протоиерей. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

Т. Г. Фруменкова

**ИЗ ЖИЗНИ ОКРУЖНОГО НАДЗИРАТЕЛЯ
ФИНЛЯНДСКОГО ОКРУГА
ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА
И. Ф. ЛАШКЕЙТА (1820–1850-е гг.)**

Петербургский воспитательный дом начал прием младенцев, потерявших родителей, в октябре 1770 г. Вопреки убеждениям своего основателя И. И. Бецкого, бывшего противником раздачи грудных питомцев для вскармливания в семьи горожан и крестьян, недостаток кормилиц в самом доме вынудил и его пойти на эту меру. После смерти И. И. Бецкого и Екатерины II в 1797 г. «главноначальствующая над воспитательными домами» императрица Мария Федоровна узаконила это положение. По введенным ею правилам в каждом из двух воспитательных домов (в Москве и Петербурге) должны были оставаться по 500 штатных детей, всех остальных полагалось передавать за плату в семьи крестьян и «городских обывателей». После смерти матери в 1837 г. Николай I приказал отправлять на воспитание в деревню всех питомцев воспитательных домов неизвестного происхождения, и к тому времени во всех окрестностях столицы размещались сельские округа воспитательного дома.

На северо-западе губернии один из них — Заречный округ, располагавшийся на правом берегу Невы и на Карельском побережье, — вплотную подошел к границам Великого княжества Финляндского, и в 1840 г. по просьбам бедных финских крестьян, нуждавшихся в дополнительном доходе, был организован Финляндский округ, а его окружным надзирателем опекунский совет назначил И. Ф. Лашкейта. В этом состояло отличие Финляндского округа от остальных сельских округов столичного

дома, которые возглавляли окружные врачи. Видимо, заранее предполагалось, что руководитель почти заграничного округа столкнется в первую очередь с административными трудностями. С медицинскими проблемами нового округа должен был по совместительству справляться окружной врач соседнего Заречного округа М. Македонов.

Иван Федорович Лашкейт происходил «из досмотрщицких детей Нарвской портовой таможни» и недвижимостью не владел. В 1818 г. он поступил «на испытание в фельдъегерский корпус в число кандидатов», а в апреле 1819 г. был «от того корпуса уволен». В мае 1820 г. И. Ф. Лашкейт в первый раз был принят «на опыт» на вакансию окружного надзирателя Петербургского дома, но 1 апреля 1821 г. последовала резолюция: «По неспособности уволить». Неизвестно, при каких обстоятельствах 1 декабря того же года он вновь был принят «на опыт» уже на конкретную вакансию «надзирателя Заречной округи». 8 июня 1822 г. Мария Федоровна утвердила доклад совета об определении И. Ф. Лашкейта в «ведомство деревенской экспедиции окружным надзирателем». 22 мая 1825 г. он получил первый классный чин коллежского регистратора. 3 октября 1827 г. «в звании окружного надзирателя» И. Ф. Лашкейта определили «при враче Заречного округа в помощники». В округе финских крестьян-воспитателей было, вероятно, не меньше, чем русских, к тому же помощник окружного врача имел возможность объясняться с ними. Документы утверждают, что он знал финский язык. Можно предположить, что он с детства говорил по-эстонски, так как жил в Нарве. Это, скорее всего, и помогло ему общаться на финском языке. Карьера развивалась успешно: в 1829 г. И. Ф. Лашкейт был произведен в губернские секретари, а в 1831 «ревностную службу» получил в награду «единовременно 300 руб.»¹.

Положение на службе не меняли и различные правонарушения. Окружному надзирателю не раз приходилось пересекать границу Великого княжества Финляндского. В ноябре 1827 г. Петербургский земский суд потребовал от воспитательного дома объяснений в связи с задержанием И. Ф. Лашкейта на таможне. Согласно рапорту самого надзирателя, во время его проезда «по деревням для осмотра питомцев» на дороге между деревнями Коронза и Саргасари он купил «у проезжающего не-

известного... крестьянина бочонок хлебного вина мерою около ведра» и при проезде через Коронзарскую заставу был остановлен таможенником, который отобрал у него «упомянутое вино, лошадь и сани». Естественно, И. Ф. Лашкейт пояснял, что приобрел вино «для себя, для терения тела от простудной и ломотной болезни»². Судя по его личному делу, история осталась без последствий.

В сентябре 1834 г. совет получил первое из заявлений И. Ф. Лашкейта, рассказывающее о его личных проблемах. Он напомнил, что ранее не утруждал совет своими просьбами, но теперь «по встретившемуся несчастному случаю лишившись законной... жены и не имея средств и достатка предать тело земле», просил за 13-летнюю службу по бедности выдать ему сумму, необходимую на похороны. Император утвердил представление об отпуске И. Ф. Лашкейту 300 руб. Весной 1835 г. окружной надзиратель, как требовал закон, подал прошение о желании вступить во второй брак. Невестой вдовца-лютеранина стала православная девица, дочь умершего купца Булычева Надежда Васильевна. К свадьбе он получил дополнительный годовой оклад.

В 1836 г. на И. Ф. Лашкейта поступила следующая жалоба. Окружной врач М. Македонов поведал, что 2 марта два воспитанника, подростки 16 и 12 лет, находившиеся «на воспитании» у надзирателя, ушли из его дома и прибыли в лазарет Заречного округа. Они со слезами жаловались «на жестокие поступки, Лашкейтом безвинно им наносимые, и на худое продовольствие и обувь», а также просили «усердно... вникнуть в их положение», умоляли, чтобы «ближайший начальник» их обидчика защитил их «от беспрестанных побоев, переместив к другому какому-либо воспитателю». По словам врача, такие жалобы ранее неоднократно доходили до него «от питомцев, вверенных г. Лашкейту для собственных его прислуг». Он уже несколько раз «снисходил г. Лашкейту в подобных поступках и возвращал их обратно, оставив их слезы и просьбы без внимания». Однако на этот раз он решил принять в уважение «мольбу и невинные их слезы и, вняв справедливой их просьбе, переместил первого в д. Вартемяки воспитателю Даниле Романову а последнего в д. Кауголово воспитателю Тахван Кеки». Окружной врач спрашивал, сохранил ли после этого случая надзиратель право «иметь для собственной прислуг питомцев» из вверенного ему округа³.

Директор деревенской экспедиции П. И. Мей уведомил М. Македонова, что «нет закона ни pro, ни contra снабжения помощника его казенною прислугою», но он имеет даже повеление почетного опекуна «дать ему, Лашкейту, воспитанницу и воспитанника в том предположении, что дети сии найдут у него, по вероятности, лучшее содержание и соответствующее их возрасту занятие, чем у какого-либо крестьянина. Теперь г. Лашкейт сам лишил себя права пользоваться прислугой из наших питомцев». П. И. Мей заявил, что одобрил бы распоряжение М. Македонова о переводе ребят в деревню, если бы он поместил и второго воспитанника не в «чухонскую деревню Кауголово», а к русскому воспитателю в Вартемяках или Мурине⁴. Итак, И. Ф. Лашкейт лишился бесплатных слуг-подростков из числа питомцев. Это, видимо, было единственным наказанием за жестокое обращение с ребятами.

В ноябре того же 1836 г. надзиратель ехал на объезд «по худой дороге и переломил себе ключицу левого плеча». Почетный опекун граф М. Ю. Виельгорский обратился к статс-секретарю Г. И. Вилламову с просьбой выделить пострадавшему, который «крайне недостаточен» и отличается «примерно усердной службой», дополнительный годовой оклад на лечение. Вскоре это решение утвердил и император⁵.

Через несколько лет, в январе 1840 г., И. Ф. Лашкейт, как уже говорилось, получил повышение: стал окружным надзирателем нового Финляндского округа, и сразу же вступил в очередной конфликт. В июне 1840 г. М. Ю. Виельгорский получил письмо от президента Петербургской евангелически-лютеранской консистории П. Пезаровиуса, который сообщил почетному опекуну, что в середине 1820-х гг. пробст Скотте из Токсова разрешил И. Ф. Лашкейту построить дом на церковной земле, «не назначая ему срока, до которого он мог пользоваться дозволением, ибо пробст, не желая иметь прибытка с этой земли, согласился на то только по настоятельной просьбе Лашкейта». В 1840 г. Скотте неожиданно увидел в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление о продаже дома И. Ф. Лашкейта, а разрешения на его продажу надзиратель не спрашивал. Пробст пояснил бесплатному арендатору, что дом построен на церковной земле и владелец «должен снимать свое строение». Тогда И. Ф. Лашкейт «грубостью и неучтивостью хотел принудить его к желае-

мому дозволению», и священник отказался с ним разговаривать. Церковному начальству удалось уговорить Скотте «по бедности Лашкейта» разрешить ему остаться в доме в течение лета и затем разобрать и перенести его⁶.

К этому времени опекунский совет уже принял распоряжение о командировании титулярного советника И. Ф. Лашкейта в Финляндию и передаче ему надзора над округом. Ему приказали «принять новое место жительства» и обещали помочь деньгами. На квартиру надзирателю нового округа дополнительно было выделено по 100 руб. сер. в год. В марте 1840 г. он представил в Совет перечень финских деревень, жители которых выразили желание принять питомцев и список привезенных в Финляндию детей. В мае 1840 г. И. Ф. Лашкейт доносил в Совет, что уже переехал из Токсова в Финляндский округ⁷. Между тем конфликты вокруг надзирателя не прекращались. В марте 1841 г. из опекунского совета ему препроводили жалобу портного Александра Петрова. Он сообщал, что И. Ф. Лашкейт не заплатил ему 11 руб. 35 коп. за нижнее белье⁸. Чем закончилось разбирательство, из документов неясно.

Вскоре последовали и жалобы финских крестьян. Директор воспитательного дома переслал их самому И. Ф. Лашкейту. В декабре 1842 г. группа крестьян Финляндского округа сообщила о «несправедливых и притеснительных распоряжениях» надзирателя, как во время «приглашения крестьянок в кормилицы, так и при переводе питомцев от одного воспитателя к другому под предлогом неблагонадежности самих воспитателей». И. Ф. Лашкейт дал пояснения только по одному из эпизодов жалобы. Он утверждал, что двухлетние питомцы Григорий и Авдотья Ивановы были отняты у воспитателя Томаса Урбоне не без причины, а потому, что были «вовсе изнурены от скудного содержания и несмотрения, все были в болячках и коросте». По словам И. Ф. Лашкейта, «даже прочие воспитатели» не раз сообщали ему о том, что Урбоне «очень худо содержит оных питомцев». Несмотря на объяснения И. Ф. Лашкейта, деревенская экспедиция после жалобы вернула детей прежнему воспитателю, а ее директор написал надзирателю, что ему «наистрожайше предписывается... 1-е, вам воспрещается переводить детей от одного воспитателя к другому без особенного на то предписания экспедиции; 2-е, вы должны приглашать кормилиц

не иначе, как в деревнях во время объезда, и лично удостоверюсь, что женщина, желающая взять к себе на воспитание питомца, не имеет другого грудного ребенка; 3-е, больные дети, находящиеся на воспитании в деревнях Финляндского округа, должны быть отправлены в сельский лазарет только тогда, если деревня отстоит от лазарета не далее 20 верст, и кормилиц из деревень дальнейшего расстояния вновь не приглашать; 4-е, все билеты питомцев, должны быть вами подписаны ежемесячно непременно, иначе вы подвергнетесь ответственности; 5-е, в каждые два месяца 5-го числа вы обязуетесь быть лично в экспедиции при раздаче жалования крестьянам Финляндского округа»⁹.

Выходит, начальство посчитало надзирателя виновным в неправильной, незаконной передаче детей от одного воспитателя к другому, в том, что «билеты», по которым кормилицы получали в столице детей на воспитание, выдавались женщинам, имеющим своих грудных детей (полагалось давать их тем, у кого свои малыши умерли), что в лазарет Заречного округа отвозили больных детей за 30 и более верст, а это лишь увеличивало смертность. Подпись надзирателя на билете подтверждала, что с ребенком все в порядке и воспитатели могут рассчитывать на плату за воспитание.

И. Ф. Лашкейту, должность которого на протяжении почти двух десятилетий официально именовалась «помощник окружного врача в Заречном округе, командированный для надзора за питомцами в Финляндском округе», приходилось решать особые сложные проблемы, возникавшие вокруг вскармливания и воспитания детей в финских деревнях (бороться с трудностями, которые финляндские власти создавали при переходе границы кормилиц с детьми, противостоят странной привычке крестьян подолгу не хоронить умерших питомцев, а также обычаю закладывать билеты воспитательного дома ростовщикам).

Надзиратель, очевидно, отличался неуживчивым характером и буйным нравом. В декабре 1848 г. в деревенской экспедиции пришлось разбирать взаимные жалобы надзирателя и крестьянина друг на друга. Крестьянин Александр Лебедев из д. Карлова обвинил надзирателя в том, что он «делал разные тяжкие и незаконные притеснения ему и многим крестьянам-воспитателям питомцев». Если верить доносителю, И. Ф. Лашкейт по несколько месяцев не бывал во многих деревнях для осмотра питомцев

и «в порыве гнева своего» разорвал несколько билетов на мелкие кусочки. Крестьянин предъявил клочки бумаги в экспедиции, но разобрать, на кого из детей они были выписаны, не удалось.

В конце 1848 г. крестьянин Петр Тукия пожаловался, что надзиратель незаконно отнял у него воспитанника. И. Ф. Лашкейт объяснил, что крестьянин не показывал своего питомца на смотрах в течение четырех месяцев, а билет его находился в той же деревне у Юхана Лелита «за купленную им лошадь, который и являлся ко мне двоекратно для подписки билета». Не удостоверившись, что с ребенком все в порядке, надзиратель не имел права подписать документы. Он потребовал, чтобы «явили воспитанника». Когда его требование было исполнено, он передал питомца другому воспитателю, что и явилось основанием для жалобы¹⁰.

Для объяснений И. Ф. Лашкейт был немедленно вызван в экспедицию с объездной книгой, которую ему полагалось вести, и с объяснением, на каких питомцев и за что он разорвал билеты¹¹.

По итогам разбирательства последовало новое предписание, уже из 6 пунктов: «1. Вы не имеете права собирать детей в один общий сбор, если деревня, где вы пристааете для осмотра, далее 2 верст. 2. Больных детей воспрещается доставлять на общий сбор (далее повторялось рассуждение о бессмысленности отправки детей в отдаленные лазареты. — Т. Ф.). 3. Всем умершим... питомцам... вы обязаны подписать билеты». Четвертый пункт вновь воспрещал надзирателю передавать детей от одного воспитателя другому, разрешалось это делать «только в случаях крайних, то есть буде питомец расслаблен здоровьем по небрежению кормилицы, и если обеднеет крестьянин... В таких случаях имеете рапортовать экспедиции». «5. Если вы три месяца сряду не видали питомца», говорилось в приказе, нужно было приказать привезти его к себе. Если не являлся взрослый питомец, то его полагалось высечь розгами. Если в нарушении правил были виноваты приемные родители, то воспитанника можно было перевести «к благонадежнейшему воспитателю» и сообщить в экспедицию о причинах перевода. Шестой пункт оказывался выводом. Надзирателю предписывалось «ко всем воспитателям, особенно кормилицам... иметь самое снисходительное внимание. В Финляндском округе мы должны приоб-

ретать к себе доверенность, а не отчуждение. Вот главнейшее правило ваших обязанностей, всякое отступление от оных подвергнет вас наистрожайшей ответственности»¹².

Несмотря на предписания, сформулированные в весьма решительных выражениях, положение И. Ф. Лашкейта на службе оставалось стабильным. В июне 1845 г. он отправил в Совет прошение о приеме в Гатчинский сиротский институт Мариинского ведомства старшего из трех своих сыновей — Александра «по восьмому году». В январе 1846 г. директор института П. А. Шипилов сообщил, что мальчика приняли в институт.

Подобные жалобы продолжались и позднее. В январе 1851 г. крестьянин д. Хималы Анти Поллод Кайте сообщил, что воспитывавшуюся в его семье Прасковью Васильеву (она родилась в 1849 г. и была записана в воспитательном доме под № 4511) отобрали «совсем не за непредставление на смотре, а по притеснению», так как в назначенные для осмотра воспитанников дни надзиратель сам не приезжал в течение двух месяцев. И. Ф. Лашкейт объяснил, что на двух смотрах ребенка не было, а на третий девочку представила 15-летняя дочь крестьянина «в таком жалком виде и изнуренном состоянии, что я, по обязанности своей, должен был ее перевести». Желавших взять воспитанницу, по его словам, не оказалось, так что пришлось передать ее на время одному из односельчан, а позднее удалось подобрать ей постоянного воспитателя. Прежняя воспитательница маленькой Прасковьи Анна Лямбо уехала в Петербург и поступила в кормилицы Воспитательного дома, а ребенок оставался на попечении ее дочери-подростка, о чем И. Ф. Лашкейт якобы сам собирался сообщить в деревенское управление (учреждение, ставшее преемником деревенской экспедиции. — Т. Ф.)¹³.

Проживал надзиратель в Выборгской губернии Валкиярвском киршпиле близ деревни Нурмиярви. В 1848 г. директор деревенской экспедиции Петербургского дома П. И. Мей осматривал питомцев в Финляндском округе. Он и сообщил почетному опекуну, что И. Ф. Лашкейт обременен большим семейством. У него беременная жена, страдающая чахоткой, и пятеро детей, старшему из которых 8 лет. При объезде надзиратель простудился и «в болезненном состоянии, имея только жалование (?! — Т. Ф.), лишен к доставлению себе медицинского пособия, тем более что лазарет и врач отдалены от центра его округа на 50 верст».

П. И. Мей просил исходатайствовать И. Ф. Лашкейту дополнительное годовое жалование — 220 руб. сер. Деньги надзиратель получил. В том же году в Сиротский институт приняли его сына Петра, а в 1849 г. — Николая¹⁴.

23 марта 1850 г. вторая жена И. Ф. Лашкейта была отправлена в столичную Петропавловскую больницу, где вскоре скончалась. Надзиратель тут же подал начальству прошение, в котором сообщил, что его жена болела три года. Сам он, «пребывая в глуши с чухонским населением», разорился. На руках вдовца находились двое детей: дочь 7-ми и сын 6-ти лет. Они остались без присмотра или на руках «невежественных и непостоянных чухонцев». Русской прислуги в окрестностях «не достать» ни за какие деньги. Надзиратель попросил «хотя малого пособия» и устройства младших детей в сиротские институты. Представляя его прошение А. Л. Гофману, возглавлявшему IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, почетный опекун граф М. Ю. Виельгорский отметил: неутомимое усерднейшее исполнение обязанностей его и знание финского языка (необходимое в тех округах) делают его необходимым (в отпуске документа зачеркнуто и поверх зачеркнутого написано: «весьма полезным») для службы по занимаемой должности. Всеподданнейший доклад был утвержден Николаем I, детей просителя приняли в институты еще до достижения ими установленного возраста (8 лет), а сам И. Ф. Лашкейт получил дополнительно еще 200 руб¹⁵. В 1851 г. надзиратель вступил в третий брак с дочерью коллежского асессора Степана Анисимова девицей Эмилией, в связи с чем получил в награждение еще 200 руб. сер., а в 1854 г. попросил внести в формулярный список имя очередного сына Симеона¹⁶.

В 1855 г. отмечалось 30-летие службы И. Ф. Лашкейта в Петербургском воспитательном доме, и его наградили 800 руб. сер. — жалованьем за 2 года. В 1856 г. он подал в отставку, был уволен с пенсией, равной, как и полагалось, годовому жалованью без последней 5-летней прибавки (440 руб. сер.) и 220 руб. единовременно. В 1858 г. И. Ф. Лашкейт подал последнее прошение, из которого выясняется, что после увольнения он еще два года исполнял обязанности окружного врача без жалованья, за что получил очередное денежное пособие. В 1860 г. его сын Федор, окончивший Гатчинский сиротский институт, попросил

у начальства воспитательного дома послужной список отца¹⁷, которого, видимо, уже не было в живых.

Итак, биография И. Ф. Лашкейта наглядно показывает и те общие проблемы, которые были связаны с деревенским воспитанием питомцев сиротского учреждения. К тому же Финляндский округ считался особенным, неудобным для работы, непрестижным. В этих глухих местах жили финны, или, как их называли в Петербурге, «чухонцы», к которым относились с некоторым пренебрежением. С финскими крестьянами-воспитателями можно было обращаться довольно свободно, на их жалобы не обращали серьезного внимания. Надзиратель, который несколько десятилетий трудился в этом полузаграничном округе, не похожем ни на один другой, по мнению руководителей Воспитательного дома, явно заслуживал снисхождения.

Финские крестьяне много жаловались на И. Ф. Лашкейта, конфликты расследовались, надзиратель не раз получал замечания, жесткие предписания, выговоры. При этом, как уже отмечалось, он оставался «весьма полезным для службы по занимаемой должности», освоившимся в финской среде, знавшим финский язык. Впрочем, напряженная ситуация в Финляндском округе, вероятно, все же сказалась на карьерном росте И. Ф. Лашкейта. В 1834 г. он получил чин титулярного советника и в том же чине в 1856 г. закончил службу. Всеми остальными благами и привилегиями беспокойный надзиратель пользовался сполна. Получается, что обижать крестьян-воспитателей, конфликтовать с коллегами было допустимо. С начальством же И. Ф. Лашкейт не ссорился, умел угодить руководителям, даже лебезил перед ними.

К финнам, сотрудничавшим с Воспитательным домом, относились как к людям второго сорта. Однако, очевидно, их правосознание, их гражданская позиция находились на более высоком уровне, чем у русских крестьян: крепостных, удельных и даже государственных. Во всяком случае, жалоб русских крестьян Петербургской губернии на действия окружных надзирателей в документах Воспитательного дома почти не встречается.

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 8. Оп. 3. Д. 15. Л. 2 об. — 3.

- ² Там же. Л. 8–9.
- ³ Там же. Л. 29–29 об.
- ⁴ Там же. Л. 31–31 об.
- ⁵ Там же. Л. 32–36.
- ⁶ Там же. Л. 38–43 об.
- ⁷ Там же. Д. 1. Ч. 2. Л. 194–207.
- ⁸ Там же. Д. 15. Л. 48–49 об.
- ⁹ Там же. Д. 1. Ч. 2. Л. 51–52.
- ¹⁰ Там же. Д. 15. Л. 95.
- ¹¹ Там же. Д. 1. Ч. 2. Л. 74–74 об.
- ¹² Там же. Л. 75–76 об.
- ¹³ Там же. Д. 15. Л. 96, 98–99.
- ¹⁴ Там же. Л. 60–62, 67, 69–72.
- ¹⁵ Там же. Л. 82–89.
- ¹⁶ Там же. Л. 105, 107, 112.
- ¹⁷ Там же. Л. 114, 123, 125–125 об., 145–145 об., 151.

Л. В. Суворова

**ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ
ВО II ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Присоединение Финляндии в 1809 г. к Российской империи открыло во многих отношениях новый период в культурной жизни страны. На перемену повлиял и перенос столицы из Турку в Хельсинки, где под руководством Карла Л. Энгеля вырос город в стиле классицизма, как пишут историки, доселе невиданный в Скандинавии. Гибель Турку при большом пожаре 1827 г. также означала снижение его значения как культурного центра страны и окончание эпохи. Для финнов, получивших автономию, первоочередное значение приобрели вопросы развития национальной самобытности и культуры. Русские государственные власти исходили из того, что эти проблемы являются внутренними для финского народа. Среди тех, кто особенно содействовал национально-культурной самостоятельности Финляндии в первой половине XIX в., были такие значительные деятели внешней политики России, как граф Н. П. Румянцев и князь А. М. Горчаков¹. Йохан В. Снельман (1806–1881), передовой мыслитель и радикал своего времени, хотел, чтобы финский народ стал просвещенным. Настоящая национальная культура была для него одновременно и частью мировой культуры. Философия также должна была служить культуре нации. Во время своих поездок в Европу в 1839–1842 гг. и 1847 г. он установил контакты с выдающимися европейскими деятелями и философами, познакомился с коллекциями крупных музеев, побывал в оперных театрах. Как общественный деятель европейского уровня,

он получил большой практический опыт в разных областях развития государства, издал передовую для его времени работу «Опыт теоретического развития идеи личности». В области изобразительного искусства закономерно выдвинулся вопрос о создании собственных художественных школ в начале XIX в. Королевская академия живописи и скульптуры в Стокгольме, где финны традиционно продолжали учебу, не потеряла своего значения как места обучения после отделения Финляндии, но оставалась все-таки довольно провинциальной². Для финского общества сохранение классической культурной традиции приобрело определяющее значение.

В Швеции, бывшей метрополии, тяга к классицистическим формам искусства достигла своей высшей точки в конце XVIII в., в период правления короля Густава III. Причем главными источниками художественно-эстетического влияния были и Франция, и Италия. Часто именно французы, а не итальянские художники становились носителями итальянской культуры в Скандинавии. При этом не столько современная итальянская культура, сколько культура ее античного прошлого оказывала наибольшее влияние на строительные заказы короля и на приобретение произведений искусства³. Например, при составлении коллекции старейшего в Европе Музея древностей, открытого в королевском дворце для публики в 1794 г. Во время поездки Густава III в Италию в Риме распродавались коллекции произведений античного искусства, активно велись раскопки, и обнаруженные в земле статуи, их фрагменты выставлялись на продажу⁴. Копии подлинных работ античных мастеров для галереи дворца было поручено выполнить скульптору И.-Т. Сергелю (1740–1814), который провел в Италии двенадцать лет жизни. Важным событием в его художественном развитии стало знакомство с известным скульптором неоклассического направления А. Кановой. Вернувшись из Италии, И.-Т. Сергель становится профессором Королевской академии художеств, у него учится первый крупный финский скульптор Э. Кайнберг (1771–1816), также осуществивший учебную поездку по местам древностей. Сюжеты его рельефов обращены к истории финского народа («Крещение финнов», «Закладка нового здания Академии»). Строитель крепости Свеаборг К. А. Эренсвард (1710–1772), который, как и И.-Т. Сергель, сопровождал короля в поездках

по Италии, опубликовал по возвращении дневник, где указал на художественные воззрения Густава III и о значимости для него культурных ценностей, основанных на искусстве Древнего Рима и Афин. К. А. Эренсвјрд имел и художественный дар, известны его акварели, выполненные в крепости. Во время строительства Свеаборг превратился в один из активных просветительских художественных центров Густавианской эпохи. Здесь работали шведские художники: пейзажист Э. Мартен, жанрист П. Хиллестрём, позже его ученик Н. Шилмарк (1745–1804). Достижением национального искусства этого времени стало рождение новых самостоятельных жанров станковой живописи: портрета, пейзажа, натюрморта. Ученый-историк Х. Г. Портан (1739–1804) в 1796 г. начал читать в Турку лекции по археологии и истории искусства. Пытаясь расположить к Швеции своих финских подданных, король в 1785 г. осуществил поездку по Финляндии, предполагая издание специального художественного альбома по итальянским образцам.

Но Финляндия и Швеция развивались по разным направлениям из-за слишком значительных различий в традициях и менталитете. Культурное развитие Швеции с 1809 г. пошло по немецкому, буржуазному пути, образ которого базировался на истории и литературном языке, тогда как для финской модели стали важными государственность (монархизм) и эстетико-этнографический аспект. История Финляндии теперь не привязывалась к истории Швеции, но также не имела отношения и к истории России, а только протекала в ее контексте. Впереди было новое время с его промышленным прогрессом, урбанизацией и европеизацией. Процессами формирования национального самосознания. Как отмечалось, государственные власти исходили из того, что проблемы развития национальной культуры являлись внутренними для финского народа. У общественных кругов еще долгое время не было иной, кроме теоретической, возможности обрести свой национальный образ через финский язык. Активно обсуждались планы содействия историческим исследованиям, и Государственный архив стал развиваться как хранилище исторических документов. Другой институт, некоторым образом противостоящий архиву как хранилищу поначалу только шведских материалов, планировался в виде организации Национального музея, который включал бы исто-

рические — археологические и этнографические — коллекции и экспозиции. Именно этот план следует рассматривать в качестве ключевого при создании художественного объединения, которое в дальнейшем могло преобразоваться в Академию художеств — с полнокровным учебным процессом по программе художественных академий.

Несомненно, вхождение в состав России открывало новые стороны и художественных контактов с Европой. Это касалось не только продолжения поездок художников в итальянские центры искусства, знакомства с музейными «антиками» Эрмитажа, крупнейшего очага культуры. Главным образом началось формирование собственных собраний произведений европейских мастеров от времени раннего Возрождения до конца XIX в., классического периода особенно, так как знание античности было фундаментом гуманитарного образования. Уже в 1844 г. в Университет Гельсингфорса, имевший отделение рисунка, были доставлены три гипсовые копии статуй, включая композицию «Лаокоон»⁵. Первые два полотна итальянской живописи для коллекции Финского художественного общества, основанного в 1846 г., были куплены в 1849 г.; одна картина «Бахус, поднимающий бокал вина» принадлежала, как сначала предполагали, знаменитому итальянцу XVII века А. Каррачи. Работа была собственностью финского портретиста Й.-Э. Линда (1793–1865). При открытии публичной галереи Общества в собрании оказалось уже более пяти полотен итальянцев — из самой первой дарственной коллекции двадцати восьми картин сенатора и барона Отто Вильгельма Клинковстрёма, приобретенной в 1851 г. от имени высокого покровителя Общества великого князя Александра Александровича. Галерея впоследствии была преобразована в музей Атенеум. В течение многих десятилетий императорский двор помогал Обществу, передавая в дар и денежные средства, и художественные произведения. Большое значение для финских художников имело денежное пособие города или материальная поддержка благотворителей на продолжение обучения в другой стране. В 1802 г. такое пособие горожан Турку получил А. Лауреус (1783–1823), успешный жанровый живописец, связанный с ранним шведским романтизмом. Он отправился в Стокгольм, где стал учиться в Королевской академии. А. Лауреуса можно считать первым мастером

крестьянского жанра в финском искусстве («Рождественские танцы в Финляндии», 1816, Художественный музей Атенеум, Хельсинки). Его картины долгое время находились в частных собраниях Швеции, в Финляндии их почти не было. В 1845 г. Университет Хельсинки на Стокгольмском аукционе обратил внимание на произведения финского жанриста и приобрел шесть полотен. В конце 1850-х гг. коллекция Художественного общества имела уже 60 работ маслом разных художников и ряд гипсовых фигур как постоянное собрание. Общество стремилось к большей доступности отечественного искусства, первая выставка была проведена в 1847 г.

В 1830 г. в Турку была основана живописная школа, сначала при цеховой гильдии мастеров. Она предназначалась для подготовки ремесленных художников, квалифицированных исполнителей художественных работ. Популярность школы была велика, и впоследствии Ф. Курберг (1845–1892), получив образование в Дюссельдорфе, много сделала для развития ручных художественных промыслов в Финляндском княжестве. В Университет Гельсингфорса, где рисование преподавалось официально, тогда же был назначен мастером художник Пер А. Крускопф (1805–1852), родившийся и учившийся в Петербурге. Значительность роли Рисовальной школы в полной мере осознавалось финским художественным сообществом. Художник Р. В. Экман (1808–1873) в должности преподавателя старейшей городской рисовальной школы Турку, первого специального учебного центра в стране, открытого в 1845 г., значительным образом повлиял на профессиональное формирование нового поколения финских живописцев. Имея ценный опыт европейского образования (художник учился в Париже и Риме), Р. В. Экман потратил много энергии, чтобы пересмотреть учебную программу, преобразовать, обновить и обогатить деятельность школы. Эта программа, включавшая обучение рисованию орнаментов и фигур с гипсов и оригиналов, давала возможность выпускникам вступить на путь самостоятельного творчества.

Благоприятные условия для развития отечественного искусства начали складываться в 1840-е гг. И приезд Р. В. Экмана в Турку, и первые выставки в Хельсинки, и издание книги З. Топелиуса «Финляндия в иллюстрациях» (1845–1852) изменили атмосферу художественной жизни. Движущей силой обществ,

и Литературного (1830), и Художественного, было стремление соответствовать росту финляндских культурных потребностей. В 1848 г. в столице, а следом и в Або, где уже преподавал Р. В. Экман, начала работать Школа рисования при Художественном обществе, организованном в Финляндии в 1846 г. Первым ее преподавателем стал Берндт А. Гуденъелм (1799–1881), который, как русский подданный, с 1827 г. учился и работал в Петербурге. Образование Художественного общества стало движущей силой, способствовавшей развитию отечественного искусства. Однако собственные художественные школы могли дать лишь начальные знания, и совершенствовались мастерство за границей. Обращение финской творческой молодежи к Дюссельдорфской академии не было случайным⁶. Дюссельдорф, расположенный в экономически развитой области Германии, славился в ту пору своими художественными силами и хорошо поставленным образованием. К середине XIX столетия Дюссельдорфская академия была одним из ведущих художественно-образовательных центров Европы, хранившим ценный педагогический опыт академической школы, приблизив его к жизни и требованиям современного искусства. Основное развитие здесь получила пейзажная, а затем и жанровая живопись, с ее активным отношением к общественной тематике. Преподавали и работали в Дюссельдорфе Йохан Ширмер, Карл Лессинг, Андреас Ахенбах, норвежец Ханс Гуде и другие. Реализм, основанный на изучении природы и окружающей действительности, составлял цель учебной программы. Структура занятий рисунком включала возможность длительной самостоятельной работы в окрестностях города на Рейне. Образцами для живописных копий выбирались произведения голландских художников XVII в. Прочная школа мастерства, закладываемого в классах Академии, освящалась устоями ее основателей, назарейцев, с их требовательностью утверждения веры в человека, как и внимания к миру, который его окружает. Несомненно, эти качества способствовали превращению Дюссельдорфской академии в интернациональный центр искусства, здесь учились как северяне — норвежцы, шведы, финны, так и русские, американцы и представители других государств.

Хотя Финляндии как более удаленной северной стране было труднее поддерживать связи с остальной Европой, около двад-

цати финнов оказались связаны с Дюссельдорфской академией художеств, в основном это были будущие пейзажисты и мастера бытовой живописи⁷. Финляндия нуждалась не только в подготовке умелых мастеров, прошедших академическую выучку. В процессе становления собственной культуры особую важность приобретал вопрос утверждения и развития складывающихся принципов молодого национального искусства. Эту задачу глубоко понял Вернер Холмберг (1830–1860), талантливый пейзажист, творчество которого впервые достигло известности за пределами родины. То, что он сделал в течение своей недолгой творческой жизни, стало основой развития всего финского искусства и открыло дорогу для следующих поколений художников. В. Холмберг родился в Хельсинки, изучал архитектуру, а также рисование у Юхана Линда, портретиста, и Магнуса фон Вригта, известного своими городскими видами. В. Холмберг был первым из финнов, кто в 1853 г. отправился в Дюссельдорф. Коллекция Художественного музея Атенеум в Хельсинки хранит его «Пороги Кюрескоски» (1854, Художественный музей Атенеум, Хельсинки), серию акварелей озерного края Финляндии, «Почтовую дорогу в Хяме» (1860, там же), отмеченные свежестью колорита и смелым реализмом в передаче состояний природы. Совершенствование его как художника было исключительно быстрым. Он оказался способным воспринять и развить прогрессивные демократические тенденции дюссельдорфской школы живописи. Вместе с тем, утверждая эстетическую ценность родной природы в пейзажах Финляндии, творчество В. Холмберга заложило основы национальной пейзажной живописи⁸. Можно сказать, что художник своими целенаправленными поисками и достижениями в отображении действительности определил путь реалистического развития отечественного искусства. Еще долго финские пейзажисты начинали свой творческий путь, копируя произведения В. Холмберга. Среди последователей художника пейзажисты Б. Линдхолм, Я. Мунстеръелм, В. Вестерхолм. Дюссельдорфская академия стала для финских живописцев не только центром профессиональной подготовки, но и школой демократического реализма. К. Э. Янсон (1846–1874), уроженец Аландских островов, после обучения у Р. В. Экмана, а затем в Королевской академии в Стокгольме, дважды приезжал в Дюссельдорф, где работал над жанровыми композициями

на темы сельской жизни. Картины «Сватовство на Аландских островах» (1871, Художественный музей Атенеум, Хельсинки) и «Трефовый туз» (1871, там же) были привезены на выставку в Петербург, и за них художник получил звание академика живописи. Его работы отличает самобытность, редкая для того времени свобода исполнения, тонкость колорита. В. И. Стасов назвал «Трефовый туз» художника «лучшим созданием дюссельдорфской школы».

Что касается Императорской академии художеств в Петербурге, то упомянутый Берндт А. Гуденъелм, по образованию юрист, жил двадцать лет в Петербурге, обучался в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, основанного в 1820 г., затем частным образом в гравировальных классах Академии у преподавателя Н. И. Уткина (1780–1863). Овладев особенностями академического рисунка, учился живописи в мастерской К. Брюллова, где впитал традиции позднего русского классицизма и ампира. Сохранились его натурные зарисовки при копировании Рембрандта в Эрмитаже. В 1830–1832 гг., закончив обучение, преподавал изобразительное искусство в шведской церковной школе. В 1848 г. руководители художественного Объединения одобрили открытие Рисовальной школы в Гельсингфорсе. Было решено пригласить преподавателем 49-летнего художника, который к тому времени вместе с семьей возвратился на родину и был готов посвятить себя усовершенствованию профессионального художественного образования. Интересно, что силами одного преподавателя велся как рисунок, так и живопись в течение 21 года (1848–1870), за что Б. А. Гуденъелм получил государственную пенсию. Количество учеников в первые годы насчитывало от 30 до 40. Его педагогика в полной мере использовала те приемы и принципы, которые он усвоил в студенческие годы в Петербурге. Учебным материалом в основном были графические образцы с портретов барочных произведений, приобретенных для копирования, живописные картины и гипсовые слепки с античных скульптур. Ученики копировали силуэты с гравюр, затем раскрашивали. Хотя Р. В. Экман уже в 1860 г. перешел на рисунок с натуры, Б. А. Гуденъелм в своей школе на это не решился. Порой ученики были младше десяти лет. Лишь в 1869 г. было установлено правило принимать учени-

ков с 12-летнего возраста. В школу посылали способную молодежь из провинции, их освобождали от платы за обучение. Здесь обучались Э. Й. Лефгрэн, А. фон Беккер, С. Фалькман, В. Холмберг, В. Оберг. В 1863 г. для преподавания скульптуры в школу пришел получивший звание академика Императорской академии художеств К. Э. Шёstrand (1828–1906), его учителем был датский скульптор Х. Биссен. За годы существования это учебное заведение выросло в Художественный центр Финляндии, в современную школу Художественной академии. От петербургской поры обучения Б. А. Гуденъелма известен его «Автопортрет в Петербургском ателье» (1830–1840 гг., Художественный музей Атенеум, Хельсинки), где художник изобразил себя в анфиладе комнат перед мольбертом. Свой автопортрет художник поместил внутри музейной обстановки и в окружении памятников старого и нового искусства, рядом со значимыми для мастера произведениями Франсуа-Эдуарда Пико (1786–1868) «Рафаэль и Форнарина» и Рембрандта «Портрет польского аристократа», скульптурный бюст на пьедестале в дальнем правом углу второй комнаты отдаленно напоминает изображения императора Николая I. В целом произведение является ярким образцом жанра «картины в картине» в духе школы А. Г. Венецианова. Как заметил хранитель финской живописи в Эрмитаже А. Бабин⁹, работа Пико исчезла после экспонирования в парижском Салоне 1822 г. и известна сейчас лишь по офорту Франсуа Гарнье 1824 г. Цветовое решение «копии» позволяет сделать предположение о знакомстве финского художника с оригиналом. А изображенное полотно Рембрандта ранее находилось в Эрмитаже, но было продано в феврале 1931 г. советским правительством американскому коллекционеру Эндрю Меллону и теперь хранится в Национальной художественной галерее в Вашингтоне. Будучи преподавателем Рисовальной школы с огромным опытом работы, Б. Гуденъелм, как и преподаватель школы Турку Р. В. Экман, привлекался к написанию иконостасов: выполнил 17 икон в церкви Велико-мученицы царицы Александры в Або (1844–1846), алтарную картину «Преображение Господне» (1839) для лютеранского собора Св. Михаила Архангела в городе Новоархангельске на о. Ситка (Аляска), написана в Санкт-Петербурге и др. Творческое наследие Б. А. Гуденъелма в тени его преподавательской де-

тельности: известны произведения на аллегорические и мифологические сюжеты, иллюстрации сказок, выполненные по заказам Сената портреты и миниатюры с изображениями членов царской семьи, алтарные картины. Иллюстрировал произведения Й. Л. Рунеберга: «Охотники на лосей», «Брат облака», «Ковка Сампо» и др., обогатив балладный жанр народными образами. В церковных работах Б. А. Гуденъелма, насчитывающих 47 произведений, виден художественный язык его академических образов. Колориту присущ характерный для классицизма зелено-охристый тон. Это темы Распятия, Преображения, Воскресения, Вознесения, Святого Причастия в церквях Куопио, Сортавале, Турку и др. городах.

В Великом княжестве пристально следили за работой первых пенсионеров, о которых регулярно писалось на страницах прессы. Шведский романтизм проявился в работах А. Лауреуса, приверженность классике заметна в произведениях мастеров скульптуры этого периода. Влияние Дюссельдорфа сказалось в стремлении финских художников к правдивому изображению действительности, что заложило фундамент последующих достижений финского искусства. Творчество «дюссельдорфцев» убедительно показало, что обучение в художественных школах вне страны не лишало живописцев их национальной самобытности. Характерно, что художники, не только учившиеся за границей, но и остававшиеся в Копенгагене, Париже или Риме на долгое время работать, как правило, занимались решением проблем, стоявших перед финским искусством, и продолжали обращаться к типичным для него темам. Имена П. Крускопфа, издание литографий видов окрестной природы которого в 1837–1838 гг. послужили основой развития финского пейзажа, Б. А. Гуденъелма, связанного с Императорской академией художеств в Санкт-Петербурге, а также европейский опыт Р. В. Экмана, остаются главными в деле организации художественно-просветительской деятельности в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX в. Художественное объединение 1846 г., его собирательская и выставочная работа, рисовальные школы Турку и Гельсингфорса, где длительное время преподавали Р. В. Экман, Б. А. Гуденъелм и К. Э. Шёstrand, представляли собой значительное явление в культурной жизни не только Финляндского княжества, но и всей России.

-
- ¹ *Похлёбкин В. В.* СССР — Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975. С. 87.
- ² *Smith J.* Modern finnish painting and graphic art. New York, 1970. P. 9.
- ³ *Кент Н.* Влияние итальянской культуры в Скандинавии в XVIII в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб., 2009. С. 329.
- ⁴ *Кривдина О. А.* Из истории создания Музея античности в Королевском дворце Стокгольма // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной международной научной конференции / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб., 2011. С. 352.
- ⁵ *Valkonen M.* Finnish art over the centuries. Helsinki, 1999. P. 26.
- ⁶ *Суворова Л. В.* Финские живописцы в Дюссельдорфе // Проблемы развития зарубежного искусства: Сборник по учебно-методическим вопросам / Ред. В. И. Раздольская. Л., 1990. С. 79.
- ⁷ Dusseldorf och Norden. Helsingfors: Konstmuseet i Ateneum, 1976. S. 24.
- ⁸ *Безрукова М.* Искусство Финляндии. Основные этапы становления национальной художественной школы. М., 1986. С. 67.
- ⁹ *Бабин А. А.* Отзыв ведущего учреждения на диссертацию на соискание уч. ст. к. и. Л. В. Суворовой «Жанровая живопись Великого княжества Финляндского (1809–1917) как художественный феномен» от 7.02.2013. С. 4–5.

Ю. Д. Балащенко

СУДЬБА УСАДЬБЫ И. Е. РЕПИНА «ПЕНАТЫ» ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Великий русский художник И. Е. Репин прожил в усадьбе «Пенаты» 30 лет и был похоронен на ее территории, на холме, который сам выбрал для будущей могилы. Можно отметить, что самому Репину повезло больше, чем его усадьбе. Илья Ефимович более или менее спокойно пережил Первую мировую войну, две революции и Гражданскую войну. Усадьба же пережила на две войны больше, причем в ходе последней была полностью уничтожена, но возродилась из пепла, как птица Феникс.

Имение размером около двух гектаров живописец купил 15 (27 по н. ст.) мая в 1899 г. у Елены Репо за 10 тысяч рублей. Оно находилось на Карельском перешейке в поселке Куоккала (ныне Репино) Кивеннапского прихода, волости Терийоки Выборгской губернии недалеко от берега Финского залива. Его назвали «Пенаты» в честь древнеримских богов — хранителей домашнего очага. Эта местность, хотя и находилась всего в нескольких десятках километров от Петербурга, но принадлежала Великому княжеству Финляндскому. Само княжество входило в состав Российской империи на правах автономии. Позднее с 1918 по 1939 г. поселок Куоккала находился на территории независимой Финляндии. Тогда граница между советской Россией (позднее СССР) и Финляндской республикой прошла по реке Сестре. «Пенаты» остались на финской территории в 6 километрах севернее границы.

Перестройка дома и благоустройство территории усадьбы были начаты сразу же после ее приобретения. Вскоре общая

площадь усадьбы была доведена до 2,2 га. Работы продолжались до 1912 г. Дом, напоминающий терем из русских народных сказок, в «своей конструкции... почти на две трети состоял из стекла»¹. Такая своеобразная архитектура особняка давала возможность живописцу работать весь световой день при естественном освещении независимо от времени года. Участок заболоченного леса был превращен в парк. Несколько вырытых прудов не только украсили пейзаж, но и осушили территорию. По всему участку были проложены вымощенные булыжником аллеи. Построенные в разных уголках парка беседки служили не только его украшением, но и использовались обитателями «Пенат» в разных целях. Так, «Башенка Шахерезады» высотой 12 метров служила в хорошую погоду местом, где устраивались чаепития, а «Храм Осириса и Изиды» использовался как своеобразная трибуна, с которой можно было выступать перед гостями усадьбы. Надо отметить, что все постройки имения Репина носили диковинные имена. Последним сооружением усадьбы стал артезианский колодец глубиной 72 метра. Он был вырыт весной 1914 г. на берегу пруда. Репин назвал его «Посейдон».

Несмотря на катаклизмы революции и Гражданской войны, годы прожитые Репиным в «Пенатах», были наполнены многочисленными творческими успехами. Живописец много и плодотворно работал, не откладывая кисти и мольберт, практически до самой смерти. Там была написана последняя, одна из самых жизнерадостных картин художника — «Гопак». К ней он подходил, касаясь ее кистью, незадолго до своей кончины.

К счастью для И. Е. Репина и его усадьбы, боевые действия на территории Финляндии во время Гражданской войны велись в стороне от Куоккалы. Хотя надо отметить, что летом 1919 г. были нарушения границы как со стороны Финляндии, так и советской России и «взаимные обстрелы, в том числе и артиллерийские, так, 30 июля Кронштадт был подвергнут бомбардировке финскими самолетами — это была кульминация противостояния»². Репин мог все это наблюдать, не покидая усадьбы. Его дом находился около залива, а с верхней площадки «Башенки Шахерезады», где находилась подзорная труба, был прекрасный обзор панорамы Кронштадта.

После полного прекращения боев на Карельском перешейке между Москвой и Хельсинки возникла новая проблема. На пе-

решейке остались дачи, ранее принадлежавшие российским гражданам. Основная часть их была покинута владельцами. А таких, как семья Репина, которая продолжала жить в своей усадьбе, осталось незначительное количество. Советское правительство, используя предлог защиты собственности своих граждан и стремясь ее получить, предложила Финляндии обменять территорию перешейки на земли в восточной Карелии. Тем самым была бы выполнена задача перенесения границы на значительное расстояние от Ленинграда. Но финны ответили отказом. Надо отметить, что все попытки СССР отодвинуть границу на Карельском перешейке дипломатическим путем ни к чему не привели. На пограничном рубеже, который проходил всего в нескольких километрах южнее «Пенат», постоянно что-то происходило, «... нарушения носили политическую направленность и требовалось проявление особой бдительности и напряженности в охране», — написано в исследовании, посвященном советским пограничным войскам³.

Напряженность в отношениях между двумя странами сказывалась и на положении обитателей «Пенат». Илья Ефимович в течение нескольких лет был вынужден испрашивать разрешение у местных властей для поездок куда-либо за пределы Куоккалы. Удостоверение личности на финском языке с фотографией И. Е. Репин получил только 14 апреля 1921 г.⁴ И это несмотря на все знаки особого внимания к художнику со стороны высших должностных лиц страны. Юрий Репин, когда в 1929 году захотел стать полноправным гражданином Финляндии, получил отказ. Вероятно, он был обусловлен поездкой Юрия Ильича в августе 1926 г. в СССР.

После смерти И. Е. Репина в 1930 г. в «Пенатах» остались жить его дети — Вера, Надежда и Юрий. Младшая дочь Татьяна вместе со всей многочисленной семьей эмигрировала во Францию, где ее потомки живут до сих пор. Надежда умерла спустя полгода после отца. Юрий продолжал жить в своем доме. В доме Ильи Ефимовича осталась жить старшая дочь художника Вера Ильинична. Она в 30-е гг. стала водить всех желающих в мастерскую Репина. «Часто те, кто приезжал в Куоккалу, — писала искусствовед Е. В. Кириллина — просили Веру Ильиничну показать им репинскую мастерскую, таких посетителей появлялось довольно много, и Вера стала разрешать им осматривать “домик Репина” за небольшую входную плату»⁵.

Однако напряженная обстановка, сложившаяся в советско-финляндских отношениях в момент начала Второй мировой войны, и начавшиеся в октябре 1939 г. между двумя странами переговоры в Москве резко накалили общую обстановку на границе. Причем в это непростое для всей Европы время даже такой недоброжелатель Советского Союза, как Уинстон Черчилль, писал, что «надвигавшаяся буря была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе»⁶. Действительно, И. В. Сталин, пытаясь решить советско-финские противоречия мирным путем, говорил: «Поскольку, как указывал он на переговорах, Ленинград нельзя перенести, мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда. <...> Мы просим 2700 км² и предлагаем взамен более 5500 км²»⁷. Позднее будущий Финляндии Юхо Кусти Паасикиви, вспоминая переговоры в Москве осенью 1939 г., в которых он участвовал, писал, что «тогда придерживался мнения, что сдержанные и умеренные требования Сталина, особенно в отношении Карельского перешейка, следовало бы принять»⁸. Но мнение главы финской делегации на тех переговорах не было учтено, так как финны на какие-либо уступки не пошли. Как в этой связи отмечал профессор Н. И. Барышников: «Исторический опыт печального прошлого ставил перед дальновидными руководителями Финляндского государства неизменно необходимость учитывать в своей внешней политике заботу восточного соседа о безопасности Ленинграда — Санкт-Петербурга»⁹. Это замечание известного историка актуально и в настоящее время, когда в Финляндии некоторые исследователи явно пытаются пересмотреть итоги двух войн и послевоенное развитие страны, направленное на развитие добрососедских отношений с восточным соседом.

Тем не менее тогда в Финляндии уже началась общая мобилизация. По сообщениям Главного управления погранвойск СССР от 12 и 14 октября, там начали фиксирование того, что в Финляндии прошла полная эвакуация населения приграничных районов¹⁰. Причем, как указано в советских военных документах, опубликованных в книге «Тайные уроки Зимней войны»: «На Карельском перешейке эвакуировано все население насильственно...»¹¹

Естественно, под эвакуацию попали Юрий и Вера Репины. Они были отправлены в Южную Финляндию в деревню Леван-

то близ местечка Мянсяля вместе с другими жителями Куоккалы¹². О тех трагических днях Юрий Репин позднее вспоминал: «В 1939 году октябре месяце всех жителей Куоккала стали выселять. Я жил, пока не пришли два полицейских и сказали мне: “Вам надо удалиться на пять дней”. Поэтому я оставил все, даже золотую медаль мою и краски. Взял только Евангелие, и одел теплое пальто. И, и, — больше не пришлось возвратиться»¹³. Все это проходило на фоне развернувшейся пропагандистской войны между двумя странами. В общественное сознание как СССР, так и Финляндии внедрялся образ врага, что, несомненно, сказывалось на положении русских, постоянно живших в Финляндии¹⁴.

30 ноября 1939 г. началась война между СССР и Финляндией. «Время перехода государственной границы, — как указано в исследовании Н. И. Барышникова, — было назначено на 8.30 после артиллерийского огневого налета по переднему краю финской обороны и в ее глубину»¹⁵. Передовые части Красной армии в первые же часы войны практически без боя заняли Куоккалу, при этом усадьба И. Е. Репина, несмотря на артподготовку, не пострадала. Вероятно, артиллерийский обстрел на участке вблизи Куоккалы был не столь интенсивен, как 1944 г. По свидетельству очевидцев, советские военные, когда вошли в дом Репина застали в ней полный разгром. На полу валялись как личные вещи и картины обитателей усадьбы, так и ценнейшие архивы семьи Репиных. Приведенное выше откровение Юрия Репина об эвакуации хорошо объясняет тот хаос, который застали бойцы Красной армии. Усадьба была взята под охрану пограничниками. «Решением Правительства, — как написано в путеводителе по “Пенатам”, — забота об усадьбе, учет и сохранение художественных ценностей, оставшихся в усадьбе, были возложены на Всероссийскую академию художеств»¹⁶.

В декабре 1939 г. Политуправление Ленинградского военного округа командировало в Куоккалу двух сотрудников Научно-исследовательского музея Всероссийской академии художеств И. А. Бродского и Ш. Н. Меламуда для ознакомления с состоянием «Пенат». Ими в течение нескольких дней была сделана подробная опись всего того, что они обнаружили в доме Ильи Ефимовича. Все найденные мемориальные вещи, картины, рисунки, книги и архив были размещены в доме, после чего его опечатали. Найденные архивные материалы семьи Репиных

впоследствии составили фонд И. Е. Репина в Научно-библиографическом архиве Академии художеств. После их отъезда и вплоть до окончания «зимней войны», как ее называли финны, охрану усадьбы обеспечивала военная часть, которая располагалась в Куоккале.

11 февраля 1940 г. части Красной армии, перейдя в наступление на Карельском перешейке, прорвали оборону противника, продемонстрировав финнам, что они в состоянии занять всю страну. Это поставило финские войска перед перспективой возможного разгрома, что, собственно, обусловило уже необходимость начала советско-финляндских мирных переговоров, которые завершились подписанием 12 марта мирного договора. В результате государственная граница между СССР и Финляндией была перенесена за город Выборг. Поселок Куоккала, как и весь Карельский перешеек, перешел под юрисдикцию СССР.

Сразу после завершения войны в усадьбе «Пенаты» начались работы по скорейшему открытию мемориального музея И. Е. Репина. Советские власти выполнили волю художника, высказанную им в завещании, которое он составил еще до революции. В парке были вырублены старые деревья, восстановлен артезианский колодец «Посейдон». После проведения небольших реставрационных работ в доме Ильи Ефимовича была расположена экспозиция музея.

На могиле Репина временно был установлен его гипсовый бюст. На вопрос жителя Хельсинки И. М. Карпинского о памятнике художнику известный советский живописец И. Э. Грабарь ответил, что на могиле установлен «бюст Н. Андреева, который лепил Репина с натуры»¹⁷.

Торжественное открытие мемориального музея И. Е. Репина состоялось 18 июня 1940 г. Буквально со дня своего открытия Музей-усадьба стал пользоваться огромной популярностью среди людей, интересующихся жизнью и творчеством великого русского художника. «Открытие Музея И. Е. Репина, — писали И. А. Бродский и Ш. Н. Меламуд, — факт большого политического значения. В то время, как капиталистический мир в жестокой войне истребляет лучшие ценности человеческой культуры, безжалостно губит шедевры архитектуры, памятники старины и искусства, — Советский Союз сделал широкодоступной для

народа еще одну культурную ценность, бережно сохраненную Красной Армией, открыв на завоеванной земле новый музей...»¹⁸

Для многих известных людей это событие стало особо знаменательным. Очевидец открытия музея Л. Пумпянский писал, что «тысячи трудящихся посетили этот уголок Репина, его дом и могилу»¹⁹. А ученица И. Е. Репина Анна Петровна Остроумова-Лебедева оставила интереснейшую зарисовку этого события: «Я ездила туда в день открытия “Пенат”, вскоре после окончания войны с белофиннами в 1940 году. День был ясный и очень жаркий. Бесконечный людской поток двигался от железнодорожной станции по лугам, полям и перелескам к небольшому домику с остроконечными крышами, уютно прятавшемуся среди высоких сосен. Народу в тот день собралось так много и дом был так переполнен, что трудно было что-либо разглядеть»²⁰. Полученные тогда статистические данные также подтверждают небывалый интерес к усадьбе Ильи Ефимовича. В первые два месяца работы новый мемориальный музей посетило более 40 тысяч человек²¹. К открытию музея И. А. Бродский и Ш. Н. Меламуд, первыми посетившие «Пенаты» в декабре 1939 г., выпустили небольшую книгу «Репин в Пенатах», где было написано, что «могила Репина и его “Пенаты” по великому праву отныне находятся на родине Репина. Эти священные реликвии русского искусства добыты Красной Армией и навечно принадлежат теперь народам нашей великой родины, славным сыном которой был Репин — гениальный художник и честный гражданин»²². Книга стала одной из первых в многочисленной череде последующих работ, посвященных художнику и его усадьбе.

Переход к мирной жизни на Карельском перешейке и открытие музея, встреченное небывалым энтузиазмом всеми почитателями творчества И. Е. Репина, проходили тогда, когда в Европе уже в полную силу шла Вторая мировая война. Более того, с конца августа 1940 г. между Финляндией и Германией начались интенсивные переговоры о военном сотрудничестве. Эмиссаром барона К. Г. Маннергейма стал генерал-майор в отставке П. Талвела. 20 декабря 1940 г. Талвела доложил руководству страны о результатах переговоров, а «вечером же он в хельсинкском ресторане “Сеурахуоне”, находясь в обществе Маннергейма, Вальдена и Хейнрикса, поведал еще раз о своем пребывании в Германии»²³. Интересная деталь. Доклад генера-

ла высшим чином финской армии состоялся в том же зале, где десятилетие назад также в присутствии Маннергейма состоялось чествование И. Е. Репина. Тогда практически вся творческая элита Финляндии отметила открытие выставки картин великого русского художника в Хельсинки и его награждение высшим орденом Финляндии.

К великому сожалению, новый музей недолго просуществовал в спокойной обстановке. Вторая мировая война докатилась и до «Пенат». 22 июня 1941 г. Германия, нарушив мирный договор, вероломно напала на Советский Союз. Союзница Германии, Финляндия 26 июня 1941 г. объявила войну СССР. Началась «война-продолжение», как ее называют финские историки. «Войну 1941–1944 годов в Финляндии, — как указывал финский философ и историк Матти Клинге, — называют Войной-продолжением, так как она понималась как продолжение Зимней войны и как стремление возместить понесенные в результате ее потери»²⁴. В течение короткого времени финские войска на Карельском перешейке дошли до бывшей границы между СССР и Финляндией по реке Сестре и там в результате ожесточенных боев на линии укрепления старой границы были остановлены на ближних подступах к Ленинграду. Тогда же захлебнулся и штурм города немецкими войсками.

Куоккала, а вместе с ней и имение Репина вновь попали под юрисдикцию Финляндии, но теперь это была уже территория, оккупированная финской армией. Усадьба во время наступления не пострадала. Но постройки стояли пустыми, все мемориальные вещи, за исключением самых крупных и наименее ценных, были заблаговременно вывезены в подвалы здания Академии художеств. Там они хранились вплоть до нового открытия музея в 1962 г.

По свидетельствам очевидцев, оккупировавшие Куоккалу финские войска отнеслись к усадьбе и дому Репина достаточно бережно. Все стекла на окнах были заклеены бумагой, чтобы они не вылетели при артобстрелах и бомбежках.

До лета 1944 г. на территории Куоккалы и усадьбы Репина практически ничего экстраординарного не происходило. Но ситуация резко изменилась, когда 9 июня 1944 г. началось широкомасштабное наступление советских войск на Карельском перешейке и в Карелии. Ему предшествовала массированная

артиллерийская подготовка, которая в течение суток распаивала передовую линию финской обороны. Спустя сутки Красная армия с боями прошла через поселок Куоккала, превращенный артиллерийским огнем в сплошные пожарища и руины. На территории усадьбы И. Е. Репина были разрушены и сгорели все постройки. Многочисленные фотографии, сделанные в «Пенатах» красноармейцами, представляют печальное зрелище уничтоженной мемориальной усадьбы. «Следы пожара, погубившего репинский дом, — отмечала известный искусствовед, директор Музея-усадьбы Репина «Пенаты» Т. П. Бородина, — хранят и поныне старые деревья, на стволах которых можно видеть не заросшие корой шрамы»²⁵.

Мощное июньское наступление советских войск побудило руководство Финляндии к достижению скорейшего мира с СССР. 2 сентября 1944 г. финский парламент заявил о выходе страны из войны на стороне Германии. Боевые действия были прекращены 4 сентября, а с 14 по 19 сентября в Москве прошли мирные переговоры. В результате было подписано соглашение о перемирии. Всеобъемлющий же Мирный договор между СССР и Финляндией был подписан только в 1947 г. в Париже. Он стал важнейшей составляющей развития добрососедских отношений между двумя странами.

«Надо было пройти через ужасные страдания, — писал президент У. К. Кекконен, — прежде чем мы смогли прийти к выводу, что самая лучшая гарантия безопасности в отношениях между Финляндией и Советским Союзом — это доброе соседство, основанное на взаимном доверии»²⁶. Общим результатом «зимней войны» и «войны-продолжения» для обеих стран явилось осознание того, что у своих границ лучше иметь друзей, а не врагов.

В 1944 г. праздновалось 100-летие со дня рождения И. Е. Репина. Правительство СССР, приняв постановление о воссоздании Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», определило дальнейшую судьбу этого ценнейшего памятника русской культуры. Уникальность этого решения правительства в том, что оно было принято, несмотря на продолжавшуюся кровопролитную войну. Восстанавливать дом Юрия Репина было признано не целесообразным.

После завершения Второй мировой войны на территории усадьбы Репина начались восстановительные работы, которые

заняли не один год. Они велись Академией художеств СССР (теперь Российская академия художеств) и проходили поэтапно. В 1946 г. гипсовый бюст И. Е. Репина, поставленный на его могиле в 1940 г., был заменен бронзовым, исполненным в 1908 г. скульптором Н. А. Андреевым. Все развалины в имении были разобраны. От дома Репина, был оставлен только фундамент. После его расчистки и уборки территории усадьбы вышло постановление правительства СССР: «О впуске в Пенаты посетителей и проведения там экскурсий». Рядом с фундаментом дома были установлены стационарные стенды с фотографиями, рассказывающими о жизни и творчестве И. Е. Репина. Каждую весну фотовыставка на стендах обновлялась.

На территории усадьбы стали проводиться регулярные экскурсии. Посетителей знакомили с жизнью и творчеством И. Е. Репина по фотографиям, которые были размещены на стендах и по тем, которые показывал экскурсовод. Следует отметить, что в период с 1953 г. вплоть до нового открытия музея в 1962 г. было проведено 348 экскурсий.

В 1948 г. поселок Куоккала был переименован в поселок Репино. По проекту архитектора В. Шерстнева в 1955 г. стали уже проводиться работы по возведению дома И. Е. Репина. В том же году начался и активный сбор новых материалов для экспозиции музея²⁷. Так как точных обмеров дома не было, то восстановление велось по многочисленным фотографиям, сделанным как при жизни Ильи Ефимовича, так и после его смерти. Дом и внутренний вид десяти мемориальных комнат (считая зимнюю веранду) воссозданы такими, какими они были в 1905–1912 гг. В парке были восстановлены ворота, две беседки — «Храм Озириса и Изиды», «Башенка Шехерезады» и артезианский колодец «Посейдон». Работы по восстановлению усадьбы продолжались вплоть до июня 1962 г.

Обновленный Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты» 24 июня 1962 г. вновь широко открыл двери для многочисленных посетителей. Это событие, как и 22 года тому назад, став заметным явлением в культурной жизни страны, прошло в торжественной обстановке и при огромном стечении заинтересованной публики.

В настоящее время мемориальная усадьба И. Е. Репина, несмотря на солидный возраст, пользуется огромной популяр-

ностью у всех тех, кто живо интересуется русским искусством и культурой. Многочисленные туристы из России, Финляндии и других стран ежедневно, в любое время года посещают гостеприимный дом Ильи Ефимовича.

¹ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г. Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. Путеводитель. СПб., 2012. С. 12.

² Смирнов А. А. СССР — Финляндия. 1918–1947, проблема границы. СПб., 2008. С. 20.

³ Пограничные войска СССР, 1929–1938. М., 1970. С. 696.

⁴ Научно-библиографический архив Российской Академии художеств. Ф. 25. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.

⁵ Кириллина Е. В. Репин в Пенатах. Л., 1977. С. 201.

⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1955. С. 334.

⁷ Маннинен О., Барышников Н. И. Переговоры осенью 1939 г. // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. М., 1999. С. 125.

⁸ Пасикиви Ю. К. Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви. 1944–1956. М., 1958. С. 73.

⁹ Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 54.

¹⁰ Пограничные войска СССР, 1939 — июнь 1941. М., 1970. С. 46–47.

¹¹ Тайные уроки Зимней войны. СПб., 2000. С. 51.

¹² Репин и его знаменитые ученики // Каталог выставки в морском центре «Велламо». Котка, 2011. С. 56.

¹³ Архивный фонд Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты». Фонд Ю. Репина. Ю. И. Репин. Письмо Ю. И. Репина от 16.12.1949 к сыну Гаю из Хельсинки. (После окончания Второй мировой войны дочь и сын Репина перебрались в Хельсинки, где и жили до своей кончины. Оба похоронены на православном кладбище столицы Финляндии).

¹⁴ Наглядным примером такой пропаганды с советской стороны может служить материал, напечатанный в газете «Красная звезда» за три дня до начала войны: «Финские поджигатели войны будут раздавлены одним мощным ударом Красной армии, если Советский народ этого захочет» (Красная звезда. 1939. 27 ноября).

¹⁵ Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. С. 83.

¹⁶ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г. Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. С. 12.

¹⁷ Карпинский И. М. Новое о Репине. Л., 1969. С. 341.

¹⁸ Бродский И. А., Меламуд Ш. Н. Репин в «Пенатах». М.; Л., 1940. С. 32.

¹⁹ Пумпянский Л. И. Е. Репин. Л., 1943. С. 55.

²⁰ Остроумова-Лебедева А. П. Годы учения у И. Е. Репина // Репин И. Е. М., 1952. С. 21.

²¹ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г., Прибульская И. И. Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. С. 17.

- ²² Бродский И. А., Меламуд Ш. Н. Репин в «Пенатах». М.; Л., 1940. С. 33.
- ²³ Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. С. 66.
- ²⁴ Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1996. С. 138.
- ²⁵ Бородин Т. П. История Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» // Курортный район. Страницы истории. 2012. № 7. С. 9.
- ²⁶ Комиссаров Ю. Линия Паасикиви — Кекконена: история современность, перспективы. М., 1985. С. 16.
- ²⁷ Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г., Прибульская И. И. «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. С. 15.

Е. А. Гурова

ДАТСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ТРАДИЦИИ

Свадьба — один из основных обрядов в культуре каждого народа. Датские свадебные традиции складывались веками, впитывая в себя разнообразные обычаи, суеверия и приметы. Многие датчане считают, что современные традиции самобытны и берут свое начало в далеком прошлом. Однако существует огромная разница между свадебными обычаями XVIII–XIX вв. и начала XXI в.¹

Сам выбор спутника жизни в прежние времена был обусловлен целым рядом обстоятельств. Современный идеал — брак по любви — сформировался сравнительно недавно благодаря писателям-романтикам первой половины XIX в. До этого периода брак по любви был редкостью: обычно соглашение о свадьбе заключали родители, исходя из экономического расчета и социального положения обеих сторон. Представление о том, что суженый, выбранный семьей, предназначен Господом, который ниспошлет истинную супружескую любовь, существовало вплоть до начала XIX в. В прежние времена существовали строгие правила в отношении кровосмешения: запрещалось вступать в брак паре, имеющей родственные связи в четырех поколениях (общая прапрабабушка/прапрадедушка). Кроме этого, существовало жесткое соблюдение очередности брака — младшая дочь не могла выйти замуж раньше старшей.

В сельской местности молодежь имела возможность знакомиться во время ежегодных праздников — Рождества, Масленицы, майского праздника и праздника летнего солнцесто-

яния. Во время праздника 1 мая, символизирующего приход лета, из числа молодых людей выбирали «майского графа» («majgreve»), а тот в свою очередь выбирал «майскую королеву» («majdronning»). По традиции эта чета разделяла оставшуюся молодежь на пары, и те должны были держаться вместе на последующих праздниках в течение года.

Особой традицией было так называемое «ночное сватовство» («nattefrieriet»)². Молодые неженатые люди могли приходить в гости к девушкам субботним вечером. Эти встречи, как правило, проходили в постели. Устанавливались особые правила приличия: одежду снимать не разрешалось, только деревянные башмаки. За один субботний вечер молодой человек мог побывать в гостях у нескольких девушек, а к одной девушке могло прийти несколько парней. Никаких обязательств при этом ни у кого не было. Такие субботние встречи могли продолжаться несколько лет, если же дело доходило до помолвки, молодой человек просил руки у отца девушки, и ночное сватовство прекращалось для обоих. В городах эта традиция не была распространена. Молодые люди из семей ремесленников могли встречаться на различных праздниках, устраиваемых ремесленными цехами.

Помолвке предшествовало официальное сватовство. В роли свата обычно выступал родственник жениха. Если достигалась договоренность по поводу свадьбы, сват с главой семьи обсуждали обручальные подарки и размер приданого. После этого могла состояться помолвка (*trolovelse*), которая до 1799 г. была обязательной составляющей свадебного обряда среди простого населения. После помолвки жених с невестой могли жить супружеской жизнью. Помолвка предшествовала венчанию, и ее можно было разорвать только по решению специального суда по бракоразводным процессам (*tamperret*). Перед собственно помолвкой жених с невестой должны были в присутствии свидетелей дать друг другу брачный обет и обменяться обручальными подарками. Традиция с обменом кольцами, символизовавшими верность друг другу, сначала была распространена только среди высших слоев населения. У простого народа было принято дарить другие подарки — Псалтыри, ложки или портреты. В середине XIX в. девушка во время помолвки часто получала в качестве подарка часы. В день помолвки жених с приглашенными гостями приходил в дом к невесте. После легкой трапезы все переходили в большую

комнату, где стоял маленький стол, покрытый белой скатертью с двумя подсвечниками. В качестве свидетелей помолвки присутствовали пастор и дьякон. По исполнению нескольких псалмов священник произносил речь и соединял руки жениха с невестой. Затем всех приглашали к праздничному столу. 4 января 1799 г. обязательная помолвка была официально отменена, и с этого момента жених с невестой могли быть просто обвенчаны после церковного оглашения брака (*lysning*), проходившего в три воскресенья перед свадьбой. Обязательное оглашение брака перед венчанием сохранялось вплоть до 1969 г. Однако до сих пор его можно совершить по желанию³.

В середине XIX в. между помолвкой и свадьбой проходило, как правило, 6 недель. Чаще всего свадьбу играли в доме невесты. К этому знаменательному событию тщательно готовились. Важными людьми, к которым обращались за помощью в подготовке свадьбы, были стряпуха (*køksen*) и зазывальщик (*bydemanden*). Стряпуха рассчитывала продукты и готовила свадебный пир на 200–300 человек. Зазывальщик мог быть наемным, но чаще его роль исполнял неженатый брат невесты или жениха. Примерно за 8 дней до самого свадебного торжества зазывальщик обходил хутора, приглашая на свадьбу всех домочадцев от хозяина до батраков и обещая такую же помощь в будущем, какую ожидали жених с невестой от этой семьи в данном случае. Среди сельского населения была очень сильна взаимовыручка: помогали друг другу и в горе и в радости, как правило, натуральными продуктами.

Самый обычный «подарок» к торжеству мог состоять из бараньего окорока, домашней колбасы, яиц, утки или курицы, молока и сливок. Если свадьбу играли в пятницу, подарки к торжеству от приглашенных приносили в среду. Тогда же стряпуха с помощницами начинала приготовление праздничной трапезы, а служанки брали займы недостающую утварь у соседей. В четверг пекли хлеб и делали жаркое для свадебного пира, а также стелили постель для новобрачных. В этот же день украшали помещение для торжества, а если не хватало места в доме, украшали гумно.

Особое внимание уделялось наряду невесты. До 1840-х гг. невеста облачалась в народный костюм, детали которого варьировались в различных областях Дании, однако практически во всех нарядах присутствовал синий цвет — символ верности.

Во второй половине XIX в. самым распространенным нарядом невесты стало черное платье. В те времена праздничные наряды городской буржуазии шили из черной ткани, и мода на черный цвет постепенно пришла в сельскую местность.

Головной убор в наряде невесты имел большое значение. Девушке делали прическу и надевали специальный убор, украшенный разноцветными лентами, кружевами и разноцветными бусинами. Жених обычно облачался в народный костюм, отличаясь от остальных гостей только высокой шелковой шляпой.

Первыми в дом невесты прибывали музыканты, встречавшие каждого гостя музыкой. Всем гостям по прибытии подносили стопку водки и выпечку, а затем провожали к столу с угощением, которое состояло из ветчины, холодной буженины, пива, водки и кофе. В это время в доме жениха тоже собирались гости и направлялись на повозках к дому невесты. В некоторых областях Дании невеста сама встречала у порога жениха, в других — ее выводил отец.

После трапезы свадебный поезд отправлялся к церкви. Гости ехали в определенной очередности. Первыми ехали «гонцы», которые должны были доехать до церкви и обратно как минимум три раза. Затем ехали музыканты. Их задачей было играть как можно громче, чтобы, с одной стороны, привлечь внимание окружающих, а с другой — отпугнуть злые силы. На следующем экипаже ехала невеста с двумя сопровождающими ее подружками, а за ней жених со своими сопровождающими. За женихом с невестой следовали остальные гости, их очередность зависела от близости родственных связей и социального положения. Все гости приезжали на свадьбу в парадных повозках, запряженных лучшими лошадьми. Считалось плохой приметой повстречать на пути к церкви старуху. Последняя при виде свадебного поезда должна была спрятаться в канаву или за изгородью. Хорошим знаком считалось повстречать ребенка или собаку. Мать жениха не должна была видеть молодых перед алтарем, поэтому оставалась на время венчания дома.

После венчания молодожены садились в повозку вместе и ехали сразу за музыкантами, их сопровождающие ехали в экипаже следом. Интересно поверье, согласно которому считалось, что, если молодоженам, выходящим из церкви, перебежит дорогу черная кошка, их ждет большое счастье. Дома у невесты прибывших

гостей рассаживали согласно родственным связям и социальному положению. Тосты произносили редко; как правило, к молодоженам обращался с речью пастор или дьякон. В конце свадебного пира по кругу пускались большие блюда, куда собирали деньги музыкантам, стряпухе и иногда подавание беднякам. Затем наступала очередь свадебного вальса и танцев. В конце вечера подавали кофе, холодные закуски и спиртное. Примерно до 1750 г. гости провожали молодоженов до брачной постели. В последующий период возник обычай устраивать всякие шалости, например убирать с кровати все подушки или класть под одеяло различную кухонную утварь. Брачная ночь длилась недолго, так как рано утром молодожены должны были снова встречать гостей.

Главным событием, происходившим на второй день свадьбы, были различные обрядовые танцы и игры, символизировавшие переход незамужней девушки/неженатого молодого человека в категорию замужних/женатых. В конце обряда невесте тщательно закрывали волосы специальным головным убором черного цвета, так как после свадьбы молодой женщине нельзя было показывать волосы. На второй день свадьбы гостям также подавали угощение, и пир продолжался до поздней ночи.

В воскресенье на третий день свадьбы молодожены отправлялись в церковь, где сидели во время службы вместе, что отличало их от других прихожан, так как мужчины и женщины обычно сидели по раздельности. По возвращении домой пир и танцы продолжались, и на этом свадебное торжество заканчивалось. В последующие дни происходила уборка и возврат кухонной утвари соседям, поэтому могло пройти какое-то время, прежде чем новоиспеченная хозяйка окончательно обосновалась в новом доме. Считалось очень важным, чтобы молодая жена принесла в новый дом украденного кота. Она должна была не только пустить его во входную дверь, но поймать и пустить в каждую комнату, чтобы заручиться счастьем в доме. Выйдя замуж, девушка достигала самого высокого для себя статуса. Жизнь старой девы, часто становившейся приживалкой или служанкой, была весьма незавидной.

Современные свадебные традиции представляют собой симбиоз обычаев старых и новых. В основе последних лежат романтические представления о том, как должны выглядеть королевские свадьбы, сформированные киноиндустрией и ши-

роким освещением свадебных торжеств современных принцев и принцесс.

В наши дни свадьбы в Дании, как правило, проходят по субботам, а не по пятницам, как в прежние времена. Помолвка и связанные с ней традиции ушли в прошлое, однако им на смену пришел обычай отмечать примерно за неделю до свадьбы мальчишник и девичник (*polterabend*). Этот праздник прощания с холостой жизнью чаще всего устраивают друзья жениха и подруги невесты. Программа дня обычно очень насыщена и с годами принимает все более экстремальные формы.

Молодые люди прыгают с парашютом, летят вниз головой с «тарзанки», ездят верхом, стреляют и учатся фехтовать. Из менее экстремальных развлечений популярны боулинг, гольф и стриптиз. Девушки, как правило, посещают косметический салон и массажиста. Одно время было популярно наряжать невесту в сексапильный наряд или, наоборот, в старомодную одежду. На жениха надевают арестантскую робу, ползунки, обезьяний костюм или старомодные плавки⁴.

В таком виде жених и невеста обычно прогуливаются по главной пешеходной улице Копенгагена Стрёгет или в парке развлечений Тиволи с табличкой на груди: «Помогите — я женюсь/выхожу замуж» или «Последний шанс — поцелуй за 1 крону».

Сама свадьба проходит, как правило, в течение одного субботнего дня, но подготовка к нему начинается задолго до выбранной даты, часто с привлечением специальных фирм по организации свадебных торжеств. Из суеверия жених с невестой стараются не видеться в сам день свадьбы.

Торжество начинается, когда невеста подъезжает к церкви в карете, лимузине или простом автомобиле. К алтарю ее по традиции ведет отец.

Большое значение, как и в прежние времена, придают наряду невесты. Свадебные платья белого цвета, символизирующего чистоту и радость, вошли в моду в Дании только после Первой мировой войны⁵. Согласно суеверию, невеста не должна сама шить себе платье. Считается, что количество сделанных ею стежков пропорционально количеству слез, которые она прольет в браке. Также считается, что на невесте должно быть все новое, за исключением одной старой вещи и вещи, которую она обязательно должна у кого-нибудь взять в займы. Одна из дета-

лей наряда должна быть синего цвета, символизирующего верность, а другая — красного цвета, символизирующего любовь. Традиция надевать белую фату пришла в Данию в середине XIX в. Считалось, что фата обладает магическими свойствами и охраняет от множества напастей. В связи с этим возник обычай после свадьбы разрывать фату на кусочки, а один из них сохранять. Свадебные туфли, по суеверным представлениям, не должны быть новыми; кроме этого, их не должен покупать жених, так как тогда от него невеста уйдет. Многие девушки кладут себе в туфлю монету, чтобы ни в чем не нуждаться в будущем, а некоторые — соль, чтобы главенствовать в доме над мужем. Традиция держать в руках свадебный букет также пришла в Данию только после Первой мировой войны. Считается, что, если положить его потом на могилу близкого родственника, это принесет счастье. Обычай бросать в молодоженов после венчания зернами риса, символизирующего достаток и плодородие, напротив, очень древний.

Свадебные банкеты в начале XXI в., как и в прежние времена, представляют собой большой гастрономический праздник. Гости, руководимые тамадой, произносят в определенной очередности речи и поют сочиненные по данному случаю песни. Если в какой-то момент приглашенные начинают стучать приборами по тарелкам, это знак молодым подняться и слиться в жарком поцелуе, если же гости начинают топтать, жених с невестой должны поцеловаться под столом. Еще одна достаточно молодая традиция — кричать хором «*Strømpeb nd! Strømpeb nd!*», после чего невеста должна встать на стул и показать подвязку. Если же невеста выходит из помещения, незамужние девушки подходят по очереди к жениху и целуют его в щеку. То же самое делают мужчины, если выходит жених. Еще одной традиционной составляющей свадебного торжества являются танцы, среди которых первое место занимает свадебный вальс. Как правило, звучит музыка Нильса Гаде из балета «Народное предание» (1854). Гости в кругу хлопают танцующим жениху и невесте, постепенно сужая круг, так что они не могут больше двигаться.

После этого мужчины снимают с жениха обувь и обрезают кончики носков, таким образом препятствуя его ухаживаниям за другими женщинами. Данная традиция столетней давности берет свое начало в устойчивом выражении «*at gøre sine hoser*

(sokker) grønne hos nogen» «ухаживать за кем-либо» (досл.: «делать свои носки зелеными у кого-либо»). Согласно недавно появившемуся обычаю, невеста должна кинуть свой букет, стоя спиной к незамужним дамам. Счастливица, поймавшая его, обязательно вскоре выйдет замуж. Своего рода кульминацией свадебного торжества является вынос свадебного торта. Считается, что первый кусок должна отрезать невеста, иначе у нее не будет детей, а также что все гости без исключения должны съесть по кусочку, а то у новобрачных не будет счастья.

По завершении праздника молодожены уезжают в машине, к которой привязано множество консервных банок, производящих невероятный шум и тем самым отгоняющих злые силы. Далее, по приезде домой жених должен перенести невесту через порог — символ перехода из старой жизни в новую, однако войти в дом порою оказывается не простым делом — гости заранее придумывают разные каверзы. Впоследствии отмечают свадебные юбилеи: после 1 года совместной жизни (бумажная свадьба), после 12,5 лет (медная свадьба), после 25 лет (серебряная свадьба) и после 50 лет (золотая свадьба).

Свадебное торжество по-прежнему является одним из самых важных событий в человеческой жизни. Датские свадебные традиции, претерпевая с течением времени значительные изменения, отчасти сохраняют свою самобытность, уходящую корнями в далекое прошлое.

¹ *Kjærsgaard Ibsen D.* Brud med traditionerne — eller brud med tradition // *Samvirke*. 1997. № 9. S. 6.

² *Gunnarsen R.* Vore gamle kalenderdage. Tro, overtro, fest og højtid i svundne tider. *Værløse*, 1998. S. 94.

³ *Ibidem.* S. 99.

⁴ *Nielsen D.* Rødt og hvidt for fortsættere. Fest og farver. København, 2004. S. 42.

⁵ *Kjærsgaard Ibsen D.* Brud med traditionerne — eller brud med tradition. S. 9.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

УДК 94 (480)

Арзамасцева Е. Н. Визуальный образ российской власти в финляндской печати начала XX века (на примере карикатур из журнала «Kurikka»).

В статье на основе карикатур, опубликованных в финском журнале «Куриikka», рассматривается, какой была российская власть в представлении финляндцев в начале XX в. Автор показывает, что наибольшее внимание данный журнал политической карикатуры уделял таким эпизодам в российско-финляндских взаимоотношениях, как уход Н. Н. Герарда с поста генерал-губернатора Финляндии, проблема выплаты «военных миллионов», обсуждение «финляндского вопроса» в Государственной Думе. Особенно разнообразным и многогранным представлен на страницах журнала образ председателя Совета министров П. А. Столыпина. В статье на конкретных примерах показано, что российская власть в карикатурах журнала «Куриikka» была представлена в негативном ключе. Также отмечено резкое увеличение количества карикатур на российских чиновников в связи с началом так называемого «второго периода угнетения» и наличие определенных клише в изображении собирательного образа российской власти.

Arzamastseva E. N. Visual image of Russian authorities in Finnish Press in the beginning of the XX century by the example of the journal «Kurikka».

The article is based on the political caricatures, published in Finnish journal «Kurikka» and deals with the notion of visual image of Russian authorities, which Finnish people had in the beginning of the XX century. The author asserts that the journal gave the most attention to such an events in Finnish-Russian relations as resignation of Nicholas Gerhard from the Governor-General office, the problem of ‘military millions’ and the discussion

of the 'Finnish question' in the Russian Duma. The image of Russian Prime Minister P. A. Stolypin, created in the journal, was particularly various and many-sided. By using specific examples the article demonstrates that the journal «Kurikka» presented Russian power in a negative way. It is also noted that the amount of caricatures on Russian officials dramatically increased after the beginning of the co-called 'the second period of oppression» and that there were used certain clichés in the collective images of Russian authorities.

Ключевые слова: Финляндия, Россия, политические карикатуры, журнал «Курикка», П. А. Столыпин.

Keywords: Finland, Russia, political caricatures, journal 'Kurikka', P. A. Stolypin.

УДК: 359 (09)

Бажанов Д. А. Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы).

В статье рассматривается степень участия экипажей кораблей Балтийского флота, находившихся в Гельсингфорсе, в событиях Гражданской войны в Финляндии. На основе анализа реакции военных моряков на начало боевых действий, выявление их мотивов делается вывод о приоритете личных интересов: мести, материальной заинтересованности. Ограниченность участия русских военных моряков объясняется также демобилизационными настроениями и неисполнением финской стороной договоренностей по снабжению. Важную роль в «сворачивании» помощи сыграло германское наступление. Заключение Брестского мира и вовсе не оставляло шансов на дальнейшее участие моряков.

Bazhanov D. A. Civil War in Finland and the Russian Navy: reaction, participation, motivation (on materials of the crews the Baltic Fleet, stationed in Helsingfors).

The article deals with the involvement of the crews of the Baltic Fleet, stationed in Helsingfors, in the events of the Civil War in Finland. On the basis of analysis of the Navy sailors' reaction at the beginning of hostilities, revealing their motives, the author concludes the priority of personal interests: revenge, a material interest. Limited participation of the Russian Navy sailors can be explained the demobilization moods and failed supply agreements by the Finnish side. The important role in the «folding» assistance played the German offensive. The Brest peace treaty did not leave a chance for sailors to participate further.

Ключевые слова: Балтийский флот, гражданская война, Гельсингфорс, военные моряки.

Keywords: the Baltic Fleet, Civil War, Helsingfors, Navy sailors.

УДК 94 (47).05

Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами...»: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками».

Статья посвящена проблемам организации первым русским комендантом Выборга Г. П. Чернышевым борьбы с партизанскими отрядами, направляемыми шведским командованием для разведки, захвата языков и диверсий. Новые факты позволили оспорить широко распространенный в научной литературе факт поимки шведского офицера Кивика в апреле 1710 г. Малоизученные материалы, хранящиеся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, позволили утверждать, что борьба с Кивиком активно велась летом и осенью 1710 г.

Bazarova T. A. «Follow kivekas's stanitsa by Forests and Marshes...»: The First Russian Commandant of Vyborg G. P. Chernyshev and the fighting against the «kivekas».

Article focuses on problems of organization by the first Russian commandant of Vyborg G. P. Chernyshev the fighting against partisan detachments, guided by the Swedish command for reconnaissance, capturing of knowledgeable people and sabotage. New facts allowed to contest widespread in the scientific literature fact of capture of Swedish officer Kivek in April 1710. The scarcely studied materials stored in the Scientific and Historical Archives of the St. Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, allowed to say that the fight against Civic actively conducted in the summer and autumn 1710.

Ключевые слова: Выборг, кивики, Г. П. Чернышев, борьба с партизанами, А. Д. Меншиков, походная канцелярия.

Keywords: Vyborg, kivekas, G. P. Chernyshev, the fighting against the partisans, A. D. Menshikov, the camp office.

УДК: 94 (48).082

Балащенко Ю. Д. Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР.

В 1899 г. знаменитый русский художник И. Е. Репин приобрел имение, названное «Пенаты», на территории Великого княжества Финляндского. С этого времени о Репине можно говорить как о жителе Финляндии. Он прожил в своей усадьбе 30 лет и был похоронен на ее территории.

После 1917 г. княжество стало независимой Республикой. Репин, оставаясь жить в «Пенатах», стал эмигрантом. Отсутствие финского гражданства не помешало художнику участвовать в общественной жизни страны.

В 1920 г. Репин преподнес молодому государству 30 картин русских художников из своей коллекции. Это событие послужило началом активной интеграции русского живописца в культурное сообщество Финляндии. В выставочных залах, как Хельсинки, так и других городов, стали регулярно проходить выставки-продажи картин И. Е. Репина и его сына Юрия.

Правительство Финляндии отметило заслуги Репина, наградив его орденом «Белой Розы» 2-й степени. А творческая элита страны устроила банкет в его честь. Ответом на эти знаки внимания явилась картина «Финские знаменитости». Как 80-летие, так 85-летие великого художника достаточно широко отмечалось в Финляндии. Поздравления с юбилеями живописцу присылали не только близкие и друзья, но и официальные лица страны.

Начиная с 1924 г. правительство СССР предпринимало неоднократные попытки переселить Репина из Финляндии в СССР, но все они закончились безрезультатно. Художник остался жить в своем имении, ссылаясь на старость и болезни.

На протяжении 20-х гг. к отцу переезжают все дочери. Но они, в отличие от Ильи Ефимовича и сына Юрия, практически не принимают никакого участия в общественной жизни страны.

Balatsenko Yu. D. The integration of I. E. Repin and his family into the Finnish society of the 20's of the XXth century and Soviet government attempts to «return» the artist to the USSR.

In 1899, I. E. Repin, a famous Russian artist, purchased an estate later known as the «Penates», in the Grand Duchy of Finland. Since that time, Repin can be spoken about as an inhabitant of Finland. He has lived for 30 years in his estate and was buried on its grounds.

After 1917, the Duchy became an independent republic, and Repin, who kept living in the «Penates», has turned into an emigrant. The absence of Finnish citizenship did not prevent the artist from participating in the public life of the country. In 1920, Repin made a gift to the young state in the form of 30 paintings of Russian artists from his personal collection. This event marked the beginning of active integration of the Russian painter into the cultural society of Finland. Exhibitions and sales of paintings by Repin and his son Yuri became regular in exhibition halls of both Helsinki and other cities.

The Government of Finland had appreciated Repin's merits by decorating him with the Order of the White Rose, while the creative elite of the country held a banquet in his honour. Repin reciprocated with the painting entitled «The Great Men of Finland». Both the 80th and 85th anniversaries of the great artist have been celebrated in Finland quite widely. Anniversary greetings to Repin came not only from his family and friends, but also from the official representatives of the country.

Starting from 1924, the Soviet government made repeated attempts to resettle Repin from Finland to the Soviet Union, but they all failed. The artist remained in his estate, citing old age and disease.

During the 1920's, all Repin's daughters have moved to live with their father. However, unlike Ilya Repin and his son Yuri, the daughters took practically no part in public life of the country.

Ключевые слова: история, Репин И. Е., история культуры, российско-финляндские связи.

Keywords: History, Repin I. E., history of culture, Russian-Finnish relations.

УДК: 94 (48).082

Балаценко Ю. Д. Судьба усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» до, во время и после Второй мировой войны.

Великий русский художник И. Е. Репин прожил в усадьбе «Пенаты» 30 лет и был похоронен на ее территории. Репину повезло больше, чем его усадьбе. Илья Ефимович пережил Первую мировую войну, две революции и Гражданскую войну. Усадьба же пережила на две войны больше. Имение было куплено в 1899 г. на территории Великого княжества Финляндского. С 1918 по 1939 г. местность вошла в состав независимой Финляндии. После «зимней войны» вошла в состав СССР. В «Пенатах» был открыт мемориальный музей. С 1941 по 1944 г. местность была оккупирована Финляндией. В ходе наступательной операции усадьба была полностью уничтожена, но возродилась из пепла, как птица Феникс. В 1962 г. музей был вторично открыт после воссоздания.

Balatsenko Yu. D. The fate of I. E. Repin's estate «Penates» before, during and after WWII.

The famous Russian artist Ilya E. Repin has lived for 30 years in the «Penates» estate and was buried on its grounds. Repin has survived WWI, two revolutions and the Civil War, while his estate has suffered two more wars. The estate was purchased in 1899 in the Grand Duchy of Finland. From 1918 through 1939, the territory was part of independent Finland. After the Winter War, the territory was joined to the USSR and the estate was turned into a museum. From 1941 through 1944 the territory was occupied by Finland. During the military activities, the estate was completely destroyed, but later arose from ashes like the Phoenix bird. In 1962, the museum was opened again after the restoration.

Ключевые слова: история, Репин И. Е., история культуры, российско-финляндские связи

Keywords: History, Repin I. E., history of culture, Russian-Finnish relations.

УДК: 94 (480).083 Вторая мировая война 1939–1945 гг.

Барышников В. Н. К вопросу об объективности выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии в 1944 г.: экономический аспект.

В статье рассматривает экономическое положение в Финляндии в 1943–1944 гг. Автор обращает внимание на то, что в это время страна из последних сил продолжала войну и без эффективной помощи Германии была не в состоянии продолжать боевые действия. В ее экономике наблюдался острый дефицит рабочей силы, отсутствие сырья и топлива. Также сокращалось промышленное и сельскохозяйственное производство, происходило расстройство финансовой системы. Экономическое положение Финляндия указывает на то, что в 1944 г. страна вплотную приблизилась к внутреннему коллапсу и выход ее из войны стал неизбежен.

Baryshnikov V. N. The question of objectivity Finland's withdrawal on the side of Germany from the Second World War in 1944: the economic aspect.

The article considers the economic situation in Finland in 1943–1944. Author draws attention to the fact that in this period the country continued the war with his last strength, and that Finland was unable to continue the war without effective assistance of Germany. By the end of the war its economy has been an acute shortage of labor, lack of raw materials and fuel. Also in this country sharply reduced the industrial and agricultural production and there was disorder of the financial system. This economic situation of Finland indicate, that in 1944 the country approached to collapse and its withdrawal from the war was the imminent.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, история Финляндии, финляндско-германские отношения, экономическая история.

Keywords: History of the Second World War, the history of Finland, the Finnish-German relations, economic history.

УДК 811.511.111

Белкина Н. В. Слова, как зеркало эпохи.

Статья рассказывает о неологизмах 2013 г. в финском и русском языках, их структуре, происхождении и употреблении в языках. Автор приводит классификацию неологизмов по происхождению. Также в статье описываются продуктивные способы словообразования неологизмов, такие как словосложение и суффиксация в финском языке и аффиксация в русском языке. Отдельно указываются на окказионализмы и английские заимствования. Доказано, что в финском языке продуктивно также калькирование как способ образования неологизмов. Исследуется влияние пуризма в финском языке на образование неологизмов. Особое

внимание уделено политическим неологизмам в русском и финском языках с примерами из материалов прессы 2013 г. Приводится статистика употребления некоторых русских и финских неологизмов в интернет-изданиях 2013 г. Подтверждается связь происхождения неологизмов с тенденциями в общественной жизни и потребностями общества.

Belkina N. V. Words as a mirror of history.

The article tells about neologisms 2013 in Finnish and Russian languages, their structure, origin and use in languages. The author gives a classification of neologisms in origin. The article also describes productive ways of word formation of neologisms such as composition and suffixes in Finnish and affixation in the Russian language. Shown separately on occasionalisms and English borrowings. It is proved that in the Finnish language productively as calques as a way formation neologisms. Examines the impact of purism in the Finnish the formation of neologisms. Particular attention is paid to the political neologisms in Russian and Finnish with examples from the press materials 2013 year. Provides statistics use some Russian and Finnish neologisms in the online editions of 2013. It is proved that the origin of neologisms is directly related to trends in public life and the needs of society.

Ключевые слова: неологизм, финский язык, русский язык, классификация неологизмов, способы словообразования, словосложение, суффиксация, аффиксация, окказионализмы заимствования, калькирование, пуризм.
Keywords: neologisms, Finnish and Russian languages, classification of neologisms, suffixes, affixation occasionalisms, borrowings, Calques, purism, political neologisms.

УДК 94 (489)

Возгрин В. Е. Становление датской конституции: социально-психологический фактор.

В статье рассмотрена история смены ряда старинных основных законов новыми, более соответствующими политической, экономической и общественно-культурной обстановке в Дании, а также в наиболее передовых странах Европы. Особое внимание обращено при этом на фактор национального самосознания. Если в период абсолютизма групповое сознание датчан основывалось на религии, лояльности к монархам или принадлежности к той или иной социальной страте, то в XIX в. ситуация изменилась, теперь уже национальное сознание опирается на исторические, языковые и более современные этические критерии. Анализ становления в Дании буржуазной демократической Конституции показывает также, что такой переход осуществлялся под влиянием еще двух мощных факторов. Во-первых, это политические перемены во Франции и Великобритании. Во-вторых, что не менее важно, указанная метаморфоза имела своей движущей

силой чисто психологический фактор (имеется в виду не этнопсихология, а психология отдельных социальных групп). Одним из них стало стремление широких масс к самоопределению, принявшее в первой трети XIX в. взрывной характер, хотя социальное положение низов города и деревни оставалось прежним. Между жителями города и деревни, имевшими равное социальное и экономическое положение, возникло поле высокой напряженности, что объясняется автором их чисто психологической несовместимостью. Такая ситуация во многом содействовала согласию правящих кругов на принятие новой Конституции, снявшей упомянутое напряжение.

***Vozgrin V. E. The Danish Constitutions
Formation: social and psychological factor.***

The article describes the history of changing a number of ancient fundamental laws of the new, more relevant political, economic and sociocultural situation in Denmark, as well as in the most advanced countries in Europe. Special attention is paid at the same time to the factor of national identity. If during the period of absolutism group consciousness of the Danes was based on religion, loyalty to the monarchy or membership of a particular social stratum, in the 19th century new, now the national consciousness is based on historical, linguistic, and more modern ethical criteria. Analysis of the formation of Denmark into a bourgeois democratic constitution also shows that such a transition is carried out under the influence of two powerful factors. Firstly, it is the political changes in France and the UK. Second, no less important, this metamorphosis was driven by a psychological factor (not meaning ethnopsychology but psychology of individual social groups). One of them was the desire of the masses to self-determination, which on the first third of the 19th century got explosive nature, although social status of the baseman towns and villages remained the same. Between urban and rural residents, who had equal social and economic status, there was a high tension, which can be explained by the fact of a purely psychological incompatibility. This situation led to an agreement of the ruling circles in the adoption of a new constitution which took off the tension.

Ключевые слова: Дания, конституция, социальная психология, политика, либерализм.

Keywords: Denmark, constitution, social psychology, politic, liberalism.

УДК 94 (489)

Гурова Е. А. Датские свадебные традиции.

В статье рассматривается история датских свадебных традиций с конца XVIII в. до наших дней. При ближайшем рассмотрении оказывается, что современные традиции лишь отчасти сохраняют самобытность, уходящую корнями в далекое прошлое. За многовековую историю од-

ни обычаи подверглись значительным изменениям, другие оказались безвозвратно утраченными, а на смену им пришли абсолютно новые обычаи, возникшие вследствие различных культурных взаимодействий под влиянием процесса глобализации.

Gurova E. A. Danish wedding customs.

The article deals with the history of Danish wedding customs since the end of the 18th century until our time. A closer examination reveals that the present-day traditions have greatly departed from what they used to be. Throughout the long history some customs have undergone changes; some have been lost forever to be replaced by totally different ones formed by cultural interaction under globalization.

Ключевые слова: датская культура; датская этнография; свадебные обряды.

Keywords: Danish culture; Danish ethnography; wedding ceremonies.

УДК 327 (489) (091) «197/198»:930.1 (1–87)

Дубинко-Гуща Е. О. Зарубежная историография внешней политики Дании в 1970–1980-е гг.

Статья посвящена обзору зарубежной историографии по внешней политике Дании в системе международных отношений 1970–1980-е гг. В основу классификации были положены хронологический и региональный принципы. Автором были собраны и проанализированы статьи по данной тематике, опубликованные в ведущих научных журналах стран Западной Европы и США. В статье отражены взгляды скандинавских и зарубежных исследователей на актуальные проблемы внешней политики стран Северной Европы в указанный период.

Dubinka-Hushcha L. O. Foreign Historiography of the Danish Foreign Policy in 1970–1980s.

The article provides a review of the foreign historiography of the Danish foreign policy in the system of international relations in 1970–1980s. The classification is based on the chronological and regional principles. Articles published in major Western European and American scientific journals on the subject under scrutiny have been collected and analyzed. The article examines the views of Scandinavian and foreign scholars on the foreign policy issues of Northern European countries in the 1970–1980s.

Ключевые слова: историография, внешняя политика, страны Северной Европы, северный баланс, НАТО, ЕС, НОРДЕК.

Keywords: historiography, foreign policy, countries of Northern Europe, Nordic balance, NATO, EU, NORDEK.

УДК 811.112.3

**Жаров Б. С. Скандинавские словари
профессора В. Ф. Максимова.**

Владимир Федорович Максимов (1914–2000) – петербургский профессор, доктор технических наук, один из крупнейших российских специалистов в области лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, охраны труда и охраны окружающей среды. Он оставил также яркий след в скандинавско-русской лексикографии, выпустив два издания «Шведско-русского политехнического словаря» (М., 1964 – 60 000 терминов, 1994 – 70 000 терминов), «Норвежско-русский политехнический словарь» (М., 1970 – 50 000 терминов) и «Датско-русский политехнический словарь» (Москва, Копенгаген, 1987 – 55 000 терминов). О его работе над словарями, используя личные воспоминания, рассказывает автор статьи.

**Zharov B. S. The Scandinavian dictionaries
by professor V. F. Maksimov.**

Professor Vladimir Feodorovich Maksimov (1914–2000), doctor of Technics, is one of the most famous Russian specialist's in the wood and paper industry, labour protection and environment protection. But he also makes a valuable contribution to the Scandinavian-Russian Lexicography. He published «Swedish-Russian polytechnic dictionary» (two editions: Moscow, 1964–60 000 terms, 1994–70 000 terms), «Norwegian-Russian polytechnic dictionary» (Moscow, 1970–50 000 terms), «Danish-Russian polytechnic dictionary» (Moscow, Copenhagen, 1987–55 000 terms). The author of the article tells about the work of V. F. Maksimov with the dictionaries.

Ключевые слова: словари скандинавских языков. Технические словари. Владимир Федорович Максимов.

Keywords: Scandinavian dictionaries. Technic dictionaries. Vladimir Feodorovich Maksimov.

УДК: 908 (470)

**Лебедев А. А. Гангутская кампания Балтийского
парусного флота 1743 г. в свете новых материалов.**

Статья посвящена одному из малоизвестных сюжетов морского противостояния периода Русско-шведской войны 1741–1743 гг. На основе малоизвестных и вовсе не публиковавшихся материалов РГА ВМФ воссоздается картина состояния Балтийского парусного флота в кампании 1743 г., ставшей решающей в ходе войны.

Lebedev A. A. Gangut's campaign of the Baltic sailing fleet 1743 in a view of new materials.

The article is devoted to one of the little-known stories of naval warfare during the Russian-Swedish war of 1741–1743. Based on little-known and never before published archival materials reconstructed picture of the state of the Baltic sailing fleet in the campaign of 1743, which became decisive in the war.

Ключевые слова: Балтийский флот, Русско-шведская война 1741–1743 гг., кампания 1743 г.

Keywords: Baltic fleet, The Russian-Swedish war of 1741–1743, The Campaign 1743.

УДК: 94 (47) 1918

Лобанова Д. Р. Социальные последствия Гражданской войны в Финляндии.

В статье автор рассматривает социальные последствия, затронувшие Финляндию после событий Гражданской войны. Исследователи дают различные наименования кровопролитным событиям, произошедшим после войны 1918 г., но все они отражают истинный характер произошедшего. В исторической науке России и Финляндии так и не выработалось единого мнения относительно оценки событий финской гражданской войны и, в особенности, оценки военного террора. Белый террор в Финляндии продолжался многие месяцы, и он затронул всю наиболее населенную южную часть страны. Уже в феврале 1918 г. белое финское правительство постановило устроить лагеря, намереваясь предать суду всех, кто каким-либо образом принимал участие в восстании или проявлял симпатии красным.

События Гражданской войны в Финляндии до сих пор вызывают своеобразный резонанс в обществе. Сейчас в периодической печати Финляндии наблюдается тенденция к открытому и правдивому изложению событий самой войны и последующей трагедии. Авторы все больше задаются вопросом, какой же был истинный характер войны 1918 г.

Lobanova D. R. The social consequences of the Civil war in Finland.

In the article the author considers the social consequences, affecting Finland after the events of the Civil war. Researchers give different names to the bloody events that occurred after the war in 1918, but they all reflect the true nature of the incident. In historical science of Russia and Finland and has not developed a consensus on the assessment of the events of the Finnish civil war and, in particular, evaluation of military terror. White terror in Finland lasted many months, and he touched all the most populated southern part of the country. In February 1918 the white Finnish government has decided to make

camp, intending to prosecute all who in any way participated in the uprising or showed sympathy in red. Events of the civil war in Finland so far are a kind of resonance in the society. Now in periodicals Finland there is a tendency to open and truthful narrative of the war and the subsequent tragedy. The authors are increasingly wondering what was the true character of the war 1918.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, гражданская война, освободительная война, социальные последствия, белый террор, лагеря, дети в лагерях, казни.

Keywords: The civil war in Finland, the civil war, the liberation war and social consequences, white terror, concentration camps, kids in concentration camps, executions.

УДК 94 (480)

Мусаев В. И. Распространение свободно-церковного движения в Восточной Финляндии в конце XIX – начале XX в.

Движение свободных церквей представляло собой характерное явление общественной жизни стран Северной Европы с середины XIX в. Во второй половине XIX в. и начале XX в. в Финляндии начали возникать общины баптистов, методистов, пятидесятников, появились отделения Армии спасения. Они были легализованы в 1889 г. В Восточной Финляндии активность проповедников свободно-церковных общин воспринималась как угроза для православной паствы, большая часть которой проживала в этой части страны. В частности, евангелическая община, образованная в Хельсинки, активно работала среди местных русских. Руководство Финляндской Православной епархии принимало меры с целью нейтрализовать влияние протестантской пропаганды среди православных. Принятые меры имели определенный успех. Свободно-церковное движение между тем сохранялось в Финляндии, и его правовое положение было окончательно закреплено после того, как страна стала независимой.

Musaev V. I. Spread of Free-Church Movement in Eastern Finland in the late 19th and early 20th Centuries.

Free-church movement, related to so called revivalism, reached Northern Europe in the middle of the 19th century. In the late 19th and early 20th centuries Baptist, Methodist, Pentecost parishes were founded in Finland, groups of the Salvation Army appeared as well. They were legalized in Finland in 1889. In Eastern Finland activities of the preachers of the free communities were perceived as a threat for the Orthodox flock, since the Finnish Orthodox believers dwelled mainly in that part of the country. For instance, the Evangelist community, founded in Helsinki, was active, preaching among the local Russians. Leading persons of the Finnish Orthodox diocese undertook measures, aimed at

withstanding Protestant preaching among the Orthodox. These countermeasures brought some result, since influence of free-church propaganda among the Orthodox was slackened. Free-church movement persisted in Finland and its legal position was completely secured after Finland became independent.

Ключевые слова: ривайвелизм, Финляндия, свободно-церковное движение, Финляндская Православная епархия.

Keywords: Revivalism, Finland, Free-Church movement, Finnish Orthodox diocese.

УДК: 94 (47).073.5

Кобчиков Е. Ю. Художник А. П. Боголюбов и облик кронштадтских фортов в Крымскую (Восточную) войну 1853–1856 гг.

Статья посвящена роли Кронштадта (форта «Император Павел I» и др.) в обороне Санкт-Петербурга в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Показан поиск документальных изображений кронштадтских фортов, сделанных современниками, среди которых гравюры из британского еженедельника «The Illustrated London News». При этом автор делает вывод, что наиболее точным таким изображением является графический рисунок художника-мариниста А. П. Боголюбова из «Лоции русского берега Балтийского моря» (1871).

Kobchikov E. Y. Artist A. P. Bogolyubov and appearance of Cronstadt forts in the Crimean (Eastern) war of 1853–1856.

The article discusses the role of Cronstadt (fort «Emperor Paul I», and others) in the defense of St. Petersburg in the Crimean (Eastern) war of 1853–1856. Shows the search documentary images of Cronstadt forts made by contemporaries, including prints from the British weekly, The Illustrated London News. The author concludes that the most accurate in this image is a graphical illustration of the marine painter A. P. Bogolyubov from The Sailing directions of the Russian coast of the Baltic sea (1871).

Ключевые слова: Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., художник А. П. Боголюбов, Кронштадт, кронштадтские форты, лоция русского берега Балтийского моря.

Keywords: The Crimean (Eastern) war of 1853–1856, the artist A. P. Bogolyubov, Cronstadt, Cronstadt forts, the Sailing directions (Pilot) of the Russian coast of the Baltic sea.

УДК: 94 (47).065

Коваленко Г. М. Свен Бэльтер в Петербурге. 1744–1745.

Шведская «Россика» XVIII в. достаточно хорошо известна исследователям и введена в научный оборот. Неопубликованных травелогов срав-

нительно немного. К их числу относится дневник священника Свена Бэльтера — члена шведского посольства Хермана Сёдеркрейца 1744–1745 гг. В общей сложности Бэльтер пробыл в Петербурге около 6 месяцев. За это время он сумел познакомиться как с достопримечательностями города и его окрестностей, так и с представителями научных, культурных и правительственных кругов. Свои впечатления о пребывании в Петербурге он изложил на страницах дневника, который хранится в библиотеке города Векшё.

Kovalenko G. M. Sven Belter in Saint-Petersburg. 1744–1745.

Swedish «Rossica» of the 18th century is quite well known among the investigators and was introduced in the scientific turn. There are relatively few unpublished travelogs. To them belongs the diary of the priest Sven Belter — a member of the Swedish embassy of Herman Söderkreutz in 1744–1745. Totally Belter spent about 6 months in Saint-Petersburg. Within this time he managed to get acquainted both with the sights of the city and its surroundings and with representatives of scientific, cultural and governmental circles. He stated his impression of being in Saint-Petersburg on the pages of the diary which is kept in the library of the city of Växjö.

Ключевые слова: шведская «Россика», Свен Бэльтер, Шведское посольство 1744–1745, Петербург, Академия наук, Жозеф Делиль, Иоганн Сигисбек, Иоганн Гмелин, Арвид Градин, Петергоф, Зоологический сад.
Keywords: Swedish «Rossica», Sven Belter, Swedish embassy 1744–1745, Saint-Petersburg, Academy of Sciences, Joseph Delille, Johann Sigisbeck, Johann Gmelin, Arwid Gradin, Peterhof, Zoological gardens.

УДК: 908 (470)

Самыловская Е. А. Участие С. Л. Владиславича Рагузинского в карьере флотоводца М. Змаевича в России.

Статья, основанная на анализе исторической литературы и архивных источников, рассматривает роль Саввы Лукича Владиславича Рагузинского в развитии карьеры талантливого военно-морского офицера на русской службе Матии Змаевича. Автор пришел к выводу, что дипломат способствовал принятию М. Змаевича на службу в Россию и в дальнейшем оказывал ему покровительство, так как между семьями Владиславичей и Змаевичей поддерживались тесные связи.

Samylovskaya E. A. The participation of S. L. Vladislavich Raguzinsky in the career of the naval commander M. Zmayevich in Russia.

The article based on the analysis of the historical literature and archival sources deals with the role of Sawa Lukich Vladislavich Raguzinsky in the

development of the career of talented naval officer in the Russian service — the career of Matija Zmaevich. The author has come to the conclusion that diplomat contributed to the adoption of M. Zmaevich on the service in Russia and had patronizing attitude towards him since there were close ties between families of Vladislavich and Zmaevich.

Ключевые слова: Савва Лукич Владиславич Рагузинский, Матия Змаевич, дипломат, военно-морской офицер, карьера.

Keywords: Sawa Lukich Vladislavich Raguzinsky, Matija Zmaevich, diplomat, naval officer, career.

УДК: 908 (470)

Славнитский Н. Р. Разведка в годы Северной войны: мероприятия по сбору сведений о противнике в период обороны северо-западных рубежей России в 1708 г.

Статья посвящена деятельности разведывательных партий российских войск в ходе обороны Санкт-Петербурга в 1708 г. (и в период подготовки к отражению наступления шведов), а также рассматриваются сведения, которые русское командование получало от пленных, захваченных этими партиями, и перебежчиков. На основании этих сведений Ф. М. Апраксин и принимал решения в период операции.

Slavnitsky N. R. Reconnaissance in the North during the war activities on gathering information about the enemy during the defense of the north-western borders of Russia in 1708.

The article is dedicated activities of scouts units of the Russian troops during the defense of St. Petersburg in 1708 (and the run-up to repulse the offensive of Swedes). Also it examines the information the Russian command received from defectors and captives, which were captured by the mentioned units. Based on this information, F. Apraxin took his decisions during the operation

Ключевые слова: Северная война, Санкт-Петербург, разведка, Ф. М. Апраксин, Г. Ю. Любеккер.

Keywords: Great Northern War, Saint Petersburg, reconnaissance, F. Apraxin, G. Lyubekker.

УДК: 355.40-355.49 (261.24) «1914/1918»

Партала М. А. «Осведомительное бюро» контр-адмирала А. И. Непенина: к истории Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи Балтийского моря (1915–1917).

Статья посвящена истории создания Временного оперативного отделения при Начальнике Службы связи Балтийского моря. Показан вклад

Временного оперативного отделения в решение задачи разведывательного обеспечения боевых действий Балтийского флота.

Partala M. A. «Information bureau» of rear admiral A. I. Nepenin: The history of Temporary Operational Department at the Head of the Communication Service of the Baltic Sea (1915–1917).

The article is devoted to the history of Temporary Operational Department at the Head of the Communication Service in the Baltic Sea. Shows the contribution of Temporary Operational Department in the solution of the problem of intelligence support of naval operations of the Baltic Fleet.

Ключевые слова: Первая мировая война, Балтийское море, русский Балтийский флот, Временное оперативное отделение, Служба связи, А. И. Непенин.

Keywords: World War I, Baltic Sea, Russian Baltic Fleet, Temporary Operational Department, Communication Service, A. I. Nepenin.

УДК 94 (47).084.6

Петров П. В. К вопросу о потерях Советского Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне 1939–1940 годов.

Потери Советского Военно-морского флота в советско-финляндской войне были небольшими на фоне огромных потерь Красной армии. Несмотря на это обстоятельство, данный вопрос долгое время оставался неизученным в отечественной литературе. Лишь в последние годы стали появляться данные о потерях ВМФ в ходе «зимней войны». Новые архивные документы помогают внести ясность в изучение данного вопроса. Следует заметить, что наибольшие безвозвратные потери в ходе советско-финляндской войны понес Краснознаменный Балтийский флот. Потери КБФ убитыми составили 323 человека, из них летчиков — 110 человек, подводников — 50 человек (подлодка «С-2»), морской пехоты — 127 человек, береговой обороны — 13 человек, Ладожская военная флотилия — 8 человек. Северный флот имел незначительные потери, составившие 39 человек убитыми. Причем в основном они носили небоевой характер. Таким образом, безвозвратные потери Советского Военно-морского флота в советско-финляндской войне 1939–1940 годов составили 362 человека.

Petrov P. V. To the question about Soviet Navy losses during the Soviet-Finnish War of 1939–1940.

The losses of Soviet Navy during Soviet-Finnish War were a small as compared with huge losses of Red Army. In spite of this circumstance, present question was

a little studied in the home literature for a long time. The information about Soviet Navy losses during the Winter War appeared only last years. The new archive documents help to clear up this problem. It's necessary to note, that Red Banner Baltic fleet had a biggest losses in the Soviet-Finnish War. The number of killed this fleet were 323 seamen, of which 110 — pilots, 50 — sailors on a submarine «S-2», 127 — naval infantrymen, 13 — soldiers of coastal defense, 8 — sailors of Ladoga navy. The Northern fleet had very small losses, which made up 39 killed seamen. What's more, these losses were noncombat. Thus, the irretrievable losses of Soviet Navy in Soviet-Finnish War of 1939–1940 reached of 362 seamen.

Ключевые слова: потери, убитый, раненый, советско-финляндская война, Краснознаменный Балтийский флот, Северный флот, командир, матрос, надводные силы, летчик.

Keywords: losses, killed, wounded, Soviet-Finnish war, Red Banner Baltic fleet, Northern fleet, commander, seaman, sailor, surface forces, pilot.

УДК 75.041

Суворова Л. В. Организация художественного образования в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX века.

Статья посвящена развитию художественного образования в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX в. Для финнов, получивших автономию, первоочередное значение приобрели вопросы развития национальной культуры. Снельман и Портан много сделали для развития просвещения. Для финского общества сохранение классической традиции приобрело определяющее значение. Активными просветительскими центрами стали Музей древностей в Стокгольме и художественное общество в Свеаборге. В статье приводится также подробное описание картины Гуденъелма «Автопортрет в Петербургской мастерской», выполненное хранителем финской и французской живописи в Эрмитаже А. А. Бабиным. Европейский опыт Экмана и связанного с Петербургской академией художеств Гуденъелма остаются главными в деле организации художественно-просветительской деятельности в Великом княжестве Финляндском в первой половине XIX в. Рисовальные школы Турку и Гельсингфорса, Художественное объединение 1846 г., его собирательская и выставочная работа представляли собой значительное явление в культурной жизни не только Финляндского княжества, но и всей России.

Suvorova L. V. Organization of Education in the field of Fine arts in Grand Duchy of Finland in the first half of XIX century.

The Article is devoted to the development of Fine Arts Education in the Grand Duchy of Finland. Development of national culture became the most

important after Finns had got autonomy, Mr. Snellman and Mr. Porthan contributed a lot in Finnish education. Then preservation of classical traditions was the most cherished and taught in the Stockholm Art center of Antique Museum and Art Center in Sveaborg.

In the Article you find also a text devoted to the detailed description of Godenhjelm painting “The self portrait in St. Petersburg studio» presented by Mr. Babin, Finnish and French Art department curator at the Hermitage Museum.

Ekman’s European educational background and Godenhjelm’s experience linked with education in Art Academy of St. Petersburg played the key role in development of Fine Arts education in Grand Duchy of Finland in the first half of XIX century. Painting schools in Turku and Helsingfors, Finnish Fine Art society established in 1846 year and their collection and exhibition activity were important not only for Finnish Duchy cultural development but a high light development in all Russia

Ключевые слова: финское искусство в первой половине XIX в.; художественное образование; становлении собственной педагогической системы
Keywords: Finnish Arts in the first half of XIX century, Fine Arts Education, Development of unique pedagogical system

УДК 94 (47). 072–073. 94 (480)

Фруменкова Т. Г. Из жизни окружного надзирателя Финляндского округа Петербургского воспитательного дома И. Ф. Лашкейта (1820–1850-е гг.).

Статья посвящена изучению жизни и деятельности окружного надзирателя Финляндского округа Петербургского воспитательного дома И. Ф. Лашкейта (1820–1850-е гг.) и проблемам деревенского воспитания питомцев воспитательных домов.

Frumenkova T. G. From the life of the district overseer of Finnish district of Petersburg Foundling house I. F. Laskeit (1820s – 1850s).

The article is devoted to the study of the life and activities of the district overseer of Finnish district of Petersburg Foundling house I. F. Laskeit (1820s – 1850s) and the problems of rural upbringing of Foundling houses’ orphan children. The overseer knew Finnish language, lived in Finland. His responsibilities included supervision of physical condition and health of children-orphans. According to the results of his observations of a peasant family were paid for the upbringing. Peasants often complained to I. F. Laskeit, and part of their complaints was fair. But he continued the service, received benefits and privileges for their own personal needs. Thus, the leaders of the Foundling house considered his activity was useful for the institution. Finnish peasants, in their opinion, did not always need to be considered.

Ключевые слова: воспитательный дом, Финляндский округ, окружной надзиратель, крестьяне-воспитатели, воспитанники.

Keywords: Foundling house, Finnish district, district overseer, peasants-caregivers, orphan children.

УДК 281.93

Шкаровский М. В. Русская община Покрова Пресвятой Богородицы и Хельсинки в XX веке.

Статья посвящена истории находившегося на территории Финляндии православной русской Покровской общины. Она была создана в 1925 г. в Выборге русскими эмигрантами, хотевшими сохранить особенности богослужения Русской церкви. В годы советско-финской войны члены общины были вынуждены переехать в Хельсинки, где в 1950-е гг. построили свой храм. После окончания войны Покровская община стала главным центром благочиния Московского патриархата в Финляндии и играет эту роль до настоящего времени.

Shkarovskii M. V. Russian community of the Holy virgin and Helsinki in the twentieth century.

The Article is devoted to the history of who was in Finland proto-Orthodox Russian virgin communities. It was established in 1925 in Vyborg Russians immigrants who wanted to preserve the features of the worship of the Russian Church. In the years of the Soviet-Finnish war, the community members were forced to move to Helsinki, where in the 1950s he built his temple. After the war Pokrovskaya community became the main centre of the diocese of the Moscow Patriarchate in Finland and plays this role to the present.

Ключевые слова: Финляндия, Русская церковь, Покровская община, Вторая мировая война

Keywords: Finland, the Russian Church, Pokrovskaya community, the Second world war.

УДК: 94 (48).072

Шрадер Т. А. Из истории русско-скандинавских отношений в конце XIX — начале XX в. (вопрос исследования северных районов Европы).

Одним из важных направлений научных исследований в XIX в. было изучение географии и геофизики Земли. Причем было очень важно объединить усилия ученых из разных стран. В середине и в конце XIX в. ученые Российской Императорской академии наук и Шведской Королевской академии наук предприняли в этом направлении две очень важные научные экспедиции, направленные на исследования северных районов Европы.

В конце XIX в. и в начале XX в. вторым важным событием в российско-скандинавской научного сотрудничества стала организация Международной конференции по изучению гидрологии и биологии северных морей.

Shrader T. A. Russian-Scandinavian scientific contacts in the last part of the XIX – beginning of the XX centuries (The investigations of the North part of Europe region).

One of the important trends of scientific investigations in XIX century was the studding of geography and geophysics of the Earth. It was very important to combine efforts of the scientists from different countries. In the middle and in the end of the XIX century the scientists of Russian Imperial Academy of Sciences and Swedish Royal Academy of Sciences realized two very important scientific expeditions of the measurement of the meridian arc in the North part of the Earth.

In the end of the XIX and begging of the XX centuries was the second important event in Russian-Scandinavian scientific cooperation. That was the collaboration in the International conference of studding of hydrology and biology in the North seas.

Ключевые слова: ученые, экспедиции, конференция.

Keywords: Scientists, expeditions, conference.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасцева Елизавета Николаевна, Санкт-Петербургский государственный университет. arzamastsevaliza@mail.ru

Базарова Татьяна Анатольевна, к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. tbazarova@yandex.ru.

Бажанов Денис Александрович, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. russkafedra@yandex.ru

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета. vbaryshnikov@mail.ru

Балащенко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты»

Белкина Наталья Вениаминовна, к. пед. н., доцент Русской христианской гуманитарной академии

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета. vozgrin60@mail.ru

Гурова Елена Александровна, к. филол. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Дубинко-Гуца Елизавета Олеговна, Белорусский государственный университет. lisa.dubinka@gmail.com

Жаров Борис Сергеевич, к. филол. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета. bzharov@gmail.com.

Коваленко Геннадий Михайлович, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН. gmk49@mail.ru

Лебедев Алексей Анатольевич, к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет. tim_dasha@mail.ru

Мусаев Вадим Ибргимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН. vmusaev62@mail.ru

Партала Михаил Анатольевич, к. т. н., доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета. par_ma@mail.ru

Петров Павел Владимирович, к. и. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф». kbf1939@rambler.ru

Самыловская Екатерина Анатольевна, старший преподаватель Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Суворова Лариса Владимировна, к. иск., Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина РАХ

Фруменкова Татьяна Георгиевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. frumentat@yandex.ru

Шкаровский Михаил Викторович, д. и. н., Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. shkarovs@mail.ru

Шрадер Татьяна Алексеевна, к. и. н., Музей антропологии и этнографии РАН

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Arzamastseva Elizaveta Nikolaevna, St.Petersburg State University.
arzamastsevaliza@mail.ru

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich, PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. vbaryshnikov@mail.ru

Bazarova Tatjana Alekseeva, PhD (History), the St.Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences. tbazarova@yandex.ru.

Bazhanov Denis Aleksandrovich, PhD (History), associated professor of Herzen State Pedagogical University of Russia. russ-kafedra@yandex.ru

Balacenko Yuriy Dmithievich, I. E. Repin memorial estate «The Penates».

Belkina Natalia Veniaminovna, Phd, associated professor of Russian Christian Humanitarian Academy

Dubinka-Hushcha Lizaveta Alehauna, the Belarusian State University, lisa.dubinka@gmail.com

Frumenkova Tanjana Gergievna, PhD (History), associated professor of Herzen State Pedagogical University of Russia. frumentat@yandex.ru

Gurova Elena Aleksandrovna, PhD (Philology), associated professor of Saint Petersburg State University

Kovalenko Gennady Mihaylovich, PhD (History), the St.Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences. gmk49@mail.ru

Lebedev Aleksey Anatoljevich, PhD (History), St. Petersburg State University of Film and Television

Lobanova Darja Rostislavovna, Saint Petersburg State University. tim_dasha@mail.ru

Musaev Vadim Ibragimovich, PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences. vmusaev62@mail.ru

Partala Mikhail Anatolievich, associated professor of St. Petersburg State Electrotechnical University. par_ma@mail.ru

Petrov Pavel Vladimirovitch, PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof». kbf1939@rambler.ru

Samylovskaya Eketerina Anatol'evna, A senior lecturer of St. Petersburg Classical University of Trade Union. katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Shkarovskii Mihail Viktorovich, PhD (History), Central State Archives of Sankt-Petersburg. shkarovs@mail.ru

Shrader Tatjana Alekceevna, PhD (History), Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

Suvorova Larisa Vladimirovna, PhD (Art History), Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture of St. Petersburg.

Zharov Boris Sergeevich, PhD (Philology), associated professor of Saint Petersburg State University. bzharov@gmail.com

Vozgrin Valeriy Evgenevich, PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. vozgrin60@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Preface.....	9
ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ	
<i>Т. А. Базарова</i> «За кивиковую станицею лесами и болотами...»: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками»	12
<i>Г. М. Коваленко</i> Свен Бэльтер в Санкт-Петербурге. 1744–1745.....	20
<i>Ю. Д. Балаценко</i> Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР	26
ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА	
<i>Н. Р. Славнитский</i> Разведка в годы Северной войны: мероприятия по сбору сведений о противнике в период обороны северо-западных рубежей России в 1708 г.....	40
<i>Д. А. Бажанов</i> Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы)	50
<i>Д. Р. Лобанова</i> Социальные последствия гражданской войны в Финляндии	62

- В. Н. Барышников*
К вопросу об объективности выхода Финляндии
из Второй мировой войны на стороне Германии в 1944 г.:
экономический аспект 73

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

- Е. А. Самыловская*
Участие Саввы Владиславича Рагузинского
в карьере флотоводца Матия Змаевича в России 88
- А. А. Лебедев*
Гангутская кампания Балтийского парусного флота 1743 г.
в свете новых материалов 92
- Е. Ю. Кобзиков*
Художник А. П. Боголюбов и облик кронштадтских фортов
в Крымскую (Восточную) войну 1853–1855 гг. 105
- М. А. Партала*
«Осведомительное бюро» контр-адмирала А. И. Непенина:
к истории Временного оперативного отделения
при начальнике Службы связи Балтийского моря (1915–1917) .. 109
- П. В. Петров*
К вопросу о потерях Советского Военно-Морского Флота
в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. 121

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ,
ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ**

- В. Е. Возгрин*
Становление датской конституции:
социально-психологический фактор 132
- Т. А. Шрадер*
Из истории русско-скандинавских отношений
в конце XIX–начале XX веков (вопрос исследования
северных районов Европы)..... 161
- Е. Н. Арзамасцева*
Визуальный образ российской власти в финляндской печати
начала XX века (на примере карикатур из журнала «Kurikka») .. 170
- Е. О. Дубинко-Гуца*
Зарубежная историография внешней политики Дании
в 1970–1980-е гг. 179
- Б. С. Жаров*
Скандинавские словари профессора В. Ф. Максимова. 190

<i>Н. В. Белкина</i> Слова как зеркало эпохи (на примере финских и русских неологизмов 2013 г.)	196
---	-----

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>В. И. Мусаев</i> Распространение свободно-церковного движения в Восточной Финляндии в конце XIX — начале XXвв.	206
<i>М. В. Шкаровский</i> Русская община Покрова Пресвятой Богородицы и Хельсинки в XX в.	216
<i>Т. Г. Фруменкова</i> Из жизни окружного надзирателя Финляндского округа Петербургского воспитательного дома И. Ф. Лашкейта (1820–1850-е гг.)	224
<i>Л. В. Суворова</i> Организация художественного образования в Великом княжестве Финляндском во II половине XIX века	235
<i>Ю. Д. Балащенко</i> Судьба усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» до, во время и после Второй мировой войны.	246
<i>Е. А. Гурова</i> Датские свадебные традиции	258
Краткие сведения об авторах	286
Information about authors	288

CONTENTS

Preface	6
PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY	
<i>T. A. Bazarova</i> «Follow <i>kivekas's stanitsa</i> by Forests and Marshes»: The First Russian Commandant of Vyborg G. P. Chernyshev and the fighting against the « <i>kivekas</i> ».....	12
<i>Kovalenko G. M.</i> Sven Belter in Saint-Petersburg. 1744–1745.....	20
<i>Yu. D. Balatsenko</i> The integration of I. E. Repin and his family into the Finnish society of the 20's of the XX th century and Soviet government attempts to «return» the artist to the USSR.....	26
ECONOMICS, WAR AND POLITICS	
<i>N. R. Slavnitsky</i> Reconnaissance in the North during the war activities on gathering information about the enemy during the defense of the north-western borders of Russia in 1708	40
<i>D. A. Bazhanov</i> Civil War in Finland and the Russian Navy: reaction, participation, motivation (on materials of the crews the Baltic Fleet, stationed in Helsingfors).....	50
<i>D. R. Lobanova</i> The social consequences of the Civil war in Finland.....	62

<i>V. N. Baryshnikov</i>	The question of objectivity Finland's withdrawal on the side of Germany from the Second World War in 1944: the economic aspect	73
--------------------------	--	----

THE BALTIC SEA:
COOPERATION AND CONFRONTATION

<i>E. A. Samylovskaya</i>	The participation of S. L. Vladislavich Raguzinsky in the career of the naval commander M. Zmayevich in Russia	88
<i>A. A. Lebedev</i>	Gangut's campaign of the Baltic sailing fleet 1743 in a view of new materials	92
<i>E. Y. Kobchikov</i>	Artist A. P. Bogolyubov and appearance of Cronstadt forts in the Crimean (Eastern) war of 1853–1856.	105
<i>M. A. Partala</i>	«Information bureau» of rear admiral A. I. Nepenin: The history of Temporary Operational Department at the Head of the Communication Service of the Baltic Sea (1915–1917)	109
<i>P. V. Petrov</i>	To the question about Soviet Navy losses during the Soviet-Finnish War of 1939–1940.	121

HISTORICAL SOURCES,
OPINIONS AND ESTIMATIONS

<i>V. E. Vozgrin</i>	The Danish Constitutions Formation: social and psychological factor	132
<i>T. A. Shrader</i>	Russian-Scandinavian scientific contacts in the last part of the XIX — beginning of the XX centuries (The investigations of the North part of Europe region)	161
<i>E. N. Arzamastseva</i>	Visual image of Russian authorities in Finnish Press in the beginning of the XX century by the example of the journal «Kurikka».	170
<i>L. O. Dubinka-Hushcha</i>	Foreign Historiography of the Danish Foreign Policy in 1970–1980s.	179
<i>B. S. Zharov</i>	The Scandinavian dictionaries by professor V. F. Maksimov.	190
<i>N. V. Belkina</i>	Words as a mirror of history	196

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

V. I. Musaev

Spread of Free-Church Movement in Eastern Finland
in the late 19th and early 20th Centuries 206

M. V. Shkarovskii

Russian community of the Holy virgin and Helsinki
in the twentieth century 216

T. G. Frumenkova

From the life of the district overseer of Finnish district
of Petersburg Foundling house I. F. Laskeit (1820s – 1850s) 224

L. V. Suvorova

Organization of Education in the field of Fine arts
in Grand Duchy of Finland in the first half of XIX century 235

Yu. D. Balatsenko

The fate of I. E. Repin's estate «Penates»
before, during and after WWII 246

E. A. Gurova

Danish wedding customs 258

Resumes / Abstract 286

Information about authors 288

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
И
СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ
Материалы Шестнадцатой ежегодной
международной научной конференции

Директор издательства *Р. В. Светлов*

Корректор *А. А. Борисенкова*
Художник *О. Д. Курта*
Верстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 24.03.2015.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бум. офсетная.

Гарнитура Octava. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17,20. Заказ № 745

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной
академии. Факс: (812) 311-30-75; тел.: (812) 310-79-29
email: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Контраст»
192029 Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38